

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ АГЕНТА
АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДОК
ГРАЖДАНИНА СССР ПЕНЬКОВСКОГО О. В.
И ШПИОНА-СВЯЗНИКА
ПОДДАННОГО ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВИННА Г. М.

7-11 МАЯ 1963 ГОДА

ХИ Н. Орешкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1963

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ АГЕНТА АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДОК ГРАЖДАНИНА СССР ПЕНЬКОВСКОГО О. В. И ШПИОНА-СВЯЗНИКА ПОДДАННОГО ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВИННА Г. М. 7—11 мая 1963 года. М., Политиздат, 1963.
320 с.

327 + 34С65

Редакторы *О. Вадеев* и *А. Горшкова*

Художник *Н. Симагин*

Технический редактор *А. Данилина*

Сдано в набор 11 сентября 1963 г. Подписано в печать 15 октября 1963 г.
Формат 84 × 108^{1/32} Физ. печ. л. 10. Условн. печ. л. 16,4. Учетно-изд. л. 16,15.
Тираж 100 тыс. экз. Т-15201. Заказ № 1632. Цена 37 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

ВЫШЕ РЕВОЛЮЦИОННУЮ БДИТЕЛЬНОСТЬ!

С большим одобрением встретил весь советский народ справедливый приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР по уголовному делу изменника Родины агента английской и американской разведок Пеньковского и шпиона-связника Винна. Высшая мера наказания — расстрел для Пеньковского и восемь лет лишения свободы для Винна — таков приговор суда.

Нескончаемым потоком в редакцию «Правды», в другие органы печати и на радио все эти дни идут письма, в которых советские люди самых разных профессий и возрастов выражают чувство глубокого удовлетворения тем, что славные советские чекисты решительно пресекли подлую деятельность английской и американской разведок. Со страниц этих писем громко звучит голос рабочих, тружеников сельского хозяйства, советской интеллигенции, гневно клеймящих позором реакционные круги капиталистических государств, ведущие подрывную деятельность против Советского Союза.

Советские люди в своих письмах вспоминают слова, сказанные товарищем Н. С. Хрущевым на XX съезде КПСС, о том, что подрывная деятельность против нашей страны открыто поддерживается и афишируется реакционными кругами ряда капиталистических государств. «Поэтому,— говорил Н. С. Хрущев,— мы должны всемерно поднимать в советском народе революционную бдительность...»

С первых дней своего существования Советское государство стало объектом непрерывных враждебных актов со стороны международного империализма.

В годы гражданской и Великой Отечественной войн враги пытались уничтожить первое в мире социалистическое государство вооруженным путем. Они были разгромлены советским народом. Также с позором провалились их расчеты на то, что наш народ окажется не в состоянии обеспечить развитие своей экономики, техники и науки и будет вынужден вернуться на путь капитализма. Все эти годы империалисты наряду с открытой политической, экономической и военной борьбой вели против нашей Родины «тайную войну», прибегая к шпионажу, диверсиям и другим видам подрывной деятельности. В ряде империалистических государств подрывная и разведывательная деятельность возведена в степень государственной политики. Но все эти преступные замыслы и действия реакционных сил обречены на провал.

В наше время, когда соотношение сил на мировой арене коренным образом изменилось в пользу социализма, открытые военные выступления против стран социалистического содружества неминуемо закончатся гибелью тех, кто предпринял бы их. Однако международный империализм все еще не отказался от своих гнусных замыслов против социалистических государств, он организует различные провокации против социализма. Закончившийся несколько дней назад судебный процесс по делу англо-американских шпионов — это только один из актов «тайной войны».

Империалистические государства любой ценой, любыми средствами стремятся добыть сведения о выдающихся достижениях Советского Союза в области экономики, науки и техники, о Вооруженных Силах нашей страны. На процессе было неопровержимо доказано, что, бесцеремонно попирая нормы международного права, они используют в целях шпионажа и дипломатическую службу своих держав. В частности определении Военной коллегии Верховного Суда названы имена семи английских и пяти американских дипломатов, аккредитованных в СССР, которые, злоупотребляя своим официальным положением, занимались деятельностью, враждебной нашей стране. В грязное дело шпионажа вовлекаются также некоторые иностранные коммерсанты, туристы, члены различных зарубежных делегаций.

Значит ли это, что советские люди, как утверждает западная пропаганда, склонны видеть недруга в каждом иностранце? Надо ли говорить о том, что подобные утверждения совершенно беспочвенны, глупы, что они являются злостной клеветой на советских людей.

Миролюбивый советский народ, воспитанный Коммунистической партией в духе пролетарского интернационализма, всегда выступал и выступает за укрепление дружественных отношений с другими народами, за всемерное развитие международных контактов, за широкий обмен культурными ценностями. Всему миру известно гостеприимство, с которым у нас встречают каждого, кто прибывает в нашу страну с чистым сердцем и открытой душой. Пусть знают все, что советские люди не ставят знака равенства между бдительностью и подозрительностью: они далеки от того, чтобы предполагать у всех своих гостей недобрые намерения. Но пусть все помнят также и то, что разящий меч советских органов государственной безопасности неминуемо обрушится на любую змею, которая попытается вползти в возводимое нашим народом светлое здание коммунизма.

Любые происки иностранных разведок обречены на провал, ибо никакой социальной опоры в советском обществе они не имеют и не могут иметь. Морально-политическое единство нашего народа, высокий патриотизм советских людей — надежнейшая из стен, стоящих на пути лазутчиков капиталистического мира. Поэтому-то разведывательные службы империалистических держав настойчиво выискивают отдельных людей, пораженных червоточинами идейной неустойчивости и моральной нечистоплотности, авантюристов, карьеристов и корыстолюбцев, которые при определенных обстоятельствах могут поддаться на вербовку и стать на преступный путь измены Родине.

В нашем социалистическом обществе выродки, подобные Пеньковскому, обречены на всеобщее презрение, на уничтожение. 220 миллионов советских патриотов единодушно выразили свой гнев к изменнику. Повышение бдительности советского народа к проискам империалистических сил — таков ответ советских людей на диверсии английской и американской разведок, разоблаченных перед всем миром на судеб-

ном процессе, прошедшем в Москве. Нельзя забывать, что любое попустительство по отношению к пережиткам прошлого и их носителям, какая бы то ни было снисходительность к порокам, ротозейство, проявляемое отдельными людьми, недопустимы; они приводят к утере политической бдительности.

Наряду со шпионажем враги нашей Родины, враги мира и социализма за последнее время все настойчивее прибегают к методам идеологической диверсии. Пытаясь подорвать могущество советского строя, они выискивают всякие лазейки, чтобы оказывать свое тлетворное влияние на отдельных неустойчивых людей. Поэтому всякое ослабление борьбы против буржуазной идеологии, служащей средством оживления пережитков капитализма, может создать такие условия, в которых удобнее всего действовать подосланным империалистическими разведками ловцам мелких душонок. И чем активнее советские люди будут бороться с влиянием буржуазной идеологии, с волчьей моралью капиталистического мира, чем выше будет их политическая зоркость, умение распознавать врага, под какой бы личиной он ни скрывался, тем надежнее закроются все щели для проникновения вражеской агентуры.

Именем Родины, именем народа, в интересах мира на земле советский суд воздал преступникам в полную меру свершенных ими злодеяний. Далеко идущие замыслы правящих кругов империалистических держав проникнуть в государственные тайны Советского Союза потерпели крах. Высокая бдительность советских людей, хорошо помнящих указания В. И. Ленина о том, что, взявшись за мирное строительство, надо быть всегда начеку, как зеницу ока беречь обороноспособность своей Родины, — это надежнейшая гарантия того, что никогда и никому не удастся помешать нам идти к своей великой цели. Быть всегда начеку, выше революционную бдительность! — таков сегодня девиз советского народа — строителя коммунизма.

Передовая статья газеты «Правда»
от 17 мая 1963 года

**СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПО ДЕЛУ ПЕНЬКОВСКОГО О. В.
и ВИННА Г. М.
7—11 мая 1963 года**

***Заседание Военной коллегии
Верховного Суда СССР
7 мая***

(Информационное сообщение)

7 мая в Москве в зале судебных заседаний Верховного Суда СССР начался открытый судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок гражданина СССР Пеньковского О. В. и подданного Великобритании шпиона-связника Гревилла Винна.

Уголовное дело Пеньковского и Винна рассматривает Военная коллегия Верховного Суда СССР.

Состав суда: председательствующий — председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции В. В. Борисоглебский, народные заседатели — генерал-майор И. С. Цыганков и генерал-майор С. К. Марасанов. Секретарь суда — майор административной службы М. В. Афанасьев.

Государственное обвинение поддерживает Главный военный прокурор генерал-лейтенант юстиции А. Г. Горный.

Защиту осуществляют члены Московской городской коллегии адвокатов адвокаты К. Н. Апраксин и Н. К. Боровик.

В качестве свидетелей судом вызваны: И. П. Рудовский, В. Я. Фишкельштейн, А. Т. Долгих, В. В. Петроченко. Вызванный в суд свидетель А. П. Казанцев в связи с болезнью явиться в суд не смог.

В судебном заседании принимают участие эксперты: В. К. Гвозд, Е. А. Крылов, Г. И. Долин, В. И. Казаков, Н. П. Зорин, Н. И. Туров, А. П. Наумов, Л. В. Закурдаев, Л. Ф. Кузнецова.

В зале судебных заседаний Верховного Суда СССР присутствуют представители трудящихся Москвы, советские и иностранные корреспонденты.

После оглашения обвинительного заключения председательствующий задает подсудимым Пеньковскому и Винну вопрос: признают ли они себя виновными в предъявленном им обвинении?

Подсудимый Пеньковский отвечает: «Да, признаю себя виновным полностью».

Подсудимый Винн заявил: «Да, виновным себя признаю, за исключением некоторых деталей, о которых дам подробное объяснение суду».

На дневном заседании начался допрос подсудимых.

На вечернем заседании продолжался допрос подсудимых.

Следующее заседание Военной коллегии состоится 8 мая в 10 часов утра.

Утреннее заседание

(Стенографическая запись)

10 ч. 00 м.

Комендант суда: Суд идет. Прошу встать.

Председательствующий — председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции Борисоглебский В. В.: Садитесь, пожалуйста. Судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР объявляю открытым. Подлежит рассмотрению уголовное дело гражданина Советского Союза Пеньковского, преданного суду по п. «а» ст. 64 Уголовного кодекса РСФСР, и подданного Великобритании Винна, преданного суду по ст. 65 Уголовного кодекса РСФСР.

Товарищ секретарь, доложите, кто прибыл в суд из числа лиц, вызывавшихся в судебное заседание.

Секретарь: В судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР вызывались в качестве свидетелей: Финкельштейн, Рудовский, Петроченко, Долгих и Казанцев. Свидетель Казанцев в судебное заседание не явился в связи с болезнью, о чем имеется официальный документ. Он находится на излечении в Центральной больнице Министерства здравоохранения РСФСР по поводу тромбоза центральной вены сетчатки глаза и будет находиться там до 20 мая.

Все эксперты: Гвозд, Закурдаев, Наумов, Кузнецова, Зорин, Туров, Крылов, Долин и Казаков — находятся здесь в зале.

Председательствующий: Переводчики Белицкий, Рубальский и Брук, прошу встать. Вы приглашены в судебное заседание в качестве переводчиков англий-

ского языка. Переводчик Белицкий, какой стаж вашей работы в качестве переводчика?

Переводчик Белицкий: С 1945 года.

Председательствующий: Переводчик Рубальский, какой стаж вашей работы переводчиком?

Переводчик Рубальский: С 1938 года.

Председательствующий: Переводчик Брук, стаж вашей работы?

Переводчик Брук: С 1953 года.

Председательствующий: Согласно ст. 269 Уголовного кодекса РСФСР, вы обязаны переводить суду показания и заявления участвующих в деле лиц, не владеющих русским языком, а этим лицам — содержание показаний, заявления, документы, весь ход судебного процесса.

Вам понятны ваши обязанности?

Переводчики: Да, понятны.

Председательствующий: За заведомо неправильный перевод вы можете быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 181 Уголовного кодекса РСФСР. Прошу садиться.

Свидетели, прошу встать. Всех свидетелей прошу удалиться из зала суда и ждать вызова для допроса. Товарищ комендант, проводите свидетелей в отведенную для них комнату.

(Свидетели удаляются из зала.)

Товарищ комендант, дайте распоряжение ввести подсудимых.

(Вводятся подсудимые.)

Подсудимый Пеньковский, как правильно произносится ваша фамилия?

Пеньковский: Пеньковский, через мягкий знак.

Председательствующий: Ваши имя и отчество?

Пеньковский: Олег Владимирович.

Председательствующий: Когда и где вы родились?

Пеньковский: Я родился в 1919 году, 23 апреля, в г. Орджоникидзе.

Председательствующий: Национальность?

Пеньковский: Русский.

Председательствующий: Где вы постоянно проживали?

Пеньковский: Последнее время я проживал в Мо-

скве, набережная М. Горького, дом № 36, квартира № 59.

Председательствующий: Каков состав вашей семьи?

Пеньковский: Я женат, имею двух дочерей — 1 года и 16 лет. Со мной проживает моя мать, которая находится на моем иждивении.

Председательствующий: Ваше воинское звание?

Пеньковский: Мое воинское звание — полковник запаса.

Председательствующий: Какую должность вы занимали в Государственном комитете при Совете Министров СССР по координации научно-исследовательских работ?

Пеньковский: Я работал заместителем начальника иностранного отдела Управления внешних сношений.

Председательствующий: Когда вам вручены копия обвинительного заключения и постановление о предании вас суду?

Пеньковский: Копия обвинительного заключения и копия постановления о предании меня суду мне вручены 3 мая текущего года.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, садитесь.

Подсудимый Винн, как правильно произносятся ваши фамилия и имя?

Винн: Винн Гревилл Мейнерд.

Председательствующий: Когда и где вы родились?

Винн: Я родился в 1919 году, дер. Сент-Джорджемс графства Шропшир (Англия).

Председательствующий: Месяц и число вашего рождения?

Винн: 19 марта 1919 года.

Председательствующий: Гражданином какого государства вы являетесь?

Винн: Я являюсь подданным Великобритании.

Председательствующий: Ваша национальность?

Винн: Я англичанин.

Председательствующий: Ваша профессия, род занятий?

Винн: По образованию я инженер, являлся директором двух компаний и вел деловую деятельность.

Председательствующий: Какое вы имеете образование?

Винн: Я получил высшее техническое образование и являюсь выпускником колледжа при Ноттингемском университете.

Председательствующий: Каков состав вашей семьи?

Винн: У меня есть жена и 9-летний сын.

Председательствующий: Где вы проживали?

Винн: В районе Челси в городе Лондоне.

Председательствующий: Вы там проживали постоянно?

Винн: Да.

Председательствующий: Когда вам вручены копия обвинительного заключения и копия постановления о предании суду?

Винн: Несколько дней назад.

Председательствующий: Эти документы вам вручены в переводе на английский язык?

Винн: Да.

Председательствующий: Подсудимый Винн, садись.

Винн: Благодарю.

Председательствующий: Объявляется состав суда, избранный сессией Верховного Совета Союза ССР 25 апреля 1962 года.

Председательствующий — председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции Борисоглебский, народные заседатели — генерал-майор Марасанов, генерал-майор Цыганков, секретарь — майор административной службы Афанасьев. Государственное обвинение в суде поддерживает Главный военный прокурор генерал-лейтенант юстиции Горный. Защиту подсудимого Пеньковского осуществляет член Московской городской коллегии адвокатов Апраксин. Защиту подсудимого Винна осуществляет член Московской городской коллегии адвокатов Боровик. В качестве экспертов в суд приглашены генерал-майор Гвозд, полковники Крылов и Долин, подполковник Казаков. Эксперты — Зорин, Туров, Закурдаев, Кузнецова и радиоспециалист Наумов. В судебном заседании участвуют переводчики английского языка Рубальский, Брук и Белицкий.

В соответствии со ст. 272 УК РСФСР составу суда или кому-либо из судей, прокурору, секретарю, экспертам и переводчикам участники судебного процесса могут заявить отвод, если указанные лица состоят в родстве между собой или же являются родственниками подсудимых, а также при наличии других обстоятельств, свидетельствующих о заинтересованности этих лиц в исходе дела.

Подсудимый Пеньковский, вам понятно право отвода?

Пеньковский: Мне право отвода ясно.

Председательствующий: Вы заявляете отвод составу суда?

Пеньковский: Составу суда я отвода не заявляю.

Председательствующий: Секретарю?

Пеньковский: Секретарю отвода не заявляю.

Председательствующий: Прокурору?

Пеньковский: Не заявляю.

Председательствующий: Экспертам?

Пеньковский: Тоже не заявляю.

Председательствующий: Переводчикам?

Пеньковский: Не заявляю.

Председательствующий: Согласны вы с тем, что вашу защиту осуществляет адвокат Апраксин?

Пеньковский: Да, я согласен.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, садитесь.

Подсудимый Винн, вам понятно право отвода?

Винн: Это мое право мне было объяснено.

Председательствующий: Вы заявляете отвод составу суда или кому-либо из судей?

Винн: Нет, у меня возражений против названных лиц нет.

Председательствующий: Секретарю?

Винн: Нет.

Председательствующий: Прокурору?

Винн: Нет.

Председательствующий: Экспертам?

Винн: Нет.

Председательствующий: Переводчикам?

Винн: Нет.

Председательствующий: Не возражаете против за-

инты ваших интересов в суде адвокатом Боровиком?

Винн: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Винн, садитесь.

Товарищ прокурор, у вас есть заявления об отводе составу суда, секретарю, экспертам, переводчикам?

Прокурор Горный: Заявлений об отводе составу суда, секретарю, переводчикам и экспертам я не имею.

Председательствующий: Товарищ адвокат Апраксин, у вас есть заявления об отводе?

Адвокат Апраксин: Не имею.

Председательствующий: Товарищ адвокат Боровик, у вас есть заявления об отводе?

Адвокат Боровик: Заявлений об отводе составу суда, секретарю, государственному обвинителю, экспертам и переводчикам у меня нет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский и подсудимый Винн, разъясняю вам ваши права, предоставленные вам законом в судебном заседании. Вы имеете право участвовать в судебном разбирательстве, заявлять ходатайства, задавать вопросы друг другу, свидетелям, экспертам и давать объяснения по предъявленному вам обвинению. В конце судебного заседания вы имеете право на последнее слово.

Подсудимый Пеньковский, вам понятны ваши права?

Пеньковский: Мне мои права ясны.

Председательствующий: Садитесь.

Подсудимый Винн, вам понятны ваши права в суде?

Винн: Да, я их понимаю полностью.

Председательствующий: Подсудимый Винн, садитесь.

Генерал-майор Гвозд, полковники Крылов и Долин, подполковник Казаков, где вы работаете, какие должности занимаете, ваше образование?

Эксперт Гвозд: В Министерстве обороны СССР начальником отдела, образование высшее.

Эксперт Крылов: В Министерстве обороны СССР старшим офицером, образование высшее.

Эксперт Долин: Министерство обороны СССР, старшим офицером, образование высшее.

Эксперт Казаков: Министерство обороны СССР, старшим офицером, образование среднее.

Председательствующий: Эксперты Зорин, Туров, Наумов, Закурдаев, Кузнецова, где вы работаете, ваше образование?

Эксперт Зорин: Я работаю начальником отдела Главлита, образование высшее.

Эксперт Туров: Я являюсь экспертом-криминалистом. Образование высшее.

Эксперт Наумов: Я работаю старшим инженером, образование высшее, являюсь экспертом-радиоспециалистом.

Эксперт Закурдаев: Образование у меня высшее техническое, являюсь экспертом-криминалистом.

Эксперт Кузнецова: Я работаю старшим научным сотрудником, образование высшее, являюсь экспертом-химиком.

Председательствующий: В соответствии со ст. 82 Уголовного процессуального кодекса РСФСР, как эксперты, вы имеете право знакомиться с материалами дела, присутствовать в судебном зале во время процесса, задавать допрашиваемым лицам вопросы, которые относятся к предметам вашей экспертизы. При необходимости эксперты могут заявлять ходатайства о представлении дополнительных материалов. Вы обязаны, в соответствии со своими специальными знаниями, дать объективное заключение по тем вопросам, которые суд или другие участники судебного процесса поставят на ваше разрешение. За уклонение от выполнения обязанностей экспертов, а также за дачу заведомо ложного заключения вы можете быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 181 и 182 УК РСФСР.

Понятны ли вам ваши права и обязанности?

Эксперты: Да, понятны.

Председательствующий: Прошу садиться.

Есть ли у участников судебного процесса ходатайства в подготовительной части судебного заседания о вызове в суд новых свидетелей и истребовании документов?

Товарищ прокурор, есть ли у вас ходатайства?

Прокурор: У меня ходатайств нет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, у вас есть ходатайства?

Пеньковский: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Винн, у вас есть какие-либо ходатайства?

Винн: Нет, такого рода ходатайств у меня нет.

Председательствующий: Адвокат Апраксин, у вас есть ходатайства?

Адвокат Апраксин: У меня ходатайств нет.

Председательствующий: Адвокат Боровик?

Адвокат Боровик: Ходатайств не имею.

Председательствующий: Как было уже здесь объявлено, свидетель Казанцев болен и находится в больнице.

Подсудимый Пеньковский, вы не возражаете рассматривать дело в отсутствие свидетеля Казанцева?

Пеньковский: Нет, я не возражаю, чтобы свидетеля Казанцева не было, но желательно иметь его письменные показания, так как они имеют определенное значение по моему делу.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы не возражаете слушать дело без свидетеля Казанцева?

Винн: Нет, такого рода возражений не имею.

Председательствующий: Адвокат Апраксин, ваше мнение?

Адвокат Апраксин: Я не возражаю слушать дело в отсутствие свидетеля Казанцева и думаю, что если будет необходимо, то мы сможем воспользоваться его показаниями, которые он дал на предварительном следствии.

Председательствующий: Адвокат Боровик, ваше мнение?

Адвокат Боровик: Я также не возражаю слушать дело в отсутствие свидетеля Казанцева, но считаю целесообразным во время судебного разбирательства огласить его показания.

Председательствующий: Товарищ прокурор, каково ваше заключение о возможности слушать дело без свидетеля Казанцева?

Прокурор: Я считаю, что рассмотрение дела в отсутствие свидетеля Казанцева вполне возможно. В случае надобности в соответствии с п. 2 ст. 286 Уголовного процессуального кодекса РСФСР показания Ка-

занцева, данные на предварительном следствии, можно будет огласить в судебном заседании.

Председательствующий: Суд, совещаясь на месте, определил: «Слушать дело без свидетеля Казанцева. В случае необходимости огласить его показания, данные им на предварительном следствии».

Подготовительная часть судебного заседания окончена.

Товарищ секретарь, прошу огласить обвинительное заключение.

(Секретарь зачитывает обвинительное заключение.)

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПО ОБВИНЕНИЮ

**ПЕНЬКОВСКОГО ОЛЕГА ВЛАДИМИРОВИЧА
В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО
П. «А» СТ. 64 УК РСФСР,
И ВИННА ГРЕВИЛЛА МЕЙНЕРДА
В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 65 УК РСФСР**

Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР 22 октября 1962 года был задержан с поличным, а затем арестован агент английской и американской разведок гражданин СССР Пеньковский Олег Владимирович, занимавшийся сбором и передачей этим разведкам шпионской информации экономического, политического и военного характера.

В соответствии со ст. 54 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой «Об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» компетентными органами Венгерской Народной Республики 2 ноября 1962 года был задержан и 3 ноября того же года выдан советским властям подданный Великобритании Винн Гревилл Мейнерд, осуществлявший в 1961—1962 годах связь между шпионом Пеньковским, с одной стороны, и английской и американской разведками — с другой. 4 ноября 1962 года Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР Винн был арестован.

В отношении конкретной преступной деятельности каждого из обвиняемых расследованием установлено следующее:

Обвиняемый Пеньковский О. В. в результате морального разложения решил стать агентом империалистических разведок и в этих целях в конце 1960 года предпринял попытку установить шпионскую связь с американской разведкой.

Имея по роду службы в Государственном комитете по координации научно-исследовательских работ СССР деловые встречи с иностранцами, приезжавшими в Советский Союз в составе различных научно-

технических делегаций, Пеньковский в декабре 1960 года познакомился с представителем ряда английских фирм подданным Великобритании Винном Гревиллом Мейнердом, прибывшим в Советский Союз в составе английской делегации, и установил с ним доверительные отношения.

В очередной приезд Винна в Москву, в первой декаде апреля 1961 года, Пеньковский посетил его в номере гостиницы «Националь», сообщил свои биографические данные и предложил через него услуги английской разведке, заявив, что имеет большие возможности по сбору интересующих англичан материалов. Кроме того, Пеньковский сказал Винну, что с аналогичным предложением он ранее обращался к американцам, но ответа от них не получил. Во время этой встречи Пеньковский вручил Винну письмо и просил передать его английской разведке.

Через несколько дней по предложению Винна Пеньковский написал свою автобиографию, изложил свои возможности по сбору шпионской информации и в день отъезда Винна из Москвы, 12 апреля 1961 года, вручил ему пакет с этими данными.

После отъезда Винна из Москвы Пеньковский подготовил для английской разведки в письменном виде шпионскую информацию по совершенно секретным вопросам, в том числе с данными по некоторым ракетам, упаковал все это в два пакета и 20 апреля 1961 года, прибыв в служебную командировку в Лондон, передал Винну в гостинице «Маунт ройял».

В тот же день вечером в одном из указанных Винном номеров гостиницы «Маунт ройял» Пеньковский имел встречу с английскими разведчиками, назвавшими себя «Грилье» и «Майлом», и представителями американской разведки, которые именовали себя «Александром» и «Ослафом». На этой встрече Пеньковский рассказал разведчикам свою биографию и сообщил о своих возможностях по сбору разведывательной информации.

В последующем Пеньковский до дня отъезда из Лондона (6 мая 1961 года) имел еще три встречи с этими разведчиками в гостинице «Маунт ройял».

На второй встрече с иностранными разведчиками, состоявшейся 21 апреля 1961 года, Пеньковский

подробно доложил о привезенных им секретных материалах и сообщил о своих возможностях по сбору шпионских сведений в некоторых советских учреждениях. Пеньковскому было заявлено, что для фотографирования секретных документов этих учреждений он будет снабжен миниатюрным фотоаппаратом «Минокс» и пленками к нему, а также транзисторным радиоприемником для поддержания с разведками односторонней радиосвязи и специальной копировальной бумагой для написания тайнописных шпионских допесений. Кроме того, было оговорено: если Пеньковскому в будущем не удастся выехать в командировку в капиталистические страны, то дальнейшие инструкции ему будут передаваться через Винна, имеющего возможность посещать Советский Союз под видом коммерсанта, или через другое лицо, которое будет специально командировано в Советский Союз.

На очередной встрече с представителями иностранных разведок в Лондоне 3 мая 1961 года Пеньковский дал письменные обязательства о сотрудничестве с английской и американской разведками, а также написал обращение о предоставлении ему в случае необходимости английского подданства или гражданства США. Затем он ознакомился с правилами обращения с фотоаппаратом «Минокс», порядком приема радиопередач из разведцентра с помощью транзисторного приемника, правилами пользования тайнописной копировальной бумагой, специальными блокнотами, предназначенными для зашифровывания и расшифровывания радиосообщений, а также с соответствующими инструкциями.

Следующая встреча Пеньковского с разведчиками состоялась 4 мая 1961 года. На ней Пеньковский получил упакованные в два пакета фотоаппарат «Минокс», 20 фотопленок, транзисторный радиоприемник «Сония» японского производства, два шифровальных блокнота и записную книжку с тайнописной копировальной бумагой. Это шпионское снаряжение иностранные разведчики рекомендовали Пеньковскому хранить в специально оборудованном у себя дома тайнике. «Александр» и «Грилье» предупредили Пеньковского, что в скором времени в Москву придет Винн и привезет от них письмо, а в случае необходи-

мости ему будут переданы соответствующие указания по радио.

Тогда же Пеньковский был представлен одному из руководителей английской разведки и получил задание фотографировать для иностранных разведок секретные документы.

Возвратившись 6 мая 1961 года в Москву, Пеньковский приступил к выполнению заданий английской и американской разведок, сфотографировал на 20 пленках ряд секретных научно-технических материалов и 27 мая 1961 года передал эти пленки, а также исполненное тайнописью письмо, упакованные в пакеты, прибывшему в Москву Винну. В тот же день в гостинице «Метрополь» Пеньковский получил через Винна инструктивное письмо разведцентра и 30 фотопленок к аппарату «Минокс».

Перед отъездом Винна в Англию в начале июня 1961 года Пеньковский уведомил его о том, что в 20-х числах июля того же года планируется его поездка в Лондон на советскую промышленную выставку.

После отъезда Винна Пеньковский приступил к фотографированию секретных материалов, представляющих интерес для английской и американской разведок. В конце июня 1961 года Пеньковский принял из разведцентра шифрованную радиограмму, в которой уточнялись правила пользования тайнописной бумагой. Кроме того, Пеньковский принимал и учебные шифрованные радиограммы, так называемые болванки.

В июле 1961 года Пеньковский прибыл в служебную командировку в Лондон, где передал Винну в пакетах 16 экспонированных фотопленок с секретными материалами научно-технического и другого характера, а также книгу английского автора Лея «Ракеты в настоящем и будущем» в русском переводе с послесловием Бузинова, которой интересовались иностранные разведки.

За период пребывания в Англии с 18 июля по 8 августа 1961 года Пеньковский пять раз встречался с представителями английской и американской разведок: четыре раза на конспиративной квартире в Лондоне и один раз на конспиративной даче в предместье Лондона. Кроме названных выше четырех английских

и американских разведчиков на встречах присутствовал английский разведчик «Радж».

На первой встрече 21 июля 1961 года Пеньковский доложил о материалах, сфотографированных им на 20 фотопленках и переданных Винну 27 мая 1961 года. Тогда же Пеньковский получил задание продолжать фотографирование подобных документов и изыскивать возможности фотографирования материалов в других советских ведомствах. Затем Пеньковский подробно рассказал о прошлой своей работе в военных учреждениях и выдал ряд важных сведений, составляющих государственную тайну Советского Союза. Кроме того, Пеньковскому был назван подобранный американской разведкой тайник № 1 в подъезде дома № 5/6 по Пушкинской улице в Москве и объяснены правила пользования этим тайником.

Через три-четыре дня состоялась вторая встреча Пеньковского с английскими и американскими разведчиками, на которой Пеньковский подробно доложил о материалах, сфотографированных им на 16 фотопленках, привезенных в Лондон. Иностранные разведчики заявили Пеньковскому, что сфотографированные им документы являются для них весьма ценными. После этого Пеньковский дал иностранным разведчикам устную информацию по вопросам, составляющим государственную тайну. На этой же встрече был составлен план последующих встреч, на которых предусматривалось обучение Пеньковского работе на специальных шпионских радиопередатчиках, разбор вопросов по разведывательной подготовке и инструктаж.

На очередной встрече Пеньковский примерил сшитые для него два военных мундира со знаками различия полковника английских и американских вооруженных сил и сфотографировался в них. При этом он получил заверение, что после окончания шпионской работы на территории СССР ему будет предоставлена по его выбору ответственная должность в английском или американском военном ведомстве с окладом в 2000 долларов, а также выплачено единовременное вознаграждение за прошлую шпионскую работу из расчета 1000 долларов за каждый месяц. Тогда же Пеньковский ознакомился с бланками необходимых документов, которые будут заполнены на его имя, как

только он окажется на Западе и изъявит желание вступить в английское или американское гражданство. Затем Пеньковский был представлен высокопоставленному должностному лицу английской разведки.

Следующая встреча Пеньковского с английскими и американскими разведчиками произошла на конспиративной даче примерно в 30 километрах от Лондона в начале августа 1961 года. Там Пеньковский ознакомился с устройством специальных радиопередатчиков дальнего и направленного действия и правилами работы на них, а затем получил задание выяснить, в каких комнатах советского посольства в Лондоне размещаются интересующие иностранные разведки лица.

Примерно 5—6 августа 1961 года на конспиративной квартире в Лондоне состоялась пятая встреча, на которой Пеньковский познакомился с английской разведчицей Чизхолм Джанет-Анной — женой бывшего 2-го секретаря посольства Великобритании в Москве Чизхолма, являвшегося одновременно сотрудником английской разведки и поддерживавшего шпионский контакт с Пеньковским через приезжавшего в Москву Винна. При этом было обусловлено, что Пеньковский будет передавать Чизхолм Анне шпионские материалы и получать от нее инструктивные письма и фото пленки на конспиративных встречах в Москве в 16 часов по субботам в октябре и декабре 1961 года в районе Цветного бульвара и в 13 часов каждую пятницу ноября 1961 года на Арбате в районе антикварного магазина. Затем Пеньковский показал разведчикам по схемам домов советского посольства в Лондоне рабочие места интересовавших разведки лиц.

После этого состоялся инструктаж Пеньковского о дальнейшей шпионской работе на английскую и американскую разведки, причем было обращено особое внимание на соблюдение осторожности и конспиративности в работе. Пеньковский получил задание изыскивать возможности сбора шпионской информации через знакомых ему офицеров Советской Армии, в частности военнослужащих ракетных войск; собирать сведения о советских войсках, дислоцированных в ГДР, подготовке заключения мирного договора с Германской Демократической Республикой, развитию советско-ки-

тайских отношений и другую информацию политического, военного и экономического характера.

Возвратившись 8 августа 1961 года в Москву, Пеньковский приступил к выполнению заданий разведок, сфотографировал на 22 пленки секретные материалы и в том же месяце передал их вместе с письмом в пакетах приехавшему в Москву Винну. Кроме письма и пленок Пеньковский вручил Винну пакеты с артиллерийско-геодезическим уровнем, а также пришедшим в негодность фотоаппаратом «Минокс» для замены.

От Винна Пеньковский получил в упакованном виде новый фотоаппарат «Минокс», 35 фотопленок к нему, инструктивное письмо и коробку конфет, предназначенную в качестве контейнера для передачи шпионских материалов Чизхолм Анне. Кроме того, Пеньковский ознакомился у Винна с фотографиями Чизхолм Анны и ее детей, с целью узнать их при встрече на Цветном бульваре, где они обычно гуляли.

Сфотографировав на 4 пленках документы ГК по КНИР, Пеньковский вместе с письмом вложил их в полученную от Винна коробку конфет и в первых числах сентября 1961 года передал Анне Чизхолм через ее ребенка при встрече на Цветном бульваре в Москве.

20 сентября 1961 года в составе советской делегации Пеньковский прибыл в Париж и в аэропорту «Ле Бурже» передал Винну в пакете 15 экспонированных фотопленок с заснятыми на них шпионскими материалами.

Находясь в Париже, Пеньковский неоднократно встречался на конспиративных квартирах с представителями английской и американской разведок. На этих встречах он сообщил о полученном служебном задании на время пребывания во Франции, рассказал о ряде работников советского посольства в Париже, которыми интересовались разведчики, опознал их по фотокарточкам, дал им краткие характеристики и по схеме здания советского посольства показал их рабочие места. Кроме того, опознал по фотокарточкам несколько интересовавшихся разведки советских граждан и выдал важные сведения, прошел инструктаж по шпионской работе и получил задание: продолжать фотографировать секретные материалы, подобрать в

Москве и подробно описать 8—10 тайников для личной связи с разведками, устанавливать новые знакомства среди офицеров и сотрудников ГК по КНИР, изучить возможность получения от них шпионской информации, собирать сведения о новой советской военной технике, используя знакомства с военнослужащими ракетных войск. Наряду с этим в Париже Пеньковский продолжал изучать шпионскую радиотехнику, которую иностранные разведчики обещали прислать ему в Москву через Винна или Чизхолм Анну.

На одной из встреч присутствовала Чизхолм Анна, с которой был уточнен план поддержания контакта между ней и Пеньковским в Москве. На другой встрече в Париже Пеньковский был представлен высокопоставленному лицу разведорганов США.

Кроме того, во время пребывания в Париже Пеньковский уточнил правила пользования тайником в подъезде дома на Пушкинской улице и получил резервный вид связи с представителями иностранных разведок в Москве по специальному паролю в районе гостиницы «Балчуг».

Согласно полученным в Лондоне и Париже инструкциям, перед закладкой шпионских материалов в тайник № 1 в подъезде дома № 5/6 по Пушкинской улице в Москве Пеньковский должен был поставить черную метку на столбе № 35 по Кутузовскому проспекту, затем заложить тайник, дважды позвонить по телефонам Г 3-26-87 и Г 3-26-94 и, услышав отзыв абонента, повесить трубку. Эти сигналы означали, что находящиеся в Москве разведчики могут идти к тайнику и изъять из него шпионские материалы. В Париже Пеньковскому было объявлено, что по телефону Г 3-26-94 абонентом будет названа фамилия «Дэвисон», а по телефону Г 3-26-87 — «Джонс». Позже Пеньковский получил сообщение, что по телефону Г 3-26-87 отзовется «Монтгомери».

Согласно тем же инструкциям, указанные номера телефонов Пеньковский должен был использовать и в случае, если он окажется в затруднительном положении и не будет иметь возможности заложить тайник № 1. В этом случае ему было предложено поставить на столбе № 35 черный крест, а затем позвонить по этим телефонам и трижды сильно подуть в трубку.

Эти условности Пеньковский записал на отдельном листе бумаги, который был изъят при аресте и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

Как установлено следствием, телефон Г 3-26-94 находится в квартире № 60 дома 18 по Кутузовскому проспекту, в которой с мая 1961 года проживает помощник военно-воздушного атташе США Алексис Дэвисон. Телефон же Г 3-26-87 находится в квартире № 66 дома 18 по Кутузовскому проспекту, в которой с 1960 года по февраль 1962 года проживал бывший 2-й секретарь американского посольства Вильям Джонс, а с февраля 1962 года проживает атташе посольства США Хью Монтгомери.

В целях проверки показаний обвиняемого Пеньковского о данном ему иностранными разведчиками тайнике № 1, 2 ноября 1962 года в соответствии со ст. 183 УПК РСФСР был произведен следственный эксперимент. В процессе эксперимента в тайник была заложена спичечная коробка, в которой находилось изъятое при аресте Пеньковского шпионское донесение, предназначавшееся для передачи в разведцентр, и соблюдены все условия сигнализации, описанные Пеньковским. При этом было установлено следующее: при наборе телефона Г 3-26-94 абонент как в первом, так и во втором случае назвал фамилию «Дэвисон», а абонент телефона Г 3-26-87 — «Монтгомери». Через 30 минут после этого у столба № 35 появился помощник военно-воздушного атташе США Дэвисон и осматривал метку, а через 6 часов в подъезд дома № 5/6 по Пушкинской улице зашел мужчина, который изъятию тайника спичечную коробку с донесением Пеньковского. При этом он был задержан и для выяснения личности доставлен в управление милиции, где предъявил документы, свидетельствующие о том, что он является сотрудником посольства США Ричардом К. Джэкобом.

Согласно инструкциям, полученным в Париже, о подборе в Москве нескольких тайников для безличной шпионской связи Пеньковский для вызова разведчика к тайнику должен был дважды с интервалом в одну минуту в любой понедельник в 21 час 10 минут позвонить по телефону К 4-89-73 и после трех гудков повесить трубку.

Следствием установлено, что телефон К 4-89-73 находится в квартире 35 дома № 12/24 по Садово-Самотечной улице, в которой до июня 1962 года проживал бывший помощник военно-морского атташе посольства Великобритании Джон Варлей, а с июля 1962 года до марта 1963 года — бывший сотрудник того же посольства Айвор Рауселл.

Получив от иностранных разведок в Париже 30 фотопленок и новую копировальную бумагу для составления тайнописных донесений, 16 октября 1961 года Пеньковский прибыл в Москву. На следующий день в 21 час 00 минут, как это было обусловлено в Париже, Пеньковский позвонил по телефону Г 3-13-58 и после трех гудков повесил трубку, чем поставил английских разведчиков в известность о благополучном возвращении в Москву. Телефон Г 3-13-58 находится в квартире, в которой в октябре 1961 года проживала бывшая сотрудница посольства Великобритании Фелисита Стюарт.

Во исполнение заданий английской и американской разведок Пеньковский в октябре 1961 года сделал подробное описание удостоверения личности офицера Советской Армии и жетона с личным номером, составил описание программы подготовки слушателей одной из военных академий, вычертил схему организации этой академии, составил список знакомых ему генералов и офицеров с краткими характеристиками на них и вечером 21 октября 1961 года все эти материалы вместе с имевшимися у него артиллерийским уставом, «Наставлением по стрельбе зенитной артиллерии» и двумя военными журналами за 1960 год передал связнику иностранной разведки на конспиративной встрече в районе гостиницы «Балчуг».

В последующем Пеньковский активно собирал секретную информацию политического, экономического и военного характера и через разведчицу Чизхолм Анну передавал английской разведке.

9 ноября 1961 года в районе Арбата он передал Чизхолм письмо и 4 экспонированных фотопленки, на которых был сфотографирован пропуск в военное учреждение и научно-технические документы.

23 декабря 1961 года на встрече с Чизхолм в районе Цветного бульвара Пеньковский уведомил через нее

разведцентр о том, что он возвратился из отпуска и приступил к дальнейшему выполнению шпионских заданий.

30 декабря 1961 года в том же районе Пеньковский получил через Чизхолм инструктивное письмо из разведцентра, а 5 января 1962 года на встрече с нею в районе Арбата — один фотоаппарат «Минокс» и 5 пленок.

12 января 1962 года там же Пеньковский получил от Чизхолм 4 шифрблокнота и инструктивное письмо разведцентра.

19 января того же года на Арбате Пеньковский передал Чизхолм 3 экспонированные фотопленки с технической информацией и получил от нее фотоаппарат «Минокс», 5 пленок к нему и письмо разведцентра.

После встречи с Чизхолм 19 января 1962 года Пеньковский уведомил разведцентр письмом, отправленным с находившимся в Советском Союзе руководителем англо-американской делегации Кондоном, что во избежание провала встречи с Чизхолм на улице он прекращает. Вскоре Пеньковский принял из разведцентра шифрованную радиограмму о том, что письмо, направленное с Кондоном, получено.

В последующем шпионские встречи с Чизхолм Анной Пеньковский осуществлял на официальных дипломатических приемах, куда он приглашался по роду службы.

28 марта 1962 года на приеме у сотрудника английского посольства в Москве Сениора Пеньковский передал Чизхолм Анне письменное донесение и 6 экспонированных фотопленок, на которых были сфотографированы секретные материалы.

31 мая 1962 года на приеме в английском посольстве в Москве, организованном по случаю дня рождения королевы Великобритании, Пеньковский получил от Чизхолм Анны инструктивное письмо из разведцентра.

2 июля 1962 года Пеньковский встретил прибывшего в Москву Винна и передал ему пакет с 9 фотопленками, на которых были сфотографированы секретные материалы, и письменным донесением в разведцентр, содержащим информацию по германской проблеме и о командном составе ПВО страны.

В этот же день Пеньковский получил через Винна пакет с инструктивным письмом, сигнальными почтовыми открытками и инструкцией к ним, 3000 рублей денег и подготовленной разведчиками статьей, которую Пеньковский с целью популяризации своего имени имел намерение опубликовать в советской печати.

Кроме того, Пеньковский осмотрел переданные ему Винном фотографии сотрудника американской разведки работника посольства США Роднея Карлсона и жены английского разведчика Памеллы Кауэлл, с которыми он должен был поддерживать в дальнейшем шпионскую связь при встречах на дипломатических приемах, а также усвоил с помощью Винна правила пользования контейнером для закладки шпионских материалов, вмонтированным в банку из-под порошка «Харпик» и предназначенным для бесконтактной связи с Памеллой Кауэлл на приемах, устраиваемых в квартирах дипломатов.

На очередной встрече с Винном в июле 1962 года Пеньковский передал ему конверт с донесением, в котором уведомлял разведцентр, что материалы им получены и указания приняты к исполнению. Кроме того, он обсуждал с ним возможные варианты своего побега из СССР.

Направленным по почте полученным через Винна сигнальных открыток, тексты и адреса которых были исполнены по-английски, Пеньковский должен был уведомить разведцентр о тех или иных изменениях в его деятельности.

Согласно инструкции, Пеньковский в случае изменения места его работы должен был опустить в почтовый ящик открытку с видом на Котельническую набережную Москвы, адресованную в Англию миссис Н. Никсон, текст которой гласит: «Прекрасно провожу время и даже обнаружил, что мне нравится водка. Москва на самом деле выглядит так, и Вам следовало бы увидеть размеры улиц.

Все новости расскажу по приезду. С любовью Дик».

Открытка с видом на ВДНХ, адресованная в Лондон мисс Р. Хаук, с текстом: «Очень интересно провожу время и наслаждаюсь. Здесь так много интерес-

ного, что трудно даже решить, с чего начать! Скоро увидимся. Джон» — должна означать, что Пеньковский собирается выехать за границу в ближайшие две недели.

Одну из таких открыток Пеньковский отправил в подтверждение того, что сигнальные открытки получил, назначение их и правила пользования ими понял.

4 июля 1962 года на приеме в доме американского посла в Москве по случаю Дня независимости США Пеньковский познакомился с сотрудником посольства США Карлсоном, а в конце августа 1962 года на приеме у сотрудника американского посольства Хорбели передал Карлсону 7 экспонированных фотопленок с секретными материалами и донесение, в котором содержались сведения об одной из советских ракет, данные на интересовавшего разведки военнослужащего и две его фотокарточки. Тогда же Пеньковский получил от Карлсона пакет с фиктивным паспортом на случай необходимости перехода на нелегальное положение и инструктивным письмом разведцентра с заданием собрать сведения о Московском военном округе, выяснить, когда и какие учения проводят войска округа, и приобрести планы учений.

5 сентября 1962 года на приеме в посольстве США в Москве Пеньковский вновь встретился с Карлсоном. Тогда Пеньковский имел при себе 4 экспонированных фотопленки с совершенно секретными материалами и одно донесение в разведцентр, но передать их Карлсону не смог.

Это донесение Пеньковский начинал словами:

«Мои дорогие друзья!

Получил ваше письмо с паспортом и описанием к нему... Вы пишете о возможности присылки радиопередатчика и приспособления к моему приемнику. Это очень ценные для меня вещи... Прошу прислать побыстрее приспособление к приемнику, так как это значительно упростит и облегчит мне приемы сообщений...»

В конце донесения указывалось: «...если я поеду в командировку в США или другое место, то прошу вас организовать прием, на котором я передам все подготовленные материалы к команди-

ровке, так как я не хочу иметь наши материалы во время полетов к вам...

...Крепко жму ваши руки, большое спасибо за заботу обо мне, я всегда чувствую вас рядом с собой.

Ваш друг. 5. 9. 62».

На следующий день Пеньковский был на приеме в доме английского торгового советника Сениора, где имел намерение передать Карлсону подготовленные материалы, но передать их опять не смог. Эти фото- пленки и донесение изъяты у Пеньковского на квартире при его задержании и приобщены к делу как доказательства.

За время сотрудничества с английской и американской разведками Пеньковский сообщил им в устной форме, в письменных донесениях и фотопленках обширную информацию, которая, по заключению экспертов, в своем большинстве является секретной и совершенно секретной и составляет государственную и военную тайну Советского Союза.

При обыске на квартире Пеньковского помимо упоминавшихся выше записей с номерами телефонов иностранных разведчиков, 6 сигнальных открыток с инструкцией к ним, донесения и экспонированных фото- пленок были обнаружены в тайнике, оборудованном в его письменном столе, изъяты и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств: фиктивный паспорт, 6 шифровальных блокнотов, 3 фотоаппарата «Минокс» и описание их, 2 листа копировальной бумаги для нанесения тайнописного текста, записка с указанием радиоволн, на которых Пеньковский принимал инструктивные радиопередачи иностранных разведок, проект донесения Пеньковского в разведцентр, полученная от иностранных разведок статья, которую Пеньковский намеревался опубликовать в Советском Союзе, 15 неэкспонированных фотопленок к фотоаппарату «Минокс» в кассетах и различные инструкции иностранных разведок: по фотографированию аппаратом «Минокс», по шифрованию и расшифровке радио- сообщений, по процедуре приема радиопередач из разведцентра, о подборе и использовании тайников.

Кроме того, при обыске на квартире Пеньковского были изъяты и приобщены к делу в качестве вещест-

венных доказательств полученный им от иностранных разведок радиоприемник «Сония», с помощью которого Пеньковский принимал зашифрованные радиограммы из разведцентра, и пишущая машинка, на которой Пеньковский печатал свои донесения.

Английская и американская разведки, как это видно из изъятых при обыске документов, рекомендовали Пеньковскому различные меры предосторожности. Так, в инструкции по шифрованию Пеньковскому предписывалось:

«...8. Меры предосторожности. Расклеивайте только столько страниц блокнота, сколько вам нужно для зашифрования или расшифрования, но не больше. Когда страница блокнота зашиф. или расшиф. использована — сожгите ее... Храните ваши блокноты зашифрования и расшифрования в самом безопасном месте (какое только) вы можете придумать. Эти места должны быть так выбраны, чтобы ваши посещения этих мест не возбуждали ничьих подозрений. Запасные блокноты и блокноты в употреблении должны храниться в разных местах».

Обвиняемый Пеньковский в предъявленном обвинении виновным себя признал полностью и дал подробные показания о своей преступной деятельности.

Объясняя причины, побудившие его стать на путь измены Родине, Пеньковский на допросе 12 января 1963 года показал:

«...Я являлся носителем многих недостатков: был завистлив, себялюбив, тщеславен, имел карьеристские тенденции, любил ухаживать за женщинами, имел женщин, с которыми сожительствовал, ходил по ресторанам — словом, любил легкую жизнь. Все эти пороки подточили меня, и я сорвался... стал негодным человеком и предателем».

Преступная деятельность Пеньковского подтверждается вещественными доказательствами, следственными экспериментами, актами экспертов, показаниями обвиняемого Винна, очной ставкой с Винном, показаниями свидетелей: Казанцева А. Н., Позовного А. Р., Рудовского И. П., Бузинова В. М., Фармаковского В. В., Полякова Д. Н., Долгих А. Т. и других, а также документами.

Обвиняемый Винн Г. М., находясь с 6 по 12 апреля 1961 года по делам ряда английских фирм в Москве, сообщил одному из ответственных дипломатов посольства Великобритании в Москве о своих беседах с советским гражданином Пеньковским О. В., предлагавшим англичанам услуги по сбору и передаче шпионской информации. После беседы в посольстве Винн взял у Пеньковского письмо, в котором последний предлагал свои шпионские услуги английской разведке, обещал довести о нем до сведения заинтересованных лиц в Англии, предложил Пеньковскому изложить в письменном виде биографические сведения и перечислить данные, которые он может собрать для англичан. Документ, в котором были изложены Пеньковским эти данные, Винн взял утром 12 апреля 1961 года, в день отъезда из Москвы, и увез в Англию.

По прибытии из Москвы в Лондон Винн с помощью некоего Хартли встретился с сотрудником английской разведки, назвавшимся Аккройдом, передал ему документ, исполненный Пеньковским, и подробно изложил содержание своих бесед с Пеньковским, имевших место в Москве, после чего получил задание представить Аккройду программу пребывания в Англии делегации советских технических специалистов, возглавляемой Пеньковским, подготовить для каждого из членов этой делегации отдельные номера в гостинице, встретить делегацию в аэропорту, разместить ее членов в гостинице, принять от Пеньковского материалы, которые он привезет с собой для передачи английской разведке, и сообщить ему номер комнаты в гостинице, где вечером в день приезда будут ожидать Пеньковского заинтересованные в нем лица.

Выполняя это задание английской разведки, Винн передал Аккройду программу пребывания в Англии советской делегации, посетил гостиницу «Маунт ройял» и договорился с администрацией о размещении в номерах гостиницы советских делегатов, а затем 20 апреля 1961 года встретил делегацию в лондонском аэропорту. В тот же день Винн назвал Пеньковскому номер комнаты гостиницы «Маунт ройял», в которой вечером его будут ожидать сотрудники разведки, принял от Пеньковского два пакета со шпионскими материалами, которые сразу же доставил и вручил

Аккرويدу, сообщив одновременно о выполнении всех полученных от него заданий.

В середине мая 1961 года в лондонском ресторане «Шенграла» Винн вновь встретился с Аккرويدом, который познакомил его в ресторане с другим сотрудником английской разведки, назвавшимся Роджером Кингом. Аккرويد и Кинг предложили Винну, намеревавшемуся выехать в Москву для посещения открывавшейся там английской выставки, встретиться с одним из сотрудников посольства Великобритании в Москве, взять у него пакет и вручить Пеньковскому, получить другой пакет от Пеньковского и передать его тому же сотруднику посольства, а также выяснить у Пеньковского, намеревается ли он приехать в Лондон на советскую выставку. Через несколько дней по этим же вопросам Винн имел беседу с начальником русской секции английской разведки, в которой принимали участие Кинг и Аккرويد, и дал согласие выполнить очередные задания английской разведки.

27 мая 1961 года Винн прибыл в Москву, где в аэропорту «Шереметьево» его встретил Пеньковский. Винн сообщил Пеньковскому, что в этот день в 8 часов вечера он должен посетить английского дипломата, получить от Пеньковского пакет со шпионскими материалами, заснятыми на 20 фотопленках, и условился о встрече с ним в номере гостиницы «Метрополь». В тот же день вечером по адресу, данному Аккرويدом, Винн с соблюдением мер конспирации посетил квартиру бывшего 2-го секретаря посольства Великобритании в Москве Родерика Чизхолма (Садово-Самотечная улица, дом 12/24, квартира 48) и вручил ему пакет со шпионскими материалами, полученными от Пеньковского. Чизхолм в свою очередь вручил Винну для передачи Пеньковскому другой пакет. С этим пакетом Винн прибыл в гостиницу «Метрополь» и передал его там Пеньковскому. В нем оказались инструктивное письмо английской разведки и 30 фотопленок к аппарату «Минокс».

Находясь с 27 мая по 6 июня 1961 года в Москве, Винн выяснил, что Пеньковский прибудет в Лондон в июле 1961 года на советскую выставку.

В конце июня 1961 года в связи с предполагавшимся приездом Пеньковского в Англию Винн полу-

чил задание от Кинга уточнить и сообщить ему дату прибытия Пеньковского в Лондон. Получив из Москвы телеграмму о прибытии Пеньковского в Лондон 15 июля 1961 года в составе делегации, Винн доложил об этом Кингу, который поручил ему забронировать в гостинице номер для Пеньковского, встретить его в аэропорту, поместить в гостиницу и сообщить Кингу, в какой комнате гостиницы остановится Пеньковский.

Выполняя это задание английской разведки, Винн забронировал для Пеньковского номер в лондонской гостинице «Кенсингтон Клоус отель» и 15 июля 1961 года выезжал в аэропорт, однако Пеньковский в тот день в Лондон не прибыл. 18 июля 1961 года Винн встретил Пеньковского на аэровокзале в Лондоне и взял от него для передачи сотрудникам английской разведки два пакета, в одном из которых находились шпионские материалы, заснятые на 16 фотопленках, а в другом — русский перевод английской книги «Ракеты в настоящем и будущем». Поместив Пеньковского в гостиницу, Винн передал полученные от него шпионские материалы английским разведчикам и сообщил им номер в гостинице, где остановился Пеньковский. В последующем, в период до 8 августа 1961 года, Винн сопровождал Пеньковского в его поездках по Англии и пять раз отвозил его в обусловленные районы Лондона для встречи на конспиративных квартирах с сотрудниками английской и американской разведок.

В своем дневнике за 1961 год, приобщенном к делу как вещественное доказательство, о встрече Пеньковского в Лондоне Винн сделал следующие записи: на листе, датированном 15 июля, — «Рейсом SV 31 прибывает советская делегация»; на листе от 18 июля — «Пен прибывает».

В середине августа 1961 года после отъезда Пеньковского из Лондона Винн встретился с Кингом и беседовал о возможной его поездке в Москву, где открывалась французская выставка. Через несколько дней на встрече с начальником русской секции английской разведки и Кингом Винн получил задание выехать в Москву, посетить там посольство Великобритании, взять у Чизхолма коробку из-под конфет, которая должна служить контейнером для передачи шпионских

материалов, вручить ее Пеньковскому, а также выяснить у Пеньковского, приедет ли он на советскую выставку в Париж.

23 августа 1961 года Винн прибыл в Москву, встретился с Пеньковским, взял от него два пакета, в одном из которых находились 14 фотопленок с заснятыми на них шпионскими материалами, а в другом — артиллерийский прибор, и вечером того же дня передал их в посольстве Великобритании английскому разведчику Чизхолму. Тогда же Винн получил от Чизхолма и передал Пеньковскому в номере гостиницы «Украина» пакет с пленками для фотоаппарата «Минокс» и инструктивным письмом, а также коробку из-под конфет для передачи в ней Пеньковским шпионских материалов. Кроме того, в тот же вечер Винн получил от Чизхолма несколько фотографий супруги Чизхолма — Чизхолм Джанет-Анны с детьми и показал их Пеньковскому с тем, чтобы Пеньковский запомнил ее лицо и смог бы опознать при встрече на улице в Москве и передать ей в коробке из-под конфет шпионские материалы.

25 августа 1961 года, накануне отъезда из Москвы, Винн взял у Пеньковского два небольших свертка с неисправным фотоаппаратом «Минокс» и 8 фотопленками с заснятыми на них шпионскими материалами и передал их Чизхолму, от которого тогда же получил пакет с фотопленками, новым фотоаппаратом «Минокс» и вручил это Пеньковскому. В этот приезд Винн передал Пеньковскому в двух пакетах 35 фотопленок.

26 августа 1961 года Винн вылетел из Москвы в Амстердам, откуда по телефону связался с Кингом и сообщил ему, что Пеньковский намеревается выехать в Париж на открывающуюся там советскую выставку, однако точную дату прибытия его в Париж назвать не мог. В тот же день вечером Винн встретился в гостинице «Шиллер» с прибывшим в Амстердам Кингом и получил задание отправиться в Париж и организовать встречу Пеньковского.

Выполняя задание английской разведки, 6 сентября 1961 года Винн прибыл в Париж, забронировал в гостинице «Кери» номер для Пеньковского и доложил об этом по телефону прибывшему в Париж Кингу. В последующем в течение двух недель Винн почти

ежедневно выезжал в аэропорт «Ле Бурже», где встречал все самолеты, прибывающие из Советского Союза. 20 сентября 1961 года Винн встретил Пеньковского в парижском аэропорту, отвез его в гостиницу «Кери» и взял у него сверток, в котором находились 15 фотопленок с заснятыми на них шпионскими материалами. В тот же день Винн доложил Кингу о прибытии «Янга» (этим псевдонимом называли Пеньковского английские разведчики) и передал ему шпионские материалы, полученные от Пеньковского.

На листе, датированном 20 сентября, своего дневника за 1961 год Винн записал: «Янг прибыл». В изъятый у Винна записной книжке записано расписание прибытия в Париж советских самолетов с 8 по 24 сентября 1961 года.

После прибытия Пеньковского в Париж Винн неоднократно подвозил его к обусловленным местам, откуда Пеньковский следовал на конспиративную квартиру для встреч с английскими и американскими разведчиками. Кроме того, по заданию Кинга Винн посещал с Пеньковским рестораны и ночные клубы, а также познакомил его с одним из сотрудников французской фирмы «Си Эй Ви». Находясь в Париже, Винн встречался с сотрудниками английской разведки супругами Чизхолм и имел с ними беседу о своей шпионской работе.

Винн оплачивал все расходы, связанные с пребыванием Пеньковского в Париже, которые затем были возмещены ему английской разведкой. 15 октября 1961 года Винн по поручению Кинга проводил Пеньковского в парижский аэропорт «Орли».

В ноябре 1961 года Винн вновь встретился с начальником русской секции английской разведки и имел с ним беседу. Весной 1962 года в связи с поступившими данными о возможной поездке Пеньковского в США, Винн по заданию Кинга находился во время пасхальных каникул у себя дома, ожидая, что Пеньковский, оказавшись по пути в США в Западной Европе, позвонит ему на квартиру. В положительном случае Винн должен был сообщить Пеньковскому данные ему Кингом номера телефонов в Нью-Йорке и Сиэтле, по которым Пеньковский мог связаться с американскими разведчиками.

В июне 1962 года Винн вновь встретился в Лондоне с начальником русской секции английской разведки и Кингом. На этой встрече Винн был познакомлен с Гервейсом Кауэллом (ныне 2-й секретарь посольства Великобритании в Москве), который должен был выехать в Москву на смену Чизхолму. Тогда же Винн получил задание оказать помощь в налаживании новых способов связи с Пеньковским, для чего вылететь в первых числах июля 1962 года в Москву, взять в посольстве Великобритании у Чизхолма или Кауэлла банку из-под порошка «Харпик» и фотографии и показать их Пеньковскому, а также подбодрить Пеньковского, если он будет проявлять беспокойство.

2 июля 1962 года Винн прибыл в Москву и, встретившись с Пеньковским, взял у него пакет, в котором находились фото пленки с заснятыми на них шпионскими материалами и письменное донесение. Этот пакет Винн вечером того же дня передал в посольстве Великобритании Чизхолму, получив от него пакет со шпионскими инструкциями, сигнальными открытками и деньгами для Пеньковского. банку из-под порошка «Харпик», в которой был оборудован специальный контейнер для закладки шпионских материалов, а также фотографии Кауэлла с супругой и американского разведчика Карлсона (атташе посольства США в Москве) с супругой, с которыми Пеньковский должен был наладить шпионскую связь.

Все это в тот же вечер Винн вручил в номере гостиницы «Украина» Пеньковскому, показал ему, как открывать контейнер, сообщил, что подробные инструкции по дальнейшей связи изложены в письме, и охарактеризовал английского разведчика Кауэлла, с которым ранее встречался в Лондоне.

Фотографии супругов Карлсон и Кауэлл после ознакомления с ними Пеньковского и банку из-под порошка «Харпик» Винн возвратил Чизхолму. Кроме того, Винн передал ему полученный от Пеньковского конверт с письмом. Встречаясь во исполнение заданий Кинга с Пеньковским 2—6 июля 1962 года в Москве, Винн неоднократно беседовал с ним по шпионской работе, подбадривал его и обсуждал вопросы, связанные с возможным бегством Пеньковского из Советского Союза.

5 июля 1962 года вечером в американском клубе в Москве Винн встретился с Чизхолмом и в туалете клуба сообщил ему, что только что виделся в вестибюле ресторана «Пекин» с Пеньковским. На следующий день утром Винн вылетел из Москвы.

Об одной из встреч с Пеньковским, имевшей место 5 июля 1962 года в гостинице «Украина», в дневнике за 1962 год на листе, датированном 5 июля, Винн записал: «4 часа дня. Янг. Гостиница».

В середине июля 1962 года в Лондоне Винн дважды встречался с Кингом и одним из руководящих сотрудников английской разведки, которым подробно доложил о своих беседах с Пеньковским в Москве и о свидании с ним в ресторане «Пекин».

Приезжая в Москву в мае и августе 1961 года, а также в июле 1962 года, Винн по указанию сотрудников английской разведки привозил Пеньковскому различные подарки. Встречаясь во время приездов в Москву по шпионской работе с английским разведчиком Чизхолмом в посольстве Великобритании, Винн соблюдал меры конспирации. Он заходил на территорию посольства только в дни и часы работы английского клуба в Москве под видом посещения клуба. При этих встречах Винн и Чизхолм не произносили ни одного слова и сообщали друг другу необходимые данные письменно.

В предъявленном обвинении в шпионаже Винн виновным себя признал, заявив, что выполнял функции связника между шпионом Пеньковским и представителями английской и американской разведок. Наряду с этим Винн утверждает, что об истинном характере связи Пеньковского с представителями английской и американской разведок он длительное время не знал и содержимое пакетов, которые передавал как Пеньковскому, так и английским разведчикам от Пеньковского, ему известно не было.

Преступная деятельность Винна подтверждается показаниями обвиняемого Пеньковского, очной ставкой с ним, показаниями свидетелей: Казанцева А. Н., Колесова В. М., Домбура Л. Э., Лопато Г. П., Рудовского И. П., вещественными доказательствами и документами.

На основании изложенного обвиняются:

I. Пеньковский Олег Владимирович, 1919 года рождения, уроженец г. Орджоникидзе, русский, гражданин СССР, с высшим образованием, бывший военнослужащий Советской Армии, полковник запаса, последние два года работал заместителем начальника иностранного отдела Управления внешних сношений Государственного комитета Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ, ранее не судим, женат, имеет двух дочерей (старшей 17 лет, младшей 1 год), награжден 5 орденами и 8 медалями, проживал в г. Москве, по адресу: набережная М. Горького, 36, кв. 59,— в том, что изменил Родине. Находясь в апреле — мае 1961 года в служебной командировке в Лондоне, дал письменное обязательство о сотрудничестве с английской и американской разведками и выдал сведения, составляющие государственную тайну Советского Союза. Выезжая в командировки в Лондон в июле — августе 1961 года и в Париж в сентябре — октябре того же года, неоднократно встречался с английскими и американскими разведчиками на конспиративных квартирах, выдавал им совершенно секретные сведения экономического, политического и военного характера, прошел курс шпионской подготовки. За время сотрудничества с английской и американской разведками до дня ареста принимал шифрованные радиogramмы из разведцентра, постоянно имел встречи в Москве с представителями английской и американской разведок, в том числе с Винном, Чизхолм, Карлсоном, на улицах Москвы, в подъездах домов, гостиницах и на официальных дипломатических приемах, устраиваемых посольствами Великобритании и США, получал от разведчиков инструкции и шпионское снаряжение, передавал им секретную информацию устно, в письменных донесениях и фотопленках, то есть в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ст. 64 УК РСФСР.

II. Винн Гревилл Мейнерд, 1919 года рождения, уроженец дер. Сент-Джорджес графства Шропшир, Англия, англичанин, подданный Великобритании, беспартийный, с высшим образованием, женат, имеет сына 10 лет, до ареста являлся директором компаний «Гревилл Винн лимитед» и «Мобайл экзебишенз ли-

митед», проживал в г. Лондоне, Челси, ул. Аппер-Ченироу, дом 19, SW № 3,— в том, что в апреле 1961 года сообщил английской разведке о предложении Пеньковским услуг по сбору и передаче англичанам шпионской информации, а затем до июля 1962 года выполнял ее задания по осуществлению связи английской и американской разведок со шпионом Пеньковским. Во время приездов Пеньковского в 1961 году в Лондон и Париж встречал его, получал от него шпионские материалы и передавал их английским разведчикам, принимал участие в организации конспиративных встреч Пеньковского с представителями английской и американской разведок. Находясь в мае — июне, августе 1961 года и июле 1962 года в Москве, передавал английскому разведчику Чизхолму пакеты со шпионской информацией Пеньковского, брал от Чизхолма и вручал Пеньковскому пакеты с инструкциями разведцентра, фотографиями разведчиков, фотоаппаратом «Минокс» и пленками к нему, а также контейнеры для передачи в них Пеньковским шпионских материалов, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст. 65 УК РСФСР.

В соответствии со ст. 207 УПК РСФСР настоящее дело подлежит направлению Главному военному прокурору.

Обвинительное заключение составлено 3 апреля 1963 года в г. Москве.

Председательствующий: Товарищ секретарь, огласите постановление о предании обвиняемых суду.

(Секретарь суда зачитывает постановление о предании обвиняемых суду от 23 апреля 1963 года.)

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, вы понимаете, в чем вы обвиняетесь?

Пеньковский: Да, я понимаю, в чем я обвиняюсь.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Пеньковский: Да, я признаю себя виновным полностью.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы понимаете, в чем вы обвиняетесь?

Винн: Да, я понимаю, в чем обвиняюсь.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Винн: Да, я признаю себя виновным, за исключением отдельных деталей, подробно о которых я изложу в своих показаниях.

(Объявляется перерыв на 30 минут.)

Дневное заседание

(Стенографическая запись)

12 ч. 00 м.

Комендант суда: Прошу встать. Суд идет.

Председательствующий: Прошу садиться. Какие предложения у участников судебного процесса о последовательности допросов подсудимых, свидетелей и экспертов? Товарищ прокурор, ваше мнение?

Прокурор: Я полагаю, что исследование дела надо провести в обычном порядке. Допросить подсудимых Пеньковского и Винна, затем допросить свидетелей и заслушать заключение экспертов. В соответствии со ст. 18 УПК РСФСР исследование вопросов, содержащих государственную тайну, провести в закрытом судебном заседании.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, каково ваше мнение?

Пеньковский: Я согласен с предложением прокурора и должен заявить суду, что сам хотел ходатайствовать о допросе меня по ряду вопросов в закрытом заседании.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы не возражаете против предложенного порядка исследования материалов дела?

Винн: Возражений нет.

Председательствующий: Адвокат Апраксин?

Адвокат Апраксин: Я поддерживаю предложенный порядок.

Председательствующий: Адвокат Боровик?

Адвокат Боровик: Возражений не имею.

Председательствующий: Суд, совещаясь на месте, определил: «Исследование доказательств начать с допроса подсудимого Пеньковского, затем допросить

подсудимого Винна и свидетелей, потом заслушать заключение экспертов. Исследование вопросов, связанных с военной и государственной тайной, провести в закрытом судебном заседании».

Товарищ прокурор, у вас есть вопросы к подсудимому Пеньковскому?

Прокурор: Да, у меня есть к нему вопросы

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, прошу отвечать на вопросы прокурора.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, когда и где вы были завербованы иностранной разведкой для проведения шпионской деятельности против Союза Советских Социалистических Республик?

Пеньковский: После своего первого приезда в Лондон 20 апреля 1961 года, когда я встретился с представителями английской и американской разведок; тогда и состоялся акт моей вербовки.

Прокурор: С кем вы тогда вели переговоры?

Пеньковский: С четырьмя представителями: «Грилье», «Ослафом», «Александром» и «Майлом». «Грилье» и «Майл» — представители английской разведки, а «Ослаф» и «Александр» — представители американской разведки.

Прокурор: Следовательно, вы являлись агентом двух разведок?

Пеньковский: Да, я был связан с американской и с английской разведками одновременно.

Прокурор: До приезда в Лондон 20 апреля 1961 года вы были знакомы с этими лицами?

Пеньковский: Нет, не был.

Прокурор: Кто вам организовал эту встречу?

Пеньковский: Первая встреча была организована Гревиллом Винном. В декабре 1960 года в Советский Союз прибыла делегация английских специалистов в составе 12 человек. Эту делегацию возглавлял Винн, и тогда же я познакомился с ним.

Прокурор: Почему именно Гревилл Винн явился организатором вашей встречи с иностранными разведчиками?

Пеньковский: Я еще до того, как познакомился с г-ном Гревиллом Винном, стал изыскивать возможности связи с американской разведкой. Познакомившись с г-ном Гревиллом Винном, я решил попробовать уста-

новить контакт с английской разведкой через него, но сделал это не сразу. Сначала я хотел изучить его, чтобы на последующих встречах обсудить этот вопрос.

Прокурор: Вы нашли эту возможность последующей встречи с Гревиллом Винном?

Пеньковский: Да, г-н Гревилл Винн перед отъездом в декабре из Москвы сказал, что он прибудет в Советский Союз в первой половине 1961 года.

Прокурор: Когда же состоялся повторный приезд Винна?

Пеньковский: Повторный приезд Гревилла Винна состоялся в первых числах апреля 1961 года.

Прокурор: И тогда вы вошли в контакт с Гревиллом Винном?

Пеньковский: Да, г-н Гревилл Винн приезжал тогда в Москву по делам своей фирмы, он обращался в Министерство внешней торговли и в Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ, где работал я.

Прокурор: Когда вы встретились с ним?

Пеньковский: Я встретился с Винном в первых числах апреля 1961 года. Я был предупрежден г-ном Винном о его приезде и знал точно дату его приезда, так как я работал в иностранном отделе и моей обязанностью по службе была встреча с г-ном Винном.

Прокурор: Кроме деловых встреч у вас были и иные встречи с Гревиллом Винном?

Пеньковский: Да. После встречи и посещения Гревиллом Винном Комитета по координации научно-исследовательских работ, обсуждения программы дальнейшей работы я пригласил Гревилла Винна в ресторан, затем достал билеты в Большой театр и ходил с ним на балет, то есть проявлял к нему внимание, преследуя цель поближе с ним познакомиться.

Прокурор: Это вам полностью удалось?

Пеньковский: Да, я был с ним в ресторане, был у него в номере гостиницы «Националь», где рассказал ему о своем желании сотрудничать с английской разведкой.

Прокурор: Каково содержание этой вашей беседы с Гревиллом Винном?

Пеньковский: Я рассказал о себе, о своей работе, о семейном положении, чем дал возможность г-ну Гре-

виллу Винну изучить себя. Я считал, что после этого могу доверить г-ну Гревиллу Винну свое желание и просьбу передать письмо представителям английской разведки.

Прокурор: Передали ли вы в этот раз Гревиллу Винну письмо или какие-либо документы для вручения их заинтересованным лицам в Англии?

Пеньковский: Нет, в этот раз я г-ну Гревиллу Винну ничего не передал. Как я уже говорил на следствии, за три дня до его отъезда из Москвы я дал ему письмо, заклеенное в двух конвертах, а сверху конверт был оклеен прозрачной клейкой лентой. Этот пакет я просил передать кому-нибудь в английском посольстве. В письме выразалось мое желание сотрудничать с английской разведкой. Таким образом фактически я просил г-на Гревилла Винна быть посредником между мной и английской разведкой.

Прокурор: О чем шла речь в этом письме, которое вы передали Гревиллу Винну?

Пеньковский: В этом письме, отпечатанном на пишущей машинке, я писал о том, что хочу сотрудничать с английской разведкой, располагаю обширными материалами экономического порядка, а также и другими данными, поскольку работаю в Комитете по координации научно-исследовательских работ и имею соответствующий доступ к этим материалам, причем доступ свободный. Я просил, при условии заинтересованности в получении этих сведений, войти со мной в контакт. Об условиях вхождения в контакт просил передать через податчика письма или в письменном виде.

Прокурор: Вы дали понять Гревиллу Винну, с кем бы хотели установить связь?

Пеньковский: Да, безусловно, я дал это понять.

Прокурор: Каким образом вы это сделали?

Пеньковский: Я просто назвал все своими именами. Если бы разговор шел о передаче материалов официальным порядком по линии Министерства иностранных дел, то мне незачем было бы просить Винна помочь установить связь с английской разведкой, а поскольку я говорил о работе разведывательного порядка и о своем желании работать в этом направлении, то я и не темнил перед г-ном Гревиллом Винном. Правда, должен сказать, что во время этих первых разговоров с г-ном

Гревиллом Винном я не употреблял такие слова, как разведка, я говорил так: «Заинтересованные лица», но и ему, и мне было все понятно.

Прокурор: Вы лично были убеждены в том, что Гревилл Винн вас понял и доставит документы по назначению?

Пеньковский: Да, если бы я в этом не был предварительно убежден, я бы письма не передал, так как это являлось бы опасным для меня.

Прокурор: Товарищ председательствующий, разрешите мне поставить вопрос подсудимому Винну.

Председательствующий: Подсудимый Винн, прошу ответить на вопрос прокурора.

Прокурор: Подсудимый Винн, правильно показывает Пеньковский об обстоятельствах вашего знакомства и о получении вами от него письма для передачи в Англии заинтересованным лицам?

Винн: Нет, не точно.

Прокурор: Вы в свой апрельский приезд в Москву получили письмо от подсудимого Пеньковского для передачи в Англии заинтересованным лицам?

Винн: Да, такое письмо от него я получил в аэропорту в последний день своего пребывания.

Прокурор: Кому вы должны были передать в Англии это письмо?

Винн: Пеньковский спросил меня, известны ли мне высокопоставленные лица...

Желаете ли вы, чтобы я детализировал этот вопрос?

Прокурор: Нет. Это вы сможете сделать позже,

Товарищ председательствующий, я прошу разрешить продолжать допрос Пеньковского.

Председательствующий: Пеньковский, отвечайте на вопросы прокурора.

Прокурор: Когда и в связи с чем вы выезжали в Англию?

Пеньковский: В Англию я выезжал в 1961 году дважды. Первый раз — 20 апреля, руководителем делегации советских технических специалистов, выезжавших в Англию в ответ на визит делегации английских специалистов в Москву. В Англии я был с 20 апреля по 6 мая 1961 года. Второй раз в Англии я был в июле — августе 1961 года, в служебной командировке для посещения советской промышленной выставки в Лондоне.

Прокурор: Кто встречал и размещал делегацию в Лондоне в апреле 1961 года?

Пеньковский: 20 апреля нашу делегацию в Лондоне встречали г-н Винн с переводчиком, русским по происхождению, но подданным Великобритании, фамилии его я не помню, и представитель советского посольства в Лондоне. С аэропорта делегация выехала в Лондон и была устроена г-ном Винном в гостинице «Маунт ройял», где каждый член делегации был помещен в отдельном номере.

Прокурор: Винн знал о вашем приезде в Англию?

Пеньковский: Да, Винн знал о нашем приезде. Он получил телеграмму о том, что делегация вылетает и будет в лондонском аэропорту примерно в 14 часов.

Прокурор: А до посылки телеграммы он знал о вашем приезде?

Пеньковский: До посылки телеграммы Винн также знал, что делегация приезжает. Об этом у нас был разговор еще во время пребывания Винна в Москве, и он знал, что в Комитете принято решение о выезде советской делегации в Лондон.

Прокурор: В этот раз вы привезли какие-либо материалы для иностранных разведок? Кому и когда вы передали эти материалы?

Пеньковский: Когда состоялось решение руководства Комитета и я узнал, что буду в Лондоне, я подготовил примерно на 15—16 листах написанную от руки чернилами различную информацию, которую и передал 20 апреля 1961 года Винну в номере гостиницы «Маунт ройял» в двух конвертах. Почему в двух конвертах? Просто я разложил материал в два конверта по 7—8 листов и оклеил их клейкой изоляционной прозрачной лентой.

Прокурор: Товарищ председательствующий, разрешите поставить вопрос подсудимому Винну.

Председательствующий: Подсудимый Винн, прошу ответить на вопрос прокурора.

Прокурор: Скажите, получали ли вы во время первого приезда Пеньковского с делегацией в Англию, в Лондон, какой-либо пакет?

Винн: Да, это был тот же самый пакет, который он пытался вручить мне в Москве.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, кто сообщили вам о предстоящей встрече с представителями иностранных разведок?

Пеньковский: Получив от меня два пакета, г-н Гревилл Винн сказал мне, что сегодня же, то есть 20 апреля, вечером, в любое время вечера, и даже в начале ночи, в таком-то номере (я сейчас номера не помню) этой же гостиницы «Маунт ройял» меня будут ожидать заинтересованные лица.

Прокурор: Эта ваша встреча с заинтересованными лицами состоялась?

Пеньковский: После пресс-конференции и обмена впечатлениями состоялся ужин для членов делегации, который дал в честь делегации г-н Гревилл Винн. После окончания ужина я расстался с членами делегации. Это было около 23 часов. Затем, зная номер, где меня ожидают, я один отправился туда, постучал, мне открыли, я представился.

Прокурор: Кто был в номере?

Пеньковский: В номере были четыре человека, именовавшие себя «Грилье», «Майлом», «Ослафом» и «Александром».

Прокурор: Как была оформлена ваша вербовка?

Пеньковский: На первой встрече никакого оформления не было. Перед моим отъездом из Лондона мною по просьбе названных выше лиц была написана бумага, в которой я в произвольной форме подтверждал свое согласие поддерживать контакт с представителями двух разведок.

Прокурор: А кроме вашего согласия поддерживать контакт с разведками вы писали какие-либо заявления?

Пеньковский: Нет, отдельного документа я не писал, но в этом же документе о согласии сотрудничать я указал по совету одного из разведчиков (не помню сейчас его имени), что в случае необходимости прошу дать мне гражданство Соединенных Штатов Америки или подданство Великобритании.

Прокурор: Встречались ли вы еще с этими разведчиками во время пребывания в Лондоне в этот раз?

Пеньковский: Да, всего я встречался с ними четыре раза.

Прокурор: На каком языке вы вели разговоры с

Винном, а также с представителями американской и английской разведок?

Пеньковский: Я в определенной степени владею английским языком, и с Гревиллом Винном мы вели разговор на английском языке. С представителями разведок я говорил в основном по-английски, и, поскольку один из них знал русский язык в совершенстве, я частично говорил по-русски, а он переводил.

Прокурор: Какого характера сведения интересовали разведчиков?

Пеньковский: Разведчиков интересовали сведения политического, экономического и военного характера. Но, поскольку мною им были сообщены реальные возможности и разведчики знали, что я имею доступ к материалам экономического характера, соответственно и ставились задачи по сбору информации экономического характера, которая и составила 90% всех материалов, переданных мною. Поскольку я проявил инициативу и сказал, что у меня есть старые знакомые военнослужащие, с которыми я поддерживаю товарищеские, дружеские связи, вхож к друзьям, которые работают в других ведомствах, то я могу располагать и данными военного и политического характера. Мне было сказано, что любые данные, отвечающие определенным требованиям, о которых я стану сообщать, будут представлять для них интерес; широкая информация по техническим отчетам Комитета отвечает задачам технической разведки.

Прокурор: Уточните, какие конкретно задания от разведчиков по шпионажу вы получили в Англии.

Пеньковский: Я получил задание наладить контакты с людьми, которые могут давать информацию военного, экономического и политического характера. Я имел задачу натренироваться приему передач односторонней радиосвязи с помощью болванок, интересоваться последними событиями по таким жгучим проблемам, как берлинский вопрос, отношения с Китаем, по всем вопросам экономического порядка, и по возможности военными материалами. Правда, конкретно очерченного задания, о котором можно было бы доложить здесь по пунктам, не было, а было сказано: «По возможности, поскольку вы сами желаете с нами работать, выбирайте материалы, представляющие наибольший интерес».

Председательствующий: Прошу уточнить, какие сведения вы передали в пакете Винну во время первого вашего приезда в Лондон.

Пеньковский: Я передал не в одном, а в двух пакетах.

Председательствующий: Что передали? Уточните в общих чертах.

Пеньковский: Передал написанные от руки информационного характера данные, которые подготовил за две недели до отъезда в Лондон. Дело в том, что когда я служил в Советской Армии, то имел небольшое отношение к ракетной технике. Сам я не инженер по образованию, но все-таки, как каждый военнослужащий, что-то знал. Я восстановил в памяти все данные, которые знал, и изложил это на трех листах, написанных от руки. Причем я еще в Москве сказал г-ну Гревиллу Винну, что я такими данными располагаю. Правда, потом мне разведчики сказали, что эти данные о ракетах слишком общие.

Председательствующий: Значит, вы дали сведения о советских ракетах. Об одной или нескольких?

Пеньковский: Я дал сведения о трех неуправляемых ракетах, которые я знал.

Председательствующий: Прошу отвечать на вопросы прокурора.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, были ли вы снабжены какими-либо техническими средствами для проведения шпионской деятельности против СССР?

Пеньковский: Перед отъездом из Лондона я получил вот этот маленький приемник «Сония». Большой приемник «Зенит» я купил здесь, в Москве, он не был получен из Лондона или Америки. Блокноты для расшифровки сообщений, записную книжку с копировальной бумагой для тайнописи, чистые, неэкспонированные пленки в количестве 20 штук, инструкции о порядке пользования приемником и блокнотами — вот что я получил из так называемой оперативной техники после своего первого визита в Лондон.

Прокурор: Какие пленки вы получили, каково их назначение?

Пеньковский: Пленки я получил к фотоаппарату «Минокс» и фотоаппарат «Минокс», забыл о нем упомянуть.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить в качестве вещественных доказательств фотоаппараты «Минокс».

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите подсудимому Пеньковскому фотоаппараты «Минокс» и фотопленки.

(Подсудимому Пеньковскому предъявляются фотоаппараты «Минокс».)

Пеньковский: За все время я получил четыре таких фотоаппарата; когда один из них поломался, я его вернул. Сейчас я не могу сказать, в какой последовательности я их получал, потому что я метки не устанавливал и номера не запоминал. А это кассеты от пленки к фотоаппарату «Минокс».

Прокурор: Скажите, вас обучали, как пользоваться указанным шпионским снаряжением?

Пеньковский: Да, так как я не знал, как пользоваться этим фотоаппаратом, то меня обучали этому. Ведь я этот аппарат первый раз держал в руках.

Прокурор: Кто вас обучал этому делу?

Пеньковский: Меня обучали на конспиративной квартире представители английской и американской разведок.

Прокурор: А как пользоваться шифровальными блокнотами, вас обучали?

Пеньковский: Этому я был обучен также на конспиративной квартире.

Прокурор: Кто вас обучал?

Пеньковский: Также представители разведок, которые со мной работали.

Прокурор: Где вам было рекомендовано хранить все полученное вами шпионское снаряжение?

Пеньковский: В специально оборудованном на квартире тайнике, но в выборе так называемых тайных мест мне была предоставлена инициатива, и я выбрал место для хранения этого снаряжения по своему усмотрению. Оборудовал его я у себя дома.

Прокурор: Где этот тайник находился?

Пеньковский: Этот тайник был оборудован в моем письменном столе.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу осмотреть фотографию письменного стола подсудимого Пеньковского с оборудованным в нем подсудимым

Пеньковским тайником и фотографии изъятых из этого тайника шпионских материалов, которые находятся в томе 8, л. д. 113—117, и предъявить их для осмотра участникам процесса.

Председательствующий: Товарищ секретарь, прошу предъявить подсудимому Пеньковскому, адвокатам и подсудимому Вишну материалы, указанные прокурором.

(Секретарь предъявляет материалы.)

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, это фотография вашего письменного стола?

Пеньковский: Так точно.

Прокурор: А вторая фотография предметов, которые в нем хранились?

Пеньковский: Да, точно так.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, как вы пользовались этим тайником? Знал ли кто-либо из членов вашей семьи о существовании этого тайника в вашей квартире?

Пеньковский: Нет, о существовании тайника, обо всех этих материалах никто из членов семьи не знал и никогда их не видел. Я пользовался этим тайником в моменты, когда в квартире никого не было: мать находилась на работе, жена гуляла с ребенком, а старшая дочь была в школе, а в воскресные дни — когда они были заняты хозяйственными вопросами.

Прокурор: Ваш письменный стол был открыт?

Пеньковский: Ящик письменного стола, в нише которого был оборудован тайник, всегда был закрыт на замок, и ключ всегда находился у меня, а другие ключи к этому замку не подходили.

Прокурор: С кем из представителей иностранных разведок кроме уже вами названных вы еще встречались в Лондоне в ваш первый приезд туда?

Пеньковский: В первый приезд на последней, четвертой встрече с разведчиками в номере гостиницы «Маунт ройял» присутствовал неизвестный мне англичанин, начальник тех разведчиков, которые были связаны со мной по работе. Он познакомился со мной и имел беседу в течение 10 минут.

Прокурор: А почему вы говорите, что это был начальник?

Пеньковский: Я понял это по поведению присутство-

вавших в комнате, по форме обращения к нему, по разговору; это было для меня нетрудно понять, хотя мне не было сказано, что это был начальник, и сам он мне не представлялся. Но я понял, что это лицо, возглавляющее работу в какой-то стадии и желающее меня видеть и познакомиться со мной. Повторяю: он вел разговор в общей форме в течение примерно 10 минут.

Прокурор: Как английская и американская разведки обусловили дальнейшую связь с вами после вашего отъезда из Англии?

Пеньковский: Дальнейшая связь рисовалась по нескольким вариантам. Первый вариант — передача мне указаний по радио путем посылки шифрованных сообщений. Предусматривался и повторный приезд г-на Г. Винна, так как в это время готовилась английская промышленная выставка в Сокольниках; я, соответственно, поддерживая с ним связь, мог бы получить указание через него. Это могло быть в устной форме или в форме передачи соответствующего письма через г-на Винна.

Прокурор: Через кого вы должны были передавать собранные шпионские сведения и экспонированные фотопленки?

Пеньковский: На первом этапе работы я должен был это делать через г-на Винна, как в Москве, так и в случае своего выезда за границу.

Прокурор: В результате разговоров с иностранной разведкой в Лондоне какой вы сделали вывод о роли Винна в этом деле?

Пеньковский: Поскольку я удостоверился, что Винн посещает Москву неоднократно в течение года по делам фирмы, то я понял, что на этом отрезке времени, пока я работаю в Комитете, — это удобный вид связи с разведками, ибо деловая сторона его приездов была камуфляжем шпионской связи.

Прокурор: Что вы сделали по выполнению задания иностранных разведок по возвращении в Москву?

Пеньковский: После первого возвращения из Лондона я подобрал и сфотографировал ряд научно-технических материалов ГК по КНИР на 20 фотопленках. Эти материалы с точки зрения технической информации представляли большой интерес для иностранных разведок.

Прокурор: Следовательно, вы использовали свое служебное положение для сбора шпионских сведений?

Пеньковский: Да, вы правы.

Прокурор: Кому вы передали эти данные?

Пеньковский: В мае я положил 20 экспонированных пленок в коробку от папирос и заклеил ее клейкой лентой. Когда прилетел Винн, я его встретил в Шереметьевском аэропорту и в машине по дороге в Москву передал ему эту коробку с пленками и договорился встретиться в условленном месте для подтверждения, что материалы переданы, и получения дальнейших указаний.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу разрешения задать в связи с этим вопрос подсудимому Винну.

Председательствующий: Подсудимый Винн, прошу ответить на вопросы прокурора.

Прокурор: Подсудимый Винн, получали ли вы 27 мая 1961 года от Пеньковского какой-либо пакет?

Винн: Да, я такой пакет получил.

Прокурор: Кому вы передали этот пакет?

Винн: Я передал его одному из сотрудников британского посольства в Москве.

Прокурор: Вы знаете этого сотрудника?

Винн: В настоящее время я знаю его фамилию, но в то время я ее не знал.

Прокурор: Как его фамилия?

Винн: Его фамилия — Чизхолм.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, получили ли вы что-либо от Гревилла Винна в этот его приезд?

Пеньковский: Да, в этот же день, 27 мая 1961 года.

Прокурор: Что это была за передача?

Пеньковский: Вечером я поехал в гостиницу «Метрополь», где остановился г-н Гревилл Винн. Он сказал мне, что все в порядке, материалы переданы, и тогда же вручил мне сверток. Поскольку я в своем письме просил передать мне неэкспонированные пленки, так как полученные ранее 20 пленок были мною использованы, то г-н Гревилл Винн передал мне пленки и письмо из центра.

Прокурор: О чем говорилось в этом письме?

Пеньковский: В этом письме говорилось о том, что желательно бы еще встретиться, для более глубоких

разговоров и инструктажа, что меня ждут с нетерпением на выставку в Лондон, которая состоится в июле. Кроме того, содержалось пожелание мне успехов в работе.

Председательствующий: В какой работе?

Пеньковский: В шпионской работе. Далее говорилось о том, что г-н Гревилл Винн будет несколько дней в Москве и если я еще смогу подготовить материалы, то могу повторно передать их через него. Но для этого у меня не было возможности. Вот примерно содержание письма.

Прокурор: Скажите, вы передавали тогда через Винна письмо для разведчиков?

Пеньковский: Да, передал.

Прокурор: О чем шла речь в письме?

Пеньковский: Я сообщил им, что приступил к работе: подобрал материал из различных областей промышленности и техники и сфотографировал его на 20 пленках (это были отчеты за 1960—1961 годы о посещениях советскими делегациями различных промышленных предприятий Англии, Америки, Японии), и просил дать оценку этим данным. Я также указал, что пока не имею возможности давать информацию политического и военного характера.

Прокурор: Имели ли иностранные разведчики связь с вами по радио?

Пеньковский: Да. В конце июля 1961 года после отъезда Гревилла Винна из Москвы я получил по радио шифром ответ на свой запрос о том, правильно ли я использовал лист копировальной бумаги для письма к разведчикам. Мне сообщили, что я из блокнота ошибочно вырвал лист, который считал копиркой, а в действительности это была прокладка, то есть обычная бумага, и поэтому из моей попытки ничего не получилось. Разведчики сами расшифровали причину моей неудачи.

Это было первое радиосообщение, которое я принял.

Прокурор: В 1961 году вы были в Англии еще раз?

Пеньковский: Да, был. Я вылетал в Лондон 18 июля 1961 года в служебную командировку.

Прокурор: Сколько дней вы там находились?

Пеньковский: Я вылетел в Лондон на советскую промышленную выставку и находился там с 18 июля;

правда, сейчас точно не помню: по 8 или 10 августа.

Прокурор: В этот раз вы также прихватили с собой какие-либо шпионские материалы?

Пеньковский: Да, я сфотографировал на 16 фото-пленках материалы по техническим отчетам ГК по КНИР, представлявшие, на мой взгляд, интерес, и прихватил экспонированную пленку с собой.

Прибыв 18 июля 1961 года в лондонский аэропорт, я г-на Гревилла Винна не нашел в числе встречающих. Меня также никто не встречал и из посольства, так как был перепутан рейс. Из аэропорта я позвонил Гревиллу Винну домой и договорился о встрече с ним на аэровокзале. Из аэропорта я выехал на аэровокзал автобусом. На конечной станции этого маршрута меня ожидал с автомашиной г-н Гревилл Винн. С аэровокзала я поехал к нему домой, а по дороге, в машине, передал ему коробку от папирос, в которой находились пленки, а также книгу английского автора Лея «Ракеты в настоящем и будущем», переведенную на русский язык. Указанную книгу я вручил г-ну Гревиллу Винну для передачи разведчикам, которых интересовало послесловие Бузинова. Дома у г-на Гревилла Винна я побрился, покушал, после чего г-н Гревилл Винн отвез меня в гостиницу «Кенстингтон Клоус отель».

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, значит, вас Винн встретил не в аэропорту, а на аэровокзале? Правда, значения это, видимо, не имеет к тому, где вы передали шпионские материалы Винну?

Пеньковский: Да, конечно, я просто детализую, а значения это не имеет.

Прокурор: Что сказал вам Винн, получив от вас эти материалы?

Пеньковский: Он сказал, что отвезет меня в гостиницу «Кенстингтон Клоус отель», которая находится недалеко от советского посольства, а полученные от меня шпионские материалы незамедлительно передаст разведчикам.

Прокурор: Так и сказал «разведчикам»? Или «нашим друзьям»?

Пеньковский: Да, он сказал «нашим друзьям».

Прокурор: Состоялись ли у вас встречи с иностранными разведчиками в этот приезд в Англию?

Пеньковский: Да. За три недели своего пребывания в Лондоне я встречался пять раз с разведчиками на конспиративных квартирах.

Прокурор: Кто организовывал эти встречи?

Пеньковский: Еще в машине г-н Винн мне передал, что примерно через два-три дня после моего приезда будет первая встреча с иностранными разведчиками, а точнее он поставит меня в известность позже, поскольку мы с Винном должны были встречаться или каждый день, или через день, не реже, и он имел возможность сообщить мне время встречи с иностранными разведчиками. Через день или два Винн отвез меня сам в машине в район, где находилась конспиративная квартира, но сам он не подъезжал к дому, а только указал мне его. Там меня встретил «Майл».

Прокурор: Какое участие принимал в ваших встречах Винн?

Пеньковский: Все пять раз Винн подвозил меня к назначенным местам, о которых ему сообщали разведчики.

Прокурор: С кем из разведчиков вы встречались в этот раз?

Пеньковский: В этот раз я встретился с четырьмя разведчиками: «Александром», «Майлом», «Ослафом» и «Грилье». Кроме того, меня познакомили с разведчиком по имени «Радж».

Прокурор: О чем шла речь на этих встречах?

Пеньковский: На этих пяти встречах был разбор материалов, полученных от меня, и дана им оценка. Мне разведчики сказали, что из этих технических материалов можно сделать очень интересные выводы. Меня обучали пользоваться радиопередатчиком дальнего действия, инструктировали по фотосъемке, спрашивали о моих знакомых, кого я знаю из числа сотрудников нашего посольства, о чем я подробно им рассказывал. Много было затрачено времени на обучение пользованию радиопередатчиком. Каждая встреча проходила по 10 часов, примерно до 2 часов ночи. Из 10 часов, наряду с разными разговорами и выпивками, 4 часа затрачивалось на обучение работе на радиопередатчике и на изучение инструкции радиопередач.

Председательствующий: Вы были руководителем делегации. Что же в это время без вас делали члены делегации?

Пеньковский: Члены делегации занимались своим делом по плану, и каждая группа имела своего руководителя по профилю работы. Я же возглавлял делегацию в общем.

Председательствующий: Значит, вы много времени уделяли «работе» с иностранными разведчиками?

Пеньковский: Да. Днем я работал в посольстве или ездил по делам делегации, а вечерами встречался с иностранцами.

Председательствующий: Отвечайте на вопросы прокурора.

Прокурор: Кроме сведений, которые вы передали в пакетах через Винна, на встречах с разведчиками вы сообщали им ряд сведений устно?

Пеньковский: Да.

Прокурор: Какое имели значение для разведок сведения, которые вы сообщали им устно?

Пеньковский: Поскольку разведчики задавали вопросы о моих знакомых — где они работают, что они мне рассказывают, — я считал, что к этим лицам проявляется определенный интерес, и я рассказывал то, что я слышал от этих лиц о германской проблеме и по другим политическим вопросам. Я должен сказать, что вопросы задавались целеустремленно и я старался давать такие же ответы.

Прокурор: Как разведчики оценивали те материалы, которые вы им передавали?

Пеньковский: По-разному. Некоторые сведения носили общий характер, а они больше интересовались конкретными материалами и не от руки написанными. К тем материалам, которые я написал на 16 листах, они отнеслись критически, как к неподтвержденным источникам, в их числе была записка по ракетам на 3 листах. Они не сказали, что не верят этим данным, но надеялись и ждали от меня более конкретных данных, заснятых на пленку.

Председательствующий: А разведчики вам не говорили, почему не верят? Может быть, вы их очень обильно снабжали материалами и это вызывало сомнения?

Пеньковский: Вы, очевидно, не так меня поняли. Первый раз в Лондоне я передал информацию, написанную на 15—16 листах, для того, чтобы заинтересовать разведчиков и обратить их внимание на тот факт,

что я располагаю определенными возможностями для получения интересующих разведку сведений. Эти материалы были общего характера и были оценены удовлетворительно не потому, что их было много, а потому, что они были неконкретны. Позже, когда я стал обильно снабжать разведку материалами, имевшимися у меня по линии ГК по КНИР, разведчики говорили, что я провожу большую работу, и высоко оценивали ее как с точки зрения объема, так и с точки зрения важности полученных материалов. По этой их оценке можно сказать, что я работал не зря!

(Гул возмущения в зале.)

Председательствующий: Отвечайте на вопрос прокурора.

Прокурор: Проходили ли вы во время встреч с разведчиками инструктаж по шпионской деятельности?

Пеньковский: Да, они меня наставляли, учили формам и методам работы.

Прокурор: В частности чему вас учили?

Пеньковский: Обучали вопросам использования оперативной техники. Контролировали, как я понимаю устройство техники, радиопередатчика, приставок к нему и к приемнику, как я пользуюсь инструкцией. Для меня в конспиративной квартире был проведен контрольный урок: я принимал сигналы какой-то радиостанции, а разведчики контролировали, правильно ли я записывал улавливаемые на слух черточки и точки. Должен сказать, что было решено дать мне приставку к этому маленькому приемнику «Сония», которая трансформировала сигналы Морзе в цифры, и мне оставалось бы только записывать их, затем дешифровать с помощью блокнота и прочесть текст телеграммы. Разведчики были озабочены тем, что у меня туго идет дело с работой на радио, и поэтому старались обучить и натаскать меня в этом деле как можно лучше. Кроме того, некоторые пленки, переданные им мною, оказались некачественными. Ведь я передал их только экспонированными, а разведчики уже без моего участия проявляли их. Ошибки сводились к тому, что я фотографировал отчеты, исполненные на глянцевой бумаге, и не контролировал при фотографировании, как свет падает от окна и дает ли световой блик. Из-за этого часть снимков не получилась. Меня проинструктировали, как надо

загораживаться от источника света и под каким углом держать фотоаппарат к материалам.

Прокурор: Вы добросовестно стремились усвоить уроки, преподаваемые вам иностранными разведчиками?

Пеньковский: Да, это меня интересовало, и я старался все изучить детально.

Прокурор: Предлагали ли вам разведчики способы безличной связи?

Пеньковский: Подробно об этом я инструктировался в Париже. На встречах в Лондоне разведчики говорили мне, что это наиболее безопасный вид связи, объясняли преимущества этого способа связи и примерные места, где бы желательно эти тайники иметь. О тайнике № 1 в этот раз разговора не было.

Прокурор: Что это за тайник?

Пеньковский: Тайник № 1 находился на Пушкинской улице, в подъезде дома № 5/6, между магазинами «Мясо» и «Обувь», это почти напротив Театра оперетты; с правой стороны при входе в подъезд была батарея отопления, окрашенная в темно-зеленый цвет. Эта батарея укреплена на специальных крюках. Между батареей и стенкой имелся просвет шириной примерно в 5—6 сантиметров. Разведчики показали мне месторасположение этого дома на плане г. Москвы. Нужно было сообщение для закладки в тайник поместить в спичечную коробочку, обернуть голубой бумагой, заклеить целлофановой лентой и обмотать проволокой, при помощи которой подвесить коробочку на крючок сзади батареи отопления. После чего следовало дать соответствующие сигналы, о которых подробно сказано в обвинительном заключении.

Прокурор: Скажите, кто подобрал этот тайник?

Пеньковский: Подобрали его иностранные разведки, и мне уже он был предложен готовый.

Прокурор: А конкретно, кто это сделал?

Пеньковский: Я понял по инструктажу, по фамилиям людей, которым я должен был звонить по телефону, что к этому тяготеет американское посольство и что этот тайник должен обеспечиваться представителями американского посольства в Москве.

Прокурор: О каких еще возможностях связи шла речь в Лондоне?

Пеньковский: В Лондоне шла речь о поддержании связи через женщину по имени Анна. Ее фамилию, Чизхолм, я уже позже узнал. Я с Анной был познакомлен на одной из встреч во время моего второго приезда в Лондон, и тогда же были обусловлены два места для поддержания связи с нею: в районе Цветного бульвара и в районе Арбата.

Прокурор: Фамилию этой женщины вы узнали значительно позже?

Пеньковский: Я узнал ее фамилию уже после ареста, поскольку мне не говорили этой фамилии, а я не интересовался: какая мне разница? А зовут ее Анной, а к ней обращался по имени.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить подсудимому Пеньковскому протокол опознания им Анны Чизхолм (том 2, л. д. 103—104).

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите протокол опознания подсудимому Пеньковскому.
(Предъявляется.)

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, прошу указать, на какой фотографии снята женщина, о которой вы говорите как об Анне.

Пеньковский: Фотография под № 1 относится к Анне Чизхолм.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить эту фотографию подсудимому Винну.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите эту фотографию подсудимому Винну.

(Предъявляется.)

Прокурор: Подсудимый Винн, вы знаете эту женщину, о которой идет речь?

Винн: Да, я ее знаю.

Прокурор: Кто она?

Винн: Это миссис Чизхолм.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу дать распоряжение об оглашении справки о том, в качестве кого находилась Анна Чизхолм в Советском Союзе (том 9, л. д. 8).

Председательствующий: Товарищ секретарь, огласите.

Секретарь: Справка протокольного отдела МИД СССР. Чизхолм Анна, подданство британское, год и место рождения — 7 мая 1929 года, паспорт британ-

ский, выдан в Лондоне 12 апреля 1960 года. Супруга второго секретаря посольства, прибыла в СССР 1 июля 1960 года.

Прокурор: Какого посольства?

Секретарь: Посольства Великобритании. Протокольный отдел МИД удостоверяет правильность данных сведений, занесенных в этой карточке, что заверено печатью и подписью.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, какие условия связи с Анной были предложены вам разведчиками?

Пеньковский: Мне было предложено встречаться с нею в обусловленный день. Такими днями были каждая пятница определенных месяцев в 13 часов 00 минут на Арбате, район антикварного магазина, и каждая суббота других условленных месяцев в 16 часов 00 минут на Цветном бульваре, где Анна обычно гуляла с детьми. При необходимости я должен был посетить в это время указанные районы, не подходя к Анне. Анна, увидев меня, должна следовать за мной на расстоянии, а я по своей инициативе выбрать место для передачи ей материалов. Для этой цели я выбирал в основном подъезды домов в переулках, прилегающих к Арбату или Цветному бульвару. Я шел на расстоянии 30—40 метров впереди Анны, то есть на расстоянии, позволяющем меня видеть, заходил в тот или иной подъезд и передавал материалы, которые я имел, Анне Чизхолм, заходившей туда вслед за мной, или получал от нее.

Прокурор: Кто из представителей иностранных разведок кроме названных вами пяти человек встречался с вами во время вашего второго приезда в Лондон?

Пеньковский: Во время второго приезда в Лондон на второй или третьей встрече я встретился с англичанином, неизвестным мне до этого, который знал немало русский язык и был, как мне кажется, по характеру обращения к нему разведчиков, руководителем какой-то секции английской разведки. Содержание его разговора было более конкретное, он интересовался моей жизнью, работой, бытовыми условиями, моим настроением, состоянием здоровья, членами моей семьи, возможностями дальнейшей работы в Советском Союзе. В заключение он пожелал мне успехов в работе.

Прокурор: Какое задание вы получили от иностранных разведчиков во время этих бесед?

Пеньковский: Несмотря на то что мною уже было передано много материалов и фотоотчетов к ним, я получил задание продолжать их фотографировать, поскольку они представляют интерес. Кроме того, я получил задание чаще встречаться со своими товарищами — военнослужащими, интересоваться вопросами военного характера.

Прокурор: Интересовались ли иностранные разведки вопросом о советско-китайских отношениях?

Пеньковский: Да, было такое задание — выяснить, каковы сейчас советско-китайские отношения, и, может быть удастся, достать соответствующее письмо ЦК по этому вопросу, но по этому заданию я не имел возможности ничего сделать, хотя и старался.

Прокурор: Как была обусловлена дальнейшая связь с разведчиками после вашего отъезда из Лондона?

Пеньковский: Во-первых, была предложена односторонняя радиосвязь. Во-вторых, было сказано, что г-н Г. Винн поедет на французскую промышленную выставку, которая состоится в Москве в августе 1961 года, не помню точно, кажется, в конце. Вот эти два канала, и третий канал — Анна Чизхолм.

Прокурор: Когда состоялась следующая встреча Винна с вами в Москве?

Пеньковский: Следующая встреча с Винном была у меня в Москве, когда он приехал на французскую промышленную выставку и по делам в Министерство внешней торговли. Это было в августе 1961 года.

Прокурор: Передавали ли вы что-либо через Винна иностранным разведкам в этот раз?

Пеньковский: Я дважды передавал пакеты через Винна, в них были: письмо, экспонированные фото-плетки, поломанный фотоаппарат «Минокс». От Винна я дважды получал фотопленку к фотоаппарату «Минокс», мне также был передан новый фотоаппарат взамен поломанного, коробка из-под конфет «Драже», которая должна была использоваться для передачи в ней материалов шпионского характера.

Прокурор: Какие указания содержались в письме, полученном вами от Винна?

Пеньковский: В письме было указание продолжать совершенствовать свою подготовку по радио, было предложено, если я приеду на советскую промышлен-

ную выставку в Париже, поставить об этом в известность г-на Винна и сообщить дату прибытия в Париж.

Прокурор: Уточните, какие указания об условиях связи при помощи коробки конфет содержались в этом письме?

Пеньковский: Я должен был в эту коробку конфет заложить соответствующие материалы или пленку и примерно в 16 часов 00 минут посетить Цветной бульвар в любой день, исключая дождливую погоду. Подойдя к детям Анны, обратить внимание на ребенка (а их у Анны было трое), сделать такой жест любви к детям — дать ребенку коробку конфет. Шоколадные конфеты не рекомендовалось передавать, так как они дорогие и на это могли обратить внимание прохожие.

Прокурор: Скажите, в этот раз вам Винн передал только коробку конфет «Драже» или еще что-нибудь?

Пеньковский: Он передал мне пакет, в котором кроме письма была чистая фотопленка; коробка с конфетами была отдельно.

Прокурор: А что еще вам тогда показывал Винн?

Пеньковский: Да, вспомнил, мне Винн показывал лежавшие у него в кармане примерно 5 или 6 фотокарточек детей Анны, отдельно самой Анны и Анны с детьми. На фотографии же был указан район нахождения детской площадки, где обычно играют дети Анны. На ней были видны ящик с песком, клумба; это было сделано для того, чтобы я не искал их по всему бульвару, а шел в определенное место. Эти фотографии я просмотрел в номере гостиницы и вернул Винну, так как он мне сказал, что фотокарточки я брать домой с собой не могу, даже временно, а должен запомнить лицо Анны и ее детей и вернуть их. Он заявил, что если мне еще нужно будет на них посмотреть, то можно устроить повторную встречу.

Прокурор: Следовательно, вы говорите, что фотокарточки Анны с детьми были переданы вам отдельно от коробки конфет?

Пеньковский: Он их дал мне только посмотреть.

Председательствующий: Прошу пояснить, эти фотографии Винн в этот же день взял у вас?

Пеньковский: Да, я вернул их там же, в номере, г-ну Гревиллу Винну, когда мы собирались идти ужинать.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу разрешить поставить вопрос Гревиллу Винну.

Председательствующий: Подсудимый Гревилл Винн, прошу ответить на вопрос прокурора.

Прокурор: Подсудимый Винн, правильно ли показывает Пеньковский о том, что, приехав в августе 1961 года, вы получили от него пакет?

Винн: Да, я получил от него пакет, который передал Чизхолму.

Прокурор: Передавали ли вы Пеньковскому коробку с конфетами?

Винн: Да, передавал.

Прокурор: От кого вы получили эту коробку?

Винн: Я получил эту коробку от Чизхолма в тот момент, когда я передавал ему пакет от Пеньковского.

Прокурор: У меня вопросов к Гревиллу Винну нет.

Подсудимый Пеньковский, передавал ли вам еще что-либо Гревилл Винн от иностранных разведок в этот свой приезд в Москву?

Пеньковский: Письмо, фотоаппарат, чистые пленки, конфеты.

Прокурор: Значит, фотоаппарат, пленки, конфеты. Знал ли Винн о том, что вы передаете через него испорченный фотоаппарат «Минокс» и что вам взамен он вручает новый?

Пеньковский: Г-н Гревилл Винн никогда не видел содержания пакетов, но я сам ему об этом говорил. Я говорил г-ну Гревиллу Винну, что материалы важные, интересные, работаем, мол, не зря. Он спрашивал, что в такую маленькую коробку можно поместить серьезного. Я объяснял ему, что там фотопленка с важными снимками. Когда я давал ему фотоаппарат «Минокс», то говорил, что я уронил его и он испортился.

Прокурор: А Гревилл Винн говорил что-либо по поводу содержания передаваемых вам пакетов?

Пеньковский: Г-н Гревилл Винн получал от меня пакеты запечатанные и мне приносил пакеты также завернутые. Были случаи, когда г-н Гревилл Винн не знал содержания передаваемых пакетов, были случаи, когда знал и говорил, что я найду в пакете письмо с указанием по вопросу использования фотоаппарата и т. д.

Прокурор: Предлагал ли вам Винн какие-либо услуги по освоению этого фотоаппарата?

Пеньковский: Когда я рассказал Винну, что фотоаппарат поломан, то он спросил: может быть, он поломан потому, что я недостаточно освоил его пользование во время зарядки и разрядки? Не нужна ли мне дополнительная инструкция? Я ответил, что инструкция мне не нужна, я просто нечаянно уронил фотоаппарат, и он стал заедать.

Прокурор: Был ли у вас разговор с Винном о ваших возможных выездах за границу?

Пеньковский: Да, я сообщил г-ну Гревиллу Винну, что хотя вопрос еще не решен окончательно, но возможно, я поеду в Париж на советскую промышленную выставку в сентябре 1961 года. Такой разговор был.

Прокурор: Вы выполнили указание иностранных разведок о передаче сведений через Анну Чизхолм?

Пеньковский: Да, это указание я выполнил, я передал ей коробку конфет с четырьмя фотопленками, на которые сфотографировал четыре отчета ГК по КНИР.

Прокурор: Когда это было?

Пеньковский: Это было в сентябре 1961 года, примерно за две недели до моего отлета в Париж.

Прокурор: Где это было?

Пеньковский: Это было на Цветном бульваре, в Москве, где Анна Чизхолм обычно гуляла с детьми. Это место, как я уже говорил, мне было показано на плане Москвы. Я знал, что мне нужно идти в сторону Самотечной площади, там на сквере клумба и ящик с песком, в котором играли дети.

Прокурор: Расскажите об обстоятельствах передачи коробки.

Пеньковский: В какой-то день, не помню, в воскресный или рабочий, в первых числах сентября, в обусловленное время — 16 часов 00 минут я прибыл в этот район, без всякого труда нашел указанное место и увидел там Анну, гуляющую с детьми. Подойдя, я сел на скамейку, где сидели дети, один ребенок или двое, сейчас не помню, а один играл в песке. Я потрепал ребенка по щеке, погладил по голове и сказал: «Вот тебе конфеты, кушай». Анна все это видела.

Председательствующий: Сколько на вид было лет ребенку?

Пеньковский: Дети были маленькие, так, примерно

от 4 до 8 лет. Старший ребенок был школьного возраста, а остальные — дошкольного.

Прокурор: Анна сидела на той же скамейке, что и дети?

Пеньковский: Да, но я сел не рядом с Анной, а на противоположный конец скамейки, ближе к детям. Все произошло буквально в течение нескольких минут; затем я встал и ушел. С Анной никакого разговора у меня не было.

Прокурор: Таким образом, для маскировки шпионских связей использовались даже дети Анны?

Пеньковский: Да, выходит, так.

(Шум возмущения в зале.)

Прокурор: Когда и для какой цели вы прибыли во Францию?

Пеньковский: Во Францию я вылетел руководителем делегации советских специалистов, которые должны были побывать на советской промышленной выставке и посетить ряд фирм по профилям своей специальности.

Прокурор: Вы использовали эту командировку для продолжения своей преступной шпионской деятельности?

Пеньковский: Да, я использовал ее для этого.

Прокурор: Когда вы прибыли в Париж?

Пеньковский: Я прибыл в аэропорт «Ле Бурже» 20 сентября 1961 года, где меня встречал г-н Винн. Я с собой привез 15 экспонированных фотопленок и передал их в машине Винну. С аэродрома «Ле Бурже» мы поехали в гостиницу, которая находилась в районе нашего посольства в Париже. Там был для меня забронирован номер. В машине Винн сказал, что моя встреча с иностранными разведчиками будет дня через два-три и он покажет мне место, где будут меня встречать. В этот раз Винн в район конспиративной квартиры меня не возил. Он только подвез меня к мосту через Сену, который находился недалеко от гостиницы, и сказал, что на другом конце моста меня встретит кто-то из моих знакомых. Так оно и было.

Прокурор: Какой характер носили материалы, снятые на 15 фотопленках, переданных вами Винну?

Пеньковский: Эти материалы носили экономический и политический характер.

Прокурор: А сведения военного характера содержались в них?

Пеньковский: Военного характера они не носили. Военную информацию я давал устно.

Прокурор: Сколько конспиративных встреч с иностранными разведчиками было у вас в Париже?

Пеньковский: В Париже я был с 20 сентября по 15 октября. В этот раз я имел пять встреч с разведчиками на одной и той же конспиративной квартире.

Прокурор: Кто из разведчиков присутствовал на этих встречах?

Пеньковский: На этих встречах присутствовали пять разведчиков, которых я называл: три английских и два американских, и со всеми с ними я встречался пять раз.

Прокурор. Назовите этих лиц.

Пеньковский: «Ослаф», «Радж», «Грилье», «Александр», «Майл».

Прокурор: Какой характер носили эти встречи?

Пеньковский: Эти встречи носили конспиративный характер, и на этих встречах опять был сделан упор на изучение шпионской техники. Я изучал два радиопередатчика, контейнеры для закладки шпионских сведений в тайники, различные по своему устройству. Вот какие основные задачи решались на этих встречах.

Прокурор: Были ли разговоры о ранее переданных вами материалах?

Пеньковский: Да, был разговор по анализу переданных мною материалов. Кроме того, разведчики интересовались моими знакомыми из числа работников советского посольства в Париже, составом нашей советской делегации.

Прокурор: Опознавали ли вы знакомых по фотокарточкам?

Пеньковский: Да, мне был предъявлен фотоальбом для опознания лиц из посольства.

Прокурор: А кроме сотрудников посольства вы кого-либо еще из знакомых опознавали?

Пеньковский: Для опознания мне были показаны фотокарточки сотрудников торгпредства, советских представителей — экономистов, техников-специалистов, которые бывают во Франции.

Прокурор: А о военнослужащих шла речь?

Пеньковский: Да, они спрашивали, кого я знаю из

военнослужащих. Я встретил одного знакомого, которого немножко знал и который там работал военно-морским атташе. Вот о нем была речь.

Прокурор: Какой инструктаж по использованию технических средств вы получили в Париже?

Пеньковский: Я получил очень широкий инструктаж, на который ушло много времени. Мне был организован показ радиопередатчиков, разбирались инструкции к ним и практическая работа на радиопередатчиках в присутствии разведчиков. Изучался монтаж передатчика, набор цифровых величин на специальное решающее устройство, вернее, запоминающее устройство с помощью магнитной ленты, знакомился с устройством различных контейнеров: магнитных и немагнитных, различной формы, различного назначения, в зависимости от габаритов закладываемых материалов, от их количества и в зависимости от устройства тайника, в который эти контейнеры надо будет помещать.

Прокурор: Встречались ли вы в Париже с Анной Чизхолм?

Пеньковский: На предпоследней встрече с разведчиками на конспиративной квартире я увидел там Анну; я был удивлен тем, что она в Париже. Мне сказали, что она в Париже проводит свой отпуск. Тогда же у нас с Анной были вновь уточнены места и время встреч на последние месяцы 1961 года и на первые три месяца 1962 года. Места были оставлены те же, но было изменено время встреч и предложено разнообразить выбор переулков.

Прокурор: А кроме встреч на улице где вы могли еще встречаться с Анной Чизхолм?

Пеньковский: Были предусмотрены возможности встреч с Анной на приемах, которые устраивались по случаю приезда английских специалистов в Советский Союз. Эти приемы могли устраиваться как на квартирах сотрудников посольства, так и в самом посольстве.

Прокурор: Были ли выработаны другие виды связи с иностранными разведками кроме связи через Винна и Анну?

Пеньковский: Да, тогда же подробно обсуждался вопрос использования предложенного мне тайника № 1 и были разговоры о выборе мест для устройства мною других тайников.

Прокурор: Какие еще кроме тайников виды связи были предложены вам разведчиками?

Пеньковский: Мне был предложен еще один способ связи, которым можно было пользоваться при необходимости и при невозможности использовать уже прежние варианты связи. Для этого я должен был 21-го числа каждого месяца в 21 час 00 минут прибыть в район гостиницы «Балчуг» и по заранее обусловленному паролю войти в связь со связником для получения через него указаний или для передачи ему шпионских материалов.

Прокурор: Какой был обусловлен пароль?

Пеньковский: Я должен был прогуливаться по набережной с папиросой во рту, а в руке держать книгу или пакет, завернутые в белую бумагу. Очевидно, описание моего внешнего вида должно было быть известно тому, кто придет на связь. Ко мне должен подойти человек в расстегнутом пальто, также с папиросой во рту, который скажет: «Мистер Алекс, я от ваших двух друзей, которые шлют вам свой большой, большой привет». Подчеркивание дважды «большой, большой» и «от ваших двух друзей» было условленностью.

Председательствующий: На каком языке должен происходить разговор?

Пеньковский: На английском.

Прокурор: Была ли договоренность в Париже об установлении связи в Москве с кем-либо из американских дипломатов?

Пеньковский: Нет, в Париже мне об этом ничего не говорилось. Я узнал об этом из инструктивного письма, полученного от Гревилла Винна в июле 1962 года, и по тем фотокарточкам, которые мне тогда же были показаны Гревиллом Винном.

Прокурор: А когда вы узнали имя «Джонсон»?

Пеньковский: Имя «Джонсон» я узнал из того самого письма, которое получил 2 июля 1962 года через Гревилла Винна, в день его приезда в Москву.

Прокурор: Как обуславливалась возможность вашей встречи и опознания «Джонсона»?

Пеньковский: Мне было сообщено, что «Джонсон» прибыл в Москву недавно, как будто, если память не изменяет, на должность второго секретаря американского посольства по вопросам или культуры, или сель-

ского хозяйства (я сейчас точно не помню). В письме было сказано, что я должен ознакомиться с личностью «Джонсона» по его фотокарточкам, которые мне покажет Гревилл Винн, и что впоследствии я смогу с ним встречаться на официальных дипломатических приемах, куда меня будут приглашать.

Прокурор: Кроме фотокарточек какие были установлены условия опознания вами «Джонсона»?

Пеньковский: Я прошу прощения. В Париже был разговор, что в последующем, если будет выходить на меня новое лицо для поддержания связи, то у него должна быть зацепка на галстуке, инкрустированная красными камешками.

Прокурор: Следовательно, в Париже об этом был разговор?

Пеньковский: Да. Я прошу прощения, я забыл о содержании этого разговора, но он был общего характера, без связи с «Джонсоном» или кем-либо другим.

Прокурор: «Джонсон» — это настоящая фамилия?

Пеньковский: Нет, его настоящая фамилия — Карлсон.

Прокурор: А когда вы об этом узнали?

Пеньковский: Я об этом узнал в последующем, когда с ним познакомился.

Прокурор: Какие задания вы получили от разведчиков в Париже?

Пеньковский: В Париже я получил задание продолжать фотографирование технических материалов в Комитете, причем стараться фотографировать материалы послевоенного периода, последних лет и в отношении наиболее развитых в промышленном отношении капиталистических стран.

Прокурор: Какое еще задание вы получили в Париже?

Пеньковский: Я получил задание быть готовым к получению инструкций по радиопередаче, внимательно их изучить на базе той практической подготовки, какую я получил во время пребывания в Париже, и быть готовым к получению самой техники.

Прокурор: Получили ли вы задание на расширение своих знакомств с военнослужащими Советской Армии и Военно-Морского Флота?

Пеньковский: Да, мне было предложено расширить круг таких знакомств.

Прокурор: Для какой цели?

Пеньковский: Для получения от них различной военной информации, которую мне нужно было запоминать и передавать разведчикам.

Прокурор: Еще какое задание вы получили?

Пеньковский: Получил подтверждение поддерживать связь с Анной. Это было связано с тем, что г-н Гревилл Винн длительный период не придет в Москву. Так оно и вышло.

Прокурор: Интересовались ли иностранные разведки какими-либо документами военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота?

Пеньковский: Иностранные разведчики спрашивали, какие у меня возможности доступа к документам военнослужащих. Я сказал, что я могу попросить у товарищей под каким-либо предлогом удостоверение личности, просто в порядке любознательности. Ужиная с одним офицером (фамилию его я не помню), я попросил у него удостоверение личности и затем описал его в донесении.

Прокурор: Какими техническими средствами снабдили вас разведчики в Париже?

Пеньковский: В Париже мне разведчики дали большего размера копировку для тайнописи, поскольку формат первых был маленький и ими неудобно было пользоваться; получил я и фотопленку к аппарату «Минокс».

Прокурор: А радиопередатчик получали?

Пеньковский: Нет, радиопередатчика я не получал, я изучал устройство двух передатчиков и инструкцию к ним — подробную, большую.

Прокурор: А должны были получить все это?

Пеньковский: Должен был получить.

Прокурор: Каким образом?

Пеньковский: Мне сказали, что я это смогу получить в Москве через связников — или через Анну, или через Гревилла Винна.

Прокурор: Расскажите, какие у вас были в Париже с разведчиками разговоры о тайниках, кроме тайника № 1.

Пеньковский: О тайнике № 1, который мне был предложен в Париже, были очень подробные разговоры, и мне были заданы контрольные вопросы,

видимо для проверки: как я усвоил место его нахождения, устройство, в каком виде должен быть материал, как ставить сигналы, как звонить, какие будут ответы по телефонам, по которым я должен был звонить, какое время наиболее удобно для закладки тайника (называли утро), то есть давался очень подробный инструктаж.

Прокурор: А о других тайниках разговоры были?

Пеньковский: Мне было предложено подобрать места для нескольких тайников в различных местах Москвы, дать их описание, причем необходимо было, чтобы эти места были удобны для посещения иностранцев и чтобы они отвечали условиям безопасности пользования ими, а именно: чтобы не было постов милиции, чтобы удобно было зайти в подъезд или какой-то дом, магазин, ателье или чтобы это было место загородное, которое посещали во время рыбалки или прогулки иностранцы. Все эти аспекты использования тайников мне были повторены несколько раз.

Прокурор: С кем из американских разведчиков кроме «Александра» и «Ослафа» вы встречались в Париже?

Пеньковский: Кроме «Александра» и «Ослафа» во время моей пятой встречи я встретился с руководящим лицом американской разведки. Он имел со мной кратковременную беседу.

(Объявляется перерыв на 2 часа.)

Вечернее заседание

(Стенографическая запись)

16 ч. 00 м.

Комендант суда: Суд идет. Прошу встать.

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста. Судебное заседание продолжается.

Подсудимый Пеньковский, прошу отвечать на вопросы прокурора.

Прокурор: Вы сказали, что в Париже у вас была встреча с представителем разведки США.

Пеньковский: Да.

Прокурор: Скажите, чем интересовалось у вас это лицо?

Пеньковский: Как я уже говорил, это лицо беседовало со мной минут 30. Фамилии его я не помню, так как в момент знакомства и во время представления разведчики быстро произносили фамилии и я их не улавливал. Это лицо спрашивало о моей жизни, работе. Рекомендовало проявлять в работе большую осторожность. Беседа носила общий характер.

Прокурор: О возможности вашей поездки в Америку спрашивали или нет?

Пеньковский: В данном случае был разговор о предстоящей советской выставке в США, которая намечалась на апрель 1962 года. Они спрашивали, приеду ли я туда. Я сказал, что твердо еще не знаю, поеду я или нет, но не исключено, что такая возможность будет.

Прокурор: Вы все время говорите о ваших совместных встречах с представителями американской и английской разведок, а отдельные встречи с представителями одной из этих разведок были?

Пеньковский: Да, была одна такая встреча.

Прокурор: Расскажите о ней.

Пеньковский: Эта встреча была в гостинице, где жили американские разведчики. Инициатива о встрече была высказана в то время, когда с конспиративной квартиры я ехал к себе в гостиницу. «Ослаф» и «Александр» меня пригласили на следующий день после этой встречи к себе вечером в номер гостиницы. Я это приглашение принял. Была создана свободная, непринужденная обстановка. Из беседы я понял, что американская сторона сожалеет о том, что ей приходится работать со мною вместе с английской.

Прокурор: Вы обещали что-либо американской разведке или высказали какие-либо пожелания по этому вопросу?

Пеньковский: В отношении раздельной работы с английской и американской разведками мною пожеланий не было высказано.

Прокурор: Было ли вам сказано, что если бы сложилась такая необходимость, то американская разведка могла доставить вас в Америку?

Пеньковский: Разговор об этом был в связи с обсуждением вопроса о представлении меня президенту Кеннеди. Они говорили, что за короткое время самолетом меня можно доставить в Америку и вернуть обратно. Это они сделали бы, если бы была острая необходимость.

Прокурор: Кроме поездок на встречи с разведчиками в Париже куда вы еще ездили с Гревиллом Винном?

Пеньковский: С Гревиллом Винном мы ездили в Версаль, Фонтенбло, были в ресторанах, ночных клубах «Мулен Руж» и «Лидо», посещали кафе, гуляли в свободное время по улицам.

Прокурор: Кто оплачивал расходы, связанные с посещением кафе, ресторанов и других увеселительных мест?

Пеньковский: За все платил Гревилл Винн, я ему отвечал тем же в Москве.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы оплачивали расходы Пеньковского в Париже?

Винн: Да.

Председательствующий: Кто вам потом возместил эти расходы?

Винн: Английская разведка.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, по возвращении в Москву из Парнжа вы приступили к выполнению заданных иностранных разведок?

Пеньковский: Да. По возвращении из Парижа в октябре 1961 года я продолжал выполнять задания иностранных разведчиков.

Прокурор: Кому вы сообщили о своем прибытии в Москву?

Пеньковский: Я позвонил на следующий день по телефону, номер которого мне был дан, и трехкратным сигналом дал знать, что прибыл благополучно в Москву.

Прокурор: Назовите телефон, по которому вы звонили.

Пеньковский: Этот телефон был записан на листе бумаги, который был изъят у меня при обыске.

Прокурор: Какие признаки имеет эта бумага?

Пеньковский: Эта бумага имеет вид отдельного листа в клетку, на полях этого листа проколы, на ней чернилами записаны номера телефонов и разные другие сведения.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить участникам процесса для осмотра приобщенный к делу в качестве вещественного доказательства графленый листок бумаги (том 8, л. д. 110).

Председательствующий: Товарищ секретарь, прошу предъявить подсудимому Пеньковскому и остальным участникам процесса названный документ.

(Секретарь предъявляет.)

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, назовите номер телефона, по которому вы звонили, прибыв в Москву.

Пеньковский: Г 3-13-58.

Прокурор: Вам известно, кому принадлежит этот телефон?

Пеньковский: Теперь мне известно, кому принадлежит этот телефон. Раньше мне это известно не было.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу огласить справку (том 9, л. д. 10) о том, где установлен этот телефон.

Председательствующий: Товарищ секретарь, огласите справку.

Секретарь: Это — официальное сообщение наших соответствующих органов, в котором говорится, что телефон Г 3-13-58 установлен в квартире № 13 дома № 18 по Кутузовскому проспекту, где с мая 1961 года по февраль 1962 года проживала бывший атташе посольства Великобритании в Москве Филиппа Стюарт, а с апреля 1962 года там проживает секретарь-машинистка того же посольства Дженифер Нейлор.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, имели ли вы конспиративные встречи с представителем иностранной разведки в районе гостиницы «Балчуг»?

Пеньковский: После возвращения из Парижа в октябре 1961 года я имел с неизвестным мне лицом одну встречу конспиративного порядка в районе гостиницы «Балчуг» в 21 час 00 минут по паролю, о котором я показал.

Прокурор: Что вы передали этому лицу на встрече?

Пеньковский: Этому лицу я передал пакет, в котором находились два военных журнала, «Наставление по стрельбе зенитной артиллерии» и «Боевой устав артиллерии».

Прокурор: Расскажите подробно, каковы были условия вызова иностранных разведчиков к тайнику № 1.

Пеньковский: К тайнику № 1 я мог вызвать иностранных разведчиков следующим образом: имелось два номера телефонов, по которым я должен был звонить дважды по каждому, не разговаривать, а лишь ждать ответа абонента, услышав фамилии «Монтгомери» и «Дэвисон», повесить трубку. Это означало, что я вызываю связника к тайнику № 1. Кроме того, я должен был поставить черную контрольную метку на столбе № 35 по Кутузовскому проспекту.

Прокурор: Номера этих телефонов вы помните на память?

Пеньковский: Нет.

Прокурор: Они записаны где-нибудь?

Пеньковский: Они были записаны на том же листке бумаги в клетку.

Прокурор: Я прошу предъявить этот лист бумаги Пеньковскому.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите этот лист Пеньковскому.

(Предъявляется.)

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, прочтите запись на этом листе под номером 1.

Пеньковский: Под номером 1 я записал: «Столб 35, метка черная, дополнительно к телефонному звонку, номера телефонов Кутузовский проспект, 18, Г 3-26-94 и Г 3-26-87». По первому телефону должен ответить «Алексис Дэвисон». Звонить нужно было два раза, после первого ответа позвонить второй раз. Точно так же нужно было звонить по второму телефону. Вначале должен был ответить «Вильям Джонс», затем мне сообщили, что отвечать будет «Монтгомери».

Прокурор: Кроме вызова к тайнику могли ли вы использовать эти телефоны в других целях?

Пеньковский: Да, я мог бы использовать эти телефоны в других целях, например в случае своего тяжелого положения. Желая об этом поставить в известность разведки, я должен был позвонить по этим телефонам и трижды подуть в трубку.

Прокурор: А еще что вы должны сделать?

Пеньковский: На этом же столбе № 35 поставить крест.

Прокурор: Какой крест?

Пеньковский: Черным карандашом.

Прокурор: Все это вы записали на листке под номером 1?

Пеньковский: Да, эта запись относится к номеру 1.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу огласить справку, имеющуюся в томе 9, л. 10, в которой указано, где установлены телефоны, названные здесь Пеньковским, Г 3-26-94 и Г 3-26-87.

Председательствующий: Товарищ секретарь, огласите справку.

Секретарь: По сообщению компетентных органов видно, что телефон Г 3-26-94 установлен в квартире № 68 дома № 18 по Кутузовскому проспекту, где с мая 1961 года по настоящее время проживает помощник военно-воздушного атташе США Алексис Дэвисон; телефон Г 3-26-87 установлен в квартире № 66 дома № 18 по Кутузовскому проспекту, где с июля 1960 года по февраль 1962 года проживал бывший второй

секретарь американского посольства Вильям Джонс, а с февраля 1962 года и по настоящее время проживает атташе посольства США в Москве Монтгомери.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, вы пользовались тайником № 1 до ареста?

Пеньковский: Я в канун ареста хотел воспользоваться тайником № 1 и написал письмо, которое отпечатал на машинке и должен был заложить в тайник, но сделать это я не успел.

Прокурор: Товарищ председательствующий, прошу огласить протокол следственного эксперимента, проведенного в соответствии со ст. 183 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, для проверки достоверности показаний Пеньковского (том 1, л. д. 208—210).

Председательствующий: Товарищ секретарь, прошу огласить.

(Секретарь оглашает протокол следственного эксперимента от 2 ноября 1962 года.)

ПРОТОКОЛ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

...В целях проверки достоверности показаний подозреваемого Пеньковского О. В. был произведен следственный эксперимент.

...В ночь на 2 ноября 1962 года на столбе № 35 на Кутузовском проспекте была сделана описанная Пеньковским метка. В это же время в подъезде дома № 5/6 по Пушкинской улице был заложен тайник в виде спичечной коробки, обернутой голубоватой бумагой (под цвет стен подъезда), заклеенной клейкой целлофановой лентой и обмотанной медной проволокой, при помощи которой спичечная коробка была подвешена на костыль, поддерживающий отопительную багареку. В эту коробку было вложено донесение Пеньковского, изготовленное им до ареста и предназначенное для передачи иностранной разведке, которое было изъято у него при обыске.

Подъезд был оборудован специальной аппаратурой, позволяющей видеть и фотографировать действия человека, изымающего содержание тайника.

В 8 часов 50 минут 2 ноября дважды был набран телефон Г 3-26-94 и оба раза после ответа «Дэвисон» трубку клали. Затем точно так же позвонили по телефону Г 3-26-87 и вешали трубку после ответа «Монтгомери».

В 9 часов 20 минут утра было зафиксировано, что мимо столба с меткой на Кутузовском проспекте на своей машине за номером Д 0-31 медленно проехал помощник военно-воздушного атташе посольства США в Москве А. Х. Дэвисон, затем вышел из машины и дважды прошел мимо столба с меткой, внимательно осматривая его. После этого он сел в машину и уехал в посольство США.

В 15 часов 15 минут в подъезд дома № 5/6 по Пушкинской улице зашел неизвестный, который в момент изъятия тайника был задержан сотрудниками КГБ при СМ СССР и доставлен в Управление милиции, где при проверке его документов выяснилось, что он является сотрудником американского посольства в Москве Р. К. Джэкобом.

После установления личности Джэкоба был вызван сотрудник Министерства иностранных дел СССР, который передал его представителю американского посольства в Москве советнику Дэвису.

К настоящему протоколу прилагается 8 фотокарточек, полученных в процессе проведения следственного эксперимента.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить подсудимым и их защите для ознакомления фотокарточки представителей посольства — сотрудников Джэкоба и Дэвисона, сфотографированных во время следственного эксперимента 2 ноября 1962 года (пакет, том 1, л. д. 211).

Председательствующий: Предъявите, товарищ секретарь.

(Предъявляются)

Пеньковский: Я должен сказать, что тайник и место соответствуют данным, описанным мною; место постановки сигнала также соответствует, а кто вышел на тайник, я узнал только по фотокарточкам.

Прокурор: Были ли вам даны какие-либо резервные телефоны для вызова разведчиков к тайнику?

Пеньковский: Был еще дан один телефон, я его на память не могу сказать, но он записан на этом же листке бумаги.

Прокурор: Попрошу еще раз предъявить его Пеньковскому.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите.

(Предъявляется.)

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, назовите номер этого телефона.

Пеньковский: К 4-89-73.

Прокурор: Кому он принадлежит?

Пеньковский: Кому он принадлежит, я не знаю, мне этого не говорили. Звонить нужно было в 21 час 10 минут по понедельникам, два раза с перерывом в одну минуту и после трех гудков вешать трубку.

Прокурор: Что должно последовать после звонков?

Пеньковский: После этих звонков кто-то должен был подойти к тайнику.

Прокурор: Я прошу, товарищ председательствующий, огласить справку (том 9, л. д. 10), в которой указано, где установлен телефон К 4-89-73.

Председательствующий: Товарищ секретарь, огласите справку.

Секретарь: Телефон К 4-89-73 находится в квартире № 35 по Садово-Самотечной улице, дом 12/24, до марта 1963 года занимавшейся Айвором Рауселлом, сотрудником посольства Великобритании, а ранее в ней проживал помощник военно-морского атташе этого же посольства Джон Варлей.

Прокурор: Сколько раз можно было использовать один и тот же тайник?

Пеньковский: Тайник № 1 одноразового действия. Да и тайники, которые предназначались к дальнейшему использованию, тоже одноразового действия.

Прокурор: Вы подобрали места для устройства тайников?

Пеньковский: Я наметил места для трех тайников.

Прокурор: Что это за места?

Пеньковский: Одно место я выбрал в Брюсовском переулке, в районе действующей церкви, угловой дом, номера дома не помню, в первом подъезде от угла, где увидел целую систему различных труб парового отоп-

ления, — удобное место для закладки магнитных контейнеров. Второе место я выбрал на Гоголевском бульваре, номера дома также не помню, в подъезде, где имеется телефон-автомат. Третье место — на Ваганьковском кладбище, у могилы Сергея Есенина.

Прокурор: Через кого следовало передать описанные тайники?

Пеньковский: Описание тайников я должен был передать по мере окончания работы по их устройству или через Анну, или через Гревилла Винна, или же через Карлсона.

Прокурор: Были ли вы снабжены инструкцией о подборе и пользовании тайниками?

Пеньковский: Нет, такой инструкции у меня не было. Были только устные указания. Я уже показал, по каким моментам, касающимся тайников: каким требованиям должны отвечать тайники, в каких районах должны быть эти тайники, как производить закладку и т. д.

Прокурор: А письменная инструкция у вас была или нет?

Пеньковский: Летом 1962 года я через Винна получил инструктивное письмо, где отдельным параграфом были даны указания о подборе тайников и о тех требованиях, каким они должны отвечать.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предоставить возможность участникам процесса ознакомиться с инструкцией или письмом, в котором содержатся указания о подборе и устройстве тайников, изъятым у Пеньковского при аресте и приобщенным к делу в качестве вещественного доказательства. Находится в томе 8, л. д. 112, пакет.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите указанную инструкцию подсудимому Пеньковскому.

(Предъявляется.)

Прокурор: Об этом письме идет речь?

Пеньковский: Да, я говорил именно об этом письме. В нем имеются отдельные параграфы, содержащие указания по подбору, устройству и порядку пользования тайниками.

Прокурор: Я прошу огласить выдержку из этой инструкции.

Председательствующий: Товарщик секретарь, огласите.

(Секретарь оглашает.)

«...Б. Тайники. Они будут основным способом для посылки сообщений и материалов Вами. Для оперативности этого способа нам необходимы описания тайников, обещанные Вами. Вам придется в будущем находить и другие. При выборе тайников имейте в виду, что они должны находиться в местах, нормально доступных иностранцам. Мы считаем, что будет лучше, если мы будем заранее согласовывать день и час, в который Вы будете заряжать условленный тайник, чтобы мы могли его сразу же опустошить, не дожидаясь сигнала. Мы предлагаем следующий основной план:

1) Вы будете заряжать тайник *не чаще* чем раз в месяц.

2) Каждый тайник может быть употреблен только раз (мы будем считать тайник употребленным, раз мы его проверили для материала, даже если Вы его не заложили).

3) Вы сообщите нам заранее числа и времена, когда вы будете заряжать тайники и какие это будут (т. е. № 2, 3, 4 и т. д.) в течение следующих трех месяцев. Пожалуйста, не забывайте, что Суббота и Воскресенье самые для нас подходящие дни для опустошения.

4) Мы посетим первый тайник, указанный Вами (например, № 2), в установленный день и как можно ближе к указанному времени. В следующий месяц мы посетим следующий тайник и т. д. Если Вы не смогли или не успели зарядить один из тайников, беды не будет; в следующий месяц мы посетим очередной тайник, в соответствии плану, представленному Вами.

5) В течение трехмесячного периода мы будем ждать от Вас сообщения с описанием трех новых тайников и указывая порядок, в котором они будут использованы в следующие месяцы.

6) Мы подтвердим по радио очистку тайника. В нормальных обстоятельствах вы получите сведения о нашем осмотре на следующую ночь и ин через

почь. (Это будет возможно при измененном радиоплане.)

Вы понимаете, что мы говорим об обстоятельствах, в которых Вы ушли в отставку и живете в Москве. План не войдет в силу, пока мы можем еще встречаться с Вами на приемах. Но для того, чтобы быть готовыми ко всему, Вы должны нам переслать как можно скорее план использования тайников (три тайника) на трехмесячный период. Это Вам даст возможность ввести этот план в силу в любое время, послав нам соответствующие извещения (через тайник № 1).

17. Вы нам сказали, что Вас могут и перевести на другую должность, куда-нибудь на территории СССР. Планировать связь для таких обстоятельств очень трудно, потому что все зависит от места, куда Вас пошлют. Как Вам известно, есть масса мест, куда иностранцев не пускают, и нам придется придумать специальные средства для специальных обстоятельств. В общем, мы сможем поддерживать радиосвязь, куда бы Вас ни послали, но в некоторых случаях надо будет переменить частоты. Способ Вашей связи с нами будет зависеть и от места, где Вы находитесь, и от Вашей должности. Постольку, поскольку это может от Вас зависеть, мы считаем, что Ленинград — наилучшее место после Москвы, и предпочитаем европейскую часть СССР к восточной части»

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, кто вам передал эту инструкцию?

Пеньковский: Это письмо-инструкцию я получил в июле 1962 года через г-на Г. Винна. Это только часть письма, а другая часть была уничтожена.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы передавали Пеньковскому эту инструкцию?

Винн: Я в то время не знал, что передаю инструкцию, но я совершенно определенно подтверждаю, что передал в свое время пакет или конверт Пеньковскому.

Председательствующий: Товарищ прокурор, продолжайте допрос.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, поддержи-

вали ли вы связь с Чизхолм Анной после возвращения из Парижа?

Пеньковский: Да, я после возвращения из Парижа поддерживал связь с Анной на улицах и на дипломатических приемах.

Прокурор: Сколько раз вы с ней встречались и где?

Пеньковский: Примерно семь раз на улице и дважды на дипломатических приемах: первый раз по случаю пребывания английской делегации хлебопекарной промышленности на квартире у работника английского посольства и второй раз в мае 1962 года в посольстве на большом приеме по случаю рождения английской королевы.

Прокурор: На приемах вы бывали в силу своего должностного положения?

Пеньковский: Да.

Прокурор: Товарищ председательствующий, прошу предъявить участникам процесса для осмотра приглашительные билеты на имя Пеньковского (том 8, л. д. 123, пакет).

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите подсудимому Пеньковскому эти билеты.

(Предъявляются.)

Пеньковский: Вот билет на прием 31 мая в английском посольстве, это — на прием у сотрудника посольства Дэвида Синиора по случаю приезда делегации хлебопекарной промышленности; у него же был прием по случаю показа британского фильма «Вкус меда».

Прокурор: Эти приемы использовались для шпионских целей?

Пеньковский: Да, использовались.

Прокурор: Что вы на этих приемах передали Анне?

Пеньковский: На квартире Синиора я передал Анне экспонированную пленку и письмо в разведцентр, а на приеме в английском посольстве ничего не передавал ей, а только получил от нее.

Прокурор: Сколько вы всего передали английской разведке пленок через Анну Чизхолм?

Пеньковский: Примерно около 15—16.

Прокурор: А кроме пленок что вы еще передавали через нее?

Пеньковский: Кроме пленок я трижды передавал свои письма.

Прокурор: Что вы получали от иностранных разведчиков при встречах с Анной Чизхолм?

Пеньковский: Я получил через Анну три письма, два раза чистые пленки по 5 штук и два фотоаппарата «Минокс».

Прокурор: А еще что получили от Анны?

Пеньковский: Не помню.

Прокурор: А шифровальные блокноты?

Пеньковский: Да. В январе месяце 1962 года на одной из встреч в районе Арбата я получил через нее четыре шифровальных блокнота.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить подсудимому шифровальные блокноты, находящиеся в коробке с вещественными доказательствами.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите.

(Предъявляются.)

Пеньковский: Да, это те самые шифровальные блокноты, два я привез с собой, а четыре получил от Анны, всего было шесть.

Прокурор: До какого времени вы встречались с Анной на улице?

Пеньковский: С Анной на улице я встречался до 19 января 1962 года.

Прокурор: Почему прекратили эти встречи?

Пеньковский: Я считал небезопасным продолжать встречи.

Прокурор: Значит, вы опасались разоблачения?

Пеньковский: Да.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, у вас не возникала мысль, что пора явиться с повинной?

Пеньковский: Была такая мысль, но я не довел ее до конца.

Прокурор: Вы сообщили в разведцентр, что прекращаете встречи с Анной на улицах?

Пеньковский: Да, я написал письмо, в котором сообщал, что продолжать с ней встречи на улицах опасно и поэтому я прекращаю эти встречи.

Прокурор: Каким путем вы передали это письмо?

Пеньковский: Это письмо я попросил руководителя одной английской делегации опустить в Лондоне

в почтовый ящик. Ему я не раскрывался в своей принадлежности к разведке, просто попросил опустить письмо.

Прокурор: По какому адресу в Англии это письмо должно было прийти?

Пеньковский: Адрес: Англия, Лондон, Лабриджи, SW 1 или 3, точно не помню.

Прокурор: Этот адрес был записан у вас или вы знали его на память?

Пеньковский: Этот адрес был записан на бумаге в клетку, которую мне уже здесь предъявляли.

Прокурор: Ваше письмо дошло по назначению?

Пеньковский: Да, это письмо было получено разведкой.

Прокурор: По каким каналам вы получили подтверждение?

Пеньковский: Я получил подтверждение по радио.

Прокурор: Когда последний раз вы имели шпионский контакт с Гревиллом Винном?

Пеньковский: В июле 1962 года, когда г-н Гревилл Винн прибыл в Москву.

Прокурор: Передали вы ему что-либо в этот раз?

Пеньковский: Да, я встретил его в аэропорту «Шереметьево» на автомашине Рудовского и по дороге из аэропорта, в машине, передал экспонированную пленку и письмо.

Прокурор: Что вам сказал Винн, взяв от вас передачу?

Пеньковский: Винн взял от меня материал и сказал, что в этот же день он доставит его по назначению; кроме того, мы с ним договорились о повторной встрече тогда же, 2 июля, у него в номере гостиницы «Украина» в 9 или 10 часов вечера.

Прокурор: Состоялась эта встреча?

Пеньковский: Да, состоялась.

Прокурор: Что вы получили от Винна?

Пеньковский: От Винна я получил коробку, завернутую в бумагу и перевязанную шпагатом. Коробка была из-под набора спичек.

Прокурор: Что находилось в этой коробке?

Пеньковский: В этой коробке было инструктивное письмо, часть которого была сейчас здесь зачитана, сигнальные открытки для сообщения разведчикам о

моем положении и моих планах. В коробке также находилось 3 тысячи рублей. Я эти деньги после отправил через Винна назад. Подробно об этом покажу, если будет нужно.

Прокурор: Что еще находилось в этой коробке?

Пеньковский: В этой коробке находились две коробочки с металлическими подвесками для ключей к автомашине.

Прокурор: Письменных материалов там никаких не было?

Пеньковский: Был один материал — проект статьи. Я просил разведчиков написать аннотацию на книгу, сейчас точно ее назвать не могу: не помню, и они мне написали аннотацию с использованием ряда своих источников. Я хотел эти тезисы здесь в Москве дополнить и сделать из них статью или лекцию.

Прокурор: Какие указания содержались в этом инструктивном письме, полученном через Винна, кроме того, что здесь было оглашено?

Пеньковский: Это письмо было большим по своему содержанию, там были высказаны различные рекомендации в отношении конспирации и осторожности в работе. Были высказаны указания о необходимости работать только лишь через тайники и не встречаться ни в коем случае ни с кем из связников. Были высказаны рекомендации и пожелания о повышении степени моей радиоподготовки и сообщалось о том, что я в ближайшее время получу радиопередатчики и инструкции к ним. Вот по таким вопросам было составлено это письмо.

Прокурор: Не содержались ли в этом письме указания о порядке перехода на нелегальное положение?

Пеньковский: В указанном письме этого не было. Это было предметом обсуждения в последующем.

Прокурор: Просьбы какие-нибудь излагались разведчиками к вам?

Пеньковский: Была высказана просьба в отношении подбора тайников, о чем я уже показывал.

Прокурор: А когда вы получили инструкцию по установленной связи с Карлсоном и Кауэлл?

Пеньковский: В этом же письме было указано о том, что в Москву должен прибыть второй секретарь американского посольства Карлсон, с которым я

смогу поддерживать контакты во время официальных приемов. Сообщалось о том, что в ближайшее время должна приехать Памелла Кауэлл с мужем — вторым секретарем английского посольства, — и был указан порядок связи с Кауэлл через таинник, устроенный в банке из-под порошка «Харпик». Фотографии Карлсона и супругов Кауэлл для ознакомления мне должен передать Винн. Тогда же Винн мне показал 10—12 фотоснимков супругов Карлсон и Кауэлл, по 5—6 каждой пары. В письме было указано о том, что я эти снимки не имею права уносить и хранить у себя, а только могу ознакомиться в присутствии Винна. Я дважды эти снимки смотрел и возвращал их ему.

Прокурор: Какие инструкции вы получили об использовании для связи банки из-под порошка «Харпик»?

Пеньковский: В письме было сказано, что на одном из приемов в доме английского дипломата в туалетной комнате будет стоять банка из-под порошка «Харпик». Со стороны днища банки вынимается полая часть, куда можно заложить материалы или же забрать материалы, если они там находятся, после чего следовало банку опять поставить на место, а в последующем она будет заменена настоящим «Харпиком».

Прокурор: Вы видели эту банку?

Пеньковский: Да, я эту банку держал и открывал.

Прокурор: Кто вам ее показывал?

Пеньковский: Эту банку мне показывал Винн в номере гостиницы «Украина».

Прокурор: У вас был с Винном разговор о порядке использования этой банки?

Пеньковский: Да, мы вместе с ним открывали банку, вынимали днище и смотрели. Затем я сам несколько раз вынимал днище банки, после чего эту банку оставил у Винна.

Прокурор: Какова роль Винна в этом?

Пеньковский: Он должен был помочь мне освоить технику работы с этой банкой.

Прокурор: Товарищ председательствующий, разрешите задать вопрос подсудимому Винну.

Председательствующий: Подсудимый Винн, прошу ответить на вопрос прокурора.

Прокурор: Вы показывали банку из-под порошка «Харпик» подсудимому Пеньковскому?

Винн: Да, показывал.

Прокурор: Показывали, как ею пользоваться?

Винн: Да, показывал, как можно снять днище этой банки.

Прокурор: От кого вы получили эту банку и кто научил пользоваться ею?

Винн: Я получил эту банку от Чизхолма, сотрудника британского посольства в Москве.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, вы использовали этот вид связи?

Пеньковский: Нет, этот вид связи использован не был.

Прокурор: Расскажите о полученных вами сигнальных открытках.

Пеньковский: Сигнальные открытки в количестве 7 штук представляли собой различные виды Москвы. Открытки были многокрасочными. На открытках с обратной стороны рисунка был написан текст чернилами на английском языке с различным содержанием о времяпрепровождении в Москве и о посещении достопримечательных мест Москвы. Были указаны и различные адреса в Англии, и каждая открытка имела свое условное значение.

Прокурор: Вы использовали эти открытки?

Пеньковский: Да. Одну открытку я отправил в Лондон.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить подсудимому Пеньковскому открытки и инструкцию по их использованию, приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств (том 8, л. д. 112).

Председательствующий: Товарищ секретарь, прошу предъявить открытки и инструкцию к ним.

(Предъявляются.)

Прокурор: Об этих открытках идет речь?

Пеньковский: Да. Об этих.

Председательствующий: Прошу уточнить, кто их вам передал.

Пеньковский: Эти открытки я получил от Гревилла Винна 2 июля 1962 года в коробке из-под набора спичек.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы передавали Пеньковскому открытки, о которых идет речь?

Товарищ секретарь, предъявите открытки подсудимому Винну.

(Предъявляются.)

Винн: Впервые увидел я эти открытки на одном из допросов во время следствия, и хотя я действительно передал Пеньковскому коробку из-под набора спичек, но не имел никакого представления о ее содержании.

Председательствующий: Подсудимый Винн, садитесь.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, когда и где вы установили связь с американским разведчиком Карлсоном?

Пеньковский: С Карлсоном я познакомился 4 июля 1962 года на приеме в американском посольстве. 2 июля я получил письмо, о котором я показал, и уже видел фотокарточку Карлсона у Гревилла Винна. Так что через два дня после этого, будучи на приеме в посольстве, я легко его опознал по тем фотокарточкам, которые мне были показаны. Мы с ним познакомились, состоялся общий разговор, а уже в следующий раз мы с ним встретились на приеме в августе месяце по случаю приезда американской делегации табачников как знакомые.

Прокурор: Только ли по фотокарточке вы опознали Карлсона?

Пеньковский: Нет, еще одним условием для опознания была защепка для галстука, инкрустированная красными камнями, которую он должен был носить.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу огласить протокол опознания подсудимым Пеньковским Карлсона, находящийся в томе 2, л. д. 105—106.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите названный протокол опознания Пеньковскому.

(Предъявляется.)

Пеньковский: Да, на одном из снимков, приложенных к этому протоколу, я опознал Карлсона, — снимок № 2.

Прокурор: Вы знаете его должностное положение?

Пеньковский: Насколько я знаю из письма и из разговора с ним, он являлся вторым секретарем посольства или по вопросам сельского хозяйства, или по вопросам культуры (я точно не помню).

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу огласить справку о дипломатическом положении Карлсона в Москве. Находится она в пакете тома 9, л. 8.

Председательствующий: Товарищ секретарь, огласите справку.

Секретарь: Посольство США. Фамилия — Карлсон; имя — Родней Вильям; гражданство — США; год и число рождения — 26 февраля 1932 года; должность — атташе посольства. Прибыл 26 июня 1962 года. Карточка заверена протокольным отделом МИД СССР.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, сколько встреч вы имели с Карлсоном и где они происходили?

Пеньковский. С Карлсоном я имел две встречи, связанные со шпионской деятельностью: первая встреча — 4 июля 1962 года, когда я познакомился с ним, в доме американского посла, где был по случаю устроенного там большого приема; второй раз видел я Карлсона на приеме в августе и тогда же передал ему материал. Этот прием был у работника американского посольства (сейчас фамилию его не помню) по случаю приезда делегации американских табачников. В сентябре был прием в доме американского посла по случаю приезда американской делегации работников электропромышленности. Там я встречался с Карлсоном, но никаких шпионских дел с ним не было. Так что я его видел трижды.

Прокурор: Какие указания иностранных разведок вы получили через Карлсона?

Пеньковский: Через Карлсона в августе я получил письмо в конверте и гражданский фальшивый паспорт. В этом письме давалась инструкция о порядке пользования этим паспортом; говорилось, что необходимо его подписать, что паспорт внутренний.

Прокурор: Кому подписать?

Пеньковский: Мне подписать, в паспорте не было подписи владельца.

Председательствующий: Паспорт был изготовлен на имя другого человека?

Пеньковский: Да.

Председательствующий: Но фотография в паспорте была ваша?

Пеньковский: Да.

Председательствующий: Как вы передали разведке свою фотографию?

Пеньковский: Свою фотографию я не передавал, она, очевидно, попала через дипломатические каналы. Должен сказать: при оформлении выезда за границу фотокарточки посылались дюжинами и, очевидно, это фотокопия одной из них.

Прокурор: Какие задания иностранных разведчиков по сбору шпионских сведений были поставлены перед вами в этом письме?

Пеньковский: В этом письме были поставлены задания собирать данные по экономическим вопросам, кажется, интересовались советско-китайскими отношениями. Задания были, но точного содержания не помню. Примерно то, что я показал.

Прокурор: А сведения военного характера предлагалось в этом письме собирать?

Пеньковский: Я не помню, чтобы было задание собирать сведения военного характера.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить подсудимому Пеньковскому паспорт, приобщенный к делу в качестве вещественного доказательства и находящийся в томе 8, л. д. 110, пакет.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите.

(Предъявляется.)

Пеньковский: Да, этот паспорт мне был передан Карлсоном в августе 1962 года. Фотография моя, а фамилия не моя.

Прокурор: Передавали ли вы что-либо Карлсону?

Пеньковский: На квартире американского сотрудника, где я получил письмо с этим паспортом, я передал Карлсону коробочку из-под сигарет, в которой находились экспонированные пленки, по-моему, в количестве 7 штук и письменное донесение.

Прокурор: Подготовили ли вы еще какие-нибудь материалы для передачи иностранным разведчикам, которые вам не удалось передать?

Пеньковский: Да. Я сфотографировал на четырех пленках материалы и написал письмо, но передать не успел.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить подсудимому Пеньковскому изъятое у него при аресте и приобщенное к делу в качестве вещественного доказательства напечатанное на машинке донесение, находящееся в пакете, том 8, л. д. 110.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите это донесение Пеньковскому.

(Предъявляется.)

Прокурор: Об этом донесении идет речь?

Пеньковский: Да, об этом.

Прокурор: Кто его печатал?

Пеньковский: Это донесение я отпечатал на этой пишущей машинке, которая стоит здесь.

Прокурор: Кому предназначалось это донесение?

Пеньковский: Это донесение предназначалось английским и американским разведчикам.

Прокурор: Через кого вы намеревались его переслать?

Пеньковский: Я хотел это донесение с четырьмя фотопленками передать через Карлсона.

Прокурор: Почему же не передали?

Пеньковский: Я не передал, поскольку не было для этого возможности. На приеме в доме американского посла было много народу и не было удобного момента для передачи, а кроме того, я плохо себя чувствовал: был болен.

Прокурор: Товарищ председательствующий, прошу огласить выдержки из этого донесения.

Председательствующий: Товарищ секретарь, прочтите начало и конец. Середину не оглашайте, потому что там идет речь о государственной и военной тайне. Эти эпизоды будут рассмотрены на закрытом судебном заседании.

Секретарь: «Мои дорогие друзья!

Получил ваше письмо с паспортом и описанием к нему... Крепко жму ваши руки, большое спасибо

за заботу обо мне, я всегда чувствую вас рядом с собой. Ваш друг. 5 сентября 1962 года».
(Гул возмущения в зале.)

Прокурор: Товарищ председательствующий, в коробке вещественных доказательств имеются экспонированные пленки. Я прошу предъявить эти пленки подсудимому Пеньковскому.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите.

(Предъявляются.)

Пеньковский: Да, это те четыре экспонированные пленки от фотоаппарата «Минокс», о которых я уже показал.

Прокурор: И которые не успели передать?

Пеньковский. Да, на них засняты различные технические отчеты.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, вы встречались с Памеллой Кауэлл?

Пеньковский: Нет, с Памеллой Кауэлл я лично не встречался и знаком не был, я только получил данные о том, что она должна приехать с мужем в Москву и что с ней я могу поддерживать шпионский контакт путем использования банки из-под порошка «Харлик» в качестве контейнера. Фотокарточку Памеллы Кауэлл мне показал г-н Г. Винн.

Прокурор: Расскажите, какие инструкции вы получили от иностранных разведок по приему радиопередач.

Пеньковский: Я получил указание о том, что прием радиошифrogramм будет облегчен путем присылки приставки к приемнику, что передачи будут меняться чаще, раньше передачи радиogramм менялись один—два раза в месяц, а в дальнейшем могут быть через три и пять дней. Вот эти вопросы и были освещены в этих инструкциях.

Прокурор: Какое время было назначено для приема радиотелеграмм?

Пеньковский: Время одно — 24 часа 00 минут.

Прокурор: У вас были позывные?

Пеньковский: Да. Три цифры в течение 5 минут.

Прокурор: Вы помните их?

Пеньковский: Да, 1, 6, 3.

Прокурор: Были ли вам даны соответствующие волны, на которых велась передача?

Пеньковский: Да, эти волны устанавливались в зависимости от времени года. Назвать их я сейчас не могу, так как запомнил.

Прокурор: Они у вас записаны где-нибудь?

Пеньковский: Да, они записаны у меня в одном из шифровальных блокнотов и на листе бумаги.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить подсудимому Пеньковскому изъятые у него при обыске инструкции о процедуре радиовещания и пользования шифровальными блокнотами, которые находятся в томе 8, л. д. 112, пакет.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите подсудимому Пеньковскому названные документы.

(Предъявляются.)

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, об этих инструкциях идет речь?

Пеньковский: Да, это те самые инструкции по процедуре радиовещания и пользования шифровальными блокнотами.

Прокурор: На каком языке эти инструкции написаны?

Пеньковский: Указанные инструкции написаны на русском языке.

Прокурор: Где и от кого вы получили эти инструкции?

Пеньковский: Эти инструкции я получил в Лондоне при посещении Англии в мае 1961 года.

Прокурор: Какие меры предосторожности при пользовании шифровальными блокнотами предусматривались инструкцией?

Пеньковский: Предусматривалось несколько методов предосторожности. Были блокноты рабочие, которые должны храниться отдельно от остальных учебных блокнотов. Огрызать нужно не более одного листа, для чего край блокнота нужно было срезать, и тогда будет легко отделить один лист от другого.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить Пеньковскому записи частот, распространенные к делу в качестве вещественных доказательств.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предьявите.

(Предъявляются.)

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, об этих записях идет речь?

Пеньковский: Да, это записи частот для приема радиограмм.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, совпадают ли записи частот на листке бумаги с записями частот в шифровальном блокноте?

Пеньковский: Да, совпадают, с 1 августа по 31 апреля — зимний период и с 1 мая по 31 июля — летний период.

Прокурор: Назовите частоты.

Пеньковский: Летний период — 79 80 и 10 135, зимний период — 54 40, 63 15. Кроме того, здесь записаны первые частоты зимнего периода — 47 70 и 69 20, которые я получил в Лондоне в апреле, затем они были заменены, а для летнего периода частоты остались прежними.

Прокурор: Получали ли вы шифрованные радиограммы и пользовались ли шифровальными блокнотами?

Пеньковский: Да, радиограммы я принимал, а по номеру страницы блокнота видно, что четыре листка я использовал.

Прокурор: Как часто вы принимали радиограммы из разведцентра?

Пеньковский: Рабочие радиограммы я принимал редко: раза два, а учебные принимал чаще, их было больше.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу огласить справку, имеющуюся в томе 9 на л. д. 1—2 и 5—6, о шифрованных радиопередачах.

Председательствующий: Товарищ секретарь, огласите эти документы.

Секретарь: Справка компетентных советских органов. С 18 октября 1961 г. американский агентурный радиопередатчик во Франкфурте-на-Майне начал вести односторонние слепые радиопередачи шифрованных телеграмм азбукой Морзе для агента на частотах 79 80, 10 135, 47 70, 69 20, 54 40, 63 15 кгц... Всего передано 24 телеграммы, из них 8 рабочих.

(Зачитываются справки, том 9, л. д. 1—2, 5—6.)

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, вы заявили, что получили только две рабочие телеграммы, а компетентные органы сообщают, что вы получили восемь рабочих радиотелеграмм. Объясните это противоречие.

Пеньковский: Я принял, обработал и расшифровал только две радиотелеграммы. Возможно, что было послано восемь телеграмм, но я не имел возможности по своим бытовым условиям регулярно принимать телеграммы, и многие рабочие телеграммы, касающиеся, в частности, выставки, как мне потом сообщили разведчики, я не принял. Поэтому, может быть, что послано было восемь телеграмм, об этом говорят и эксперты, а принял я и обработал две. Об имевших место трудностях в приеме радиотелеграмм я информировал разведчиков.

Прокурор: Уточните, какие рабочие радиошифровки вы приняли?

Пеньковский: Я принял радиотелеграмму, касающуюся порядка использования копирки для тайнописи, и радиотелеграмму с подтверждением получения моего письма. Это было в начале 1962 года. Обе радиотелеграммы я полностью принял, обработал их, и они были мною поняты. Я знал о том, что не все рабочие радиотелеграммы принимаю.

Прокурор: В конце 1962 года вы получили шифро-радиотелеграмму?

Пеньковский: Да.

Прокурор: Товарищ председательствующий, прошу огласить протокол следственного эксперимента, проведенного с целью проверки показаний Пеньковского о приеме им радиопередач (том 2, л. д. 26—28).

Председательствующий: Товарищ секретарь, прошу огласить.

(Оглашается протокол следственного эксперимента от 15—16 ноября 1962 года.)

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, сколько в общей сложности фотопленок со шпионскими материалами вы передали английской и американской разведкам за время вашей связи с ними?

Пеньковский: За все это время я передал им 105—106 пленок.

Прокурор: Сколько кадров в каждой пленке?

Пеньковский: В каждой пленке 50 кадров, но я экспонировал не все, а 42—46, в зависимости от того, как кончался материал.

Прокурор: В общей сложности сколько кадров вы передали иностранным разведкам?

Пеньковский: 3 тысяч кадров.

(Шум в зале.)

Председательствующий: Сколько экспонированных фотопленок вы передали через Винна?

Пеньковский: Разрешите, я подсчитаю: Анне я передал 15—16 пленок; потом сам лично отвез в Лондон и Париж и передал Гревиллу Винну 16 пленок в первом случае и 15 — во втором, в Париже; остальные фотопленки передал через Гревилла Винна здесь, в Москве.

Председательствующий: Винн знал, что он получает от вас фотопленки?

Пеньковский: Да.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы знали, что вам Пеньковский передает экспонированные фотопленки от фотоаппарата «Минокс»?

Винн: Нет, конечно, нет.

Председательствующий: Подсудимый Винн, садитесь.

Товарищ прокурор, продолжайте допрос.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, что обещали вам иностранные разведки в качестве вознаграждения за вашу шпионскую деятельность?

Пеньковский: Мне предлагались деньги в рублях. Я говорил, что мне сейчас деньги не нужны, у меня есть достаточно своих накоплений в семье и я никакой нужды в деньгах, а также в валюте в настоящее время не испытываю. Деньги мне предлагались несколько раз, но я не брал ни копейки. И для меня явилось неожиданностью, когда мне прислали 3 тысячи рублей в коробке от набора спичек. Из них я купил на сумму 500—600 рублей различные подарки — серебряные чернильницы и т. д. — каждому из разведчиков, часть из этой суммы я потратил на пребывание Гревилла Винна, а 2 тысячи рублей завернул и возвратил Гревиллу Винну для передачи разведчикам.

Прокурор: Какие еще блага вам обещали иностранные разведки кроме 2 тысяч долларов в месяц?

Пеньковский: Из материальных ценностей больше никакие вопросы не обсуждались. Говорилось о характере и профиле моей работы на Западе.

Прокурор: Какой характер работы вам предлагали, вернее, обещали предложить?

Пеньковский: Работу, связанную с выполнением различных заданий разведывательного порядка. Конкретная должность и работа не назывались.

Прокурор: Ведомство называлось?

Пеньковский: Да, говорилось. Центральное ведомство, или в Пентагоне, или в имперском генеральном штабе, в зависимости от выбора, который я мог бы в будущем сделать, подданства Англии или гражданства США, если бы к этому подошел.

Прокурор: И даже воинское звание обещали?

Пеньковский: Поскольку они знали, что я полковник запаса, то было сказано, что мне будет сохранено звание полковника английской или американской армии. Об этом правильно сказано в обвинительном заключении.

Прокурор: Показывали вам форму одежды полковника английской и американской армий?

Пеньковский: Да, когда я был второй раз в Лондоне, мне показывали форму полковника английских вооруженных сил и форму полковника американских вооруженных сил.

Прокурор: Вы облачались в эти формы?

Пеньковский: Да, я надевал на себя эти мундиры.
(Шум возмущения в зале.)

Председательствующий: Какая больше понравилась вам?

Пеньковский: Я не задумывался над тем, какая мне больше понравилась.

Председательствующий: Вы фотографировались в той и другой форме?

Пеньковский: Да, но карточек мне не дали, а что было, о том я и рассказал. Я чистосердечно признался во всем.

Прокурор: Скажите, при встречах с разведчиками часто возникали вопросы о вознаграждении за ваши услуги шпионского характера?

Пеньковский: Нет, не часто. У меня таких разговоров за все время было не больше двух.

Прокурор: Какие переговоры по этому вопросу велись у вас в Париже с человеком, которого вы считали крупным представителем американской разведки?

Пеньковский: С этим представителем был разговор о том, что если я буду на Западе, то буду использован на такой работе, о которой я говорил, и мне будет сохранено звание полковника.

Прокурор: А о вознаграждении тоже речь шла?

Пеньковский: Шла речь о том, что буду вознагражден материально в достаточной мере, но сумма не называлась.

Прокурор: Велись ли вами переговоры с иностранными разведками по поводу возможного вашего бегства на Запад?

Пеньковский: Это было немножко не так. Американские и английские разведчики в Париже говорили, что в случае если мое положение будет очень опасное или тяжелое, то существует много вариантов для того, чтобы перейти на Запад. В качестве вариантов назывались и подводная лодка, и самолет, и переход сухопутной границы с помощью различных документов. На эту же тему у меня был разговор в июле, когда г-н Гревилл Винн приехал в Москву. Гревилл Винн говорил, что мои друзья обо мне беспокоятся, что мне не надо волноваться, что, когда будет нужно, мне всегда помогут. Этот разговор был у него в номере. Конкретно варианты перехода на Запад не обсуждались.

Председательствующий: Подсудимый Винн, был разговор у вас с Пеньковским о возможном его бегстве в Англию?

Винн: Да, этот вопрос мы с Пеньковским обсуждали по инициативе Пеньковского.

Председательствующий: Винн, садитесь.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, когда вы планировали свой побег на Запад?

Пеньковский: Я не планировал свой побег на Запад и ничего к этому не предпринимал. Я никогда не думал бросать своих детей и семью и бежать одному. Этот разговор был только в плане, что обо мне беспо-

коятся, думают. И хотя Винн сказал, что этот разговор был по моей инициативе, но я со всей ответственностью заявляю суду, что этот разговор был не по моей инициативе. Гревилл Винн имел задание меня успокоить. Как раз это и была одна из его задач — подбодрить меня, показать, что обо мне заботятся и что в случае необходимости любой вариант побега будет претворен в жизнь.

Прокурор: Чем объяснить, что вы, не собираясь бежать, уже на первой встрече с иностранными разведчиками в Лондоне, в апреле — мае 1961 года, обратились с письменной просьбой к английскому и американскому правительствам о предоставлении вам гражданства этих стран?

Пеньковский: Я об этом писал и обращался с данной просьбой не по своей инициативе. Когда я написал бумажку о своем согласии работать с английской и американской разведками, мне разведчики посоветовали сделать такую приписку, заявив, что через несколько лет это пригодится, и я после их советов машинально написал об этом.

Прокурор: Машинально?

Пеньковский: Они мне подсказали, и я сделал несознательно приписку о том, что прошу предоставить мне гражданство США или подданство Великобритании.

Прокурор: Какими конкретными мотивами вы объяснили свою просьбу?

Пеньковский: Ничего я не объяснял по этому вопросу. Это сделано было несознательно.

(Объявляется перерыв на 20 минут.)

(После перерыва.)

18 ч. 20 м.

Комендант суда: Суд идет. Прошу встать.

Председательствующий: Прошу садиться. Подсудимый Пеньковский, отвечайте на вопросы прокурора.

Пеньковский: Прошу разрешить мне закончить ответ на последний вопрос в отношении так называемого побега.

Я хочу доложить суду, что в течение шести месяцев 1962 года я трижды находился за рубежом: два-

жды в Англии и один раз во Франции, и я мог три раза остаться там. К тому же английские и американские разведчики предлагали мне остаться, кажется, во второй приезд в Англию или в Париж. Об этом разведчики говорили и Гревиллу Винну. Однако я отклонил их предложение и сказал, что возвращаюсь в Советский Союз. То, что разговоры были, я признаю, но они носили общий характер и имели целью меня подбодрить, успокоить, что, мол, «мы о тебе крепко помним, думаем, заботимся». Меня только успокаивали.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, настаивали ли вы на организации вам встречи с высокопоставленными лицами в Англии?

Пеньковский: Я был два раза в Англии и по своей инициативе поставил этот вопрос, так как я хотел знать, кто руководит непосредственно мной, моей работой, кто отвечает за эту работу, кто дает указания, так как в лице разведчиков, с которыми я имел дело, я видел обычных клерков и со многими вопросами постановки ими работы я не соглашался. Поэтому я требовал, чтобы меня познакомили непосредственно с руководителем, с человеком, который всей этой работой руководит. Я не только настаивал на этом, но я требовал этого в грубой форме.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, если вы не хотели бежать на Запад, то зачем требовали от разведчиков вознаграждения в иностранной валюте?

Пеньковский: В иностранной валюте я не требовал.

Прокурор: Помните разговор, который был между вами и Винном, когда вы получили пакет с 3 тысячами рублей?

Пеньковский: Я помню, что говорил Винну, что денег мне в рублях не нужно, что деньги у меня есть. У нас в семье было 6 тысяч в новых рублях, мы одно время хотели купить дачу или машину. Я Винну сказал, что если бы нужны были деньги, то я просил бы дать их в иностранной валюте, но я абсолютно не связывал этот вопрос с побегом. Прошу мне в этом поверить.

Прокурор: Когда вы говорили о валюте, что вы имели в виду?

Пеньковский: Конкретно о какой-либо валюте я ничего не говорил.

Прокурор: Я хочу вернуться к тем 3 тысячам рублей, которые вы получили. Вы сказали суду, что через Винна вы 2 тысячи рублей возвратили.

Пеньковский: В письме я написал разведчикам об этом и про это рассказал Винну.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я хочу в связи с этим поставить вопрос подсудимому Винну.

Председательствующий: Подсудимый Винн, отвечайте на вопрос прокурора.

Прокурор: Подсудимый Винн, передавал ли вам Пеньковский 2 тысячи рублей для возврата разведчикам?

Винн: Нет.

Прокурор: У меня вопросов к подсудимому Винну больше нет.

Председательствующий: Подсудимый Винн, садитесь.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, вы искали возможности выезда за границу в 1962 году?

Пеньковский: Да, я четыре раза в 1962 году планировал поездки в ту или другую страну.

Прокурор: В какие страны?

Пеньковский: Первая страна — Америка, на выставку «XXI век»; затем опять Америка, на выставку технической книги; в Бразилию на советскую промышленную выставку и в Грецию, тоже на советскую выставку.

Прокурор: С какой целью иностранные разведки передали вам фиктивный паспорт?

Пеньковский: Этот фиктивный паспорт иностранные разведчики передали мне на случай, если бы я оказался в трудном положении.

Прокурор: О чем вы писали в разведцентр в письме, которое передали через Карлсона?

Пеньковский: В этом письме я писал о том, что работать становится трудно, что нужно переходить только на бесконтактную связь, то есть через тайники.

Прокурор: Следовательно, вы писали об опасностях?

Пеньковский: Я в этом письме указывал на создавшиеся трудности в работе.

Прокурор: Еще о чем вы писали?

Пеньковский: Еще я просил прислать мне технику.

Прокурор: А о каком-либо вознаграждении шла речь в этом письме?

Пеньковский: О вознаграждении? Не помню.

Прокурор: А вы припомните.

Пеньковский: В этом письме о вознаграждении?

Прокурор: Да, в вашем письме, которое вы передали Карлсону, вы указывали на опасности в работе и просили сообщить вам еще раз о вознаграждении в случае перехода на Запад.

Пеньковский: Нет, в этом письме не писал. В последующем просил прислать валюту.

Прокурор: А что вы писали в другом письме по этому поводу?

Пеньковский: Я писал, что если понадобятся деньги, то прошу прислать в валюте, какую укажу дополнительно. Конкретно какую валюту следует прислать и в какой сумме — не указывал.

Председательствующий: Кому вы это письмо отправили?

Пеньковский: Это письмо, по-моему, не было отправлено, оно было изъято у меня при обыске.

Прокурор: В материалах обыска нет такого письма.

Пеньковский: Нет, такое письмо должно быть, и в нем должна быть приписка о валюте.

Прокурор: Не спрашивали ли вы, как вы будете обеспечены, если придется оказаться на Западе?

Пеньковский: Я не спрашивал об этом, но разведчики сами опережали эти вопросы и рассказывали мне об этом. Два раза был разговор по данному вопросу, и они заявляли, что я буду обеспечен всем необходимым.

Прокурор: Спрашивали ли вы об этом в письме, отправленном через Карлсона в августе 1962 года?

Пеньковский: В августе 1962 года? Я эти вопросы пространно мог бы выяснить в устной форме, когда встречался с ними пятнадцать раз. Но не помню, чтобы я в этом письме или в последующем конкретно ставил вопрос о какой-либо валюте и в какой сумме.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, я говорю о вашем материальном обеспечении, в случае если вы попали бы на Запад — в Америку или Англию.

Пеньковский: Мне говорили, что, если попаду на Запад, я буду обеспечен всем необходимым, мой оклад, говорили мне, будет до 2 тысяч долларов.

Прокурор: А в указанном письме вы спрашивали об этом?

Пеньковский: Нет, не спрашивал. Была приписка о валюте. Я вспомню, потом расскажу.

Прокурор: Где?

Пеньковский: В этом письме была приписка.

Прокурор: Зачем вы делали эту приписку о валюте, если вы не собирались бежать?

Пеньковский: Разрешите мне вспомнить и потом рассказать. Я не отказываюсь от этого.

Прокурор: Вы сознаете всю тяжесть совершенных вами преступлений?

Пеньковский: Я сознаю полностью тяжесть совершенного мною преступления, как самого гнусного и тяжкого преступления из преступлений.

Прокурор: Чем вы объясняете, что встали на путь преступления? Какие ваши личные качества способствовали этому?

Пеньковский: Самые низменные качества, моральный распад, вызванный почти постоянным, ежедневным употреблением спиртных напитков, недовольство своим служебным положением в Комитете: не нравилась работа в иностранном отделе, плюс родимые пятна, которые были ранее, но, может быть, не проявлялись полностью, а в какой-то степени подтачивали, и в трудные минуты получилось наваждение от алкоголя. Я потерял дорогу, очутился у края пропасти и свалился. Себялюбие, тщеславие, недовольство работой, любовь к легкой жизни привели меня на преступный путь. Это было действительно так, и оснований никаких нет для того, чтобы оправдать в какой-то степени мое преступление. Моральные низкие качества, полное разложение — я все это признаю. Несмотря на то что я не принадлежу к числу людей слабого характера, я не смог взять себя в руки и обратиться к своим товарищам за помощью. Я всех товарищей обманул, говорил, что у меня все хорошо,

все отлично. А на самом деле все было преступно: в душе, в голове и в действиях.

Прокурор: У меня вопросов к Пеньковскому нет.

Председательствующий: Адвокат Апраксин, у вас есть вопросы к подсудимому Пеньковскому?

Адвокат Апраксин: Скажите, Пеньковский, вы участвовали в военных операциях в 1939, 1940 годах и в Отечественной войне?

Пеньковский: Да, я участвовал трижды в военных операциях: в 1939 году участвовал в освобождении некоторых районов Белоруссии в течение полутора месяцев в боях с белофиннами на Карельском перешейке с января по март 1940 года и участвовал в Великой Отечественной войне.

Адвокат Апраксин: В качестве кого вы участвовали в Великой Отечественной войне?

Пеньковский: Во время Великой Отечественной войны я был заместителем командира артиллерийского полка, а затем командовал истребительно-противотанковым артиллерийским полком.

Адвокат Апраксин: Какими правительственными наградами вы награждены за участие в Великой Отечественной войне?

Пеньковский: Я имею четыре боевых ордена, один орден за выслугу лет, восемь медалей.

Адвокат Апраксин: За что получили боевые награды?

Пеньковский: За участие в боевых действиях.

Адвокат Апраксин: Какие ордена?

Пеньковский: Орден Отечественной войны I степени я получил за бои под Борщовкой, около Киева. Орден Красного Знамени я получил за бой под окруженным Тернополем, где второй истребительно-противотанковый полк, которым командовал я, участвовал в боях. Было подбито 6 танков и 9 бронемашин, один танк был подбит лично мною.

Адвокат Апраксин: Сколько вам лет было, когда вы стали командиром полка?

Пеньковский: 25 лет.

Адвокат Апраксин: А полковником?

Пеньковский: Звание полковника получил, когда мне было 30 лет.

Адвокат Апраксин: Отвечая на вопросы прокурора, вы говорили о родимых пятнах. Когда эти пятна-то у вас появились? Что, они сопутствовали вам всю жизнь или только в последний период?

Пеньковский: Я считаю, что они появились у меня с 1960 года.

Адвокат Апраксин: Пьянство, разгул, встречи с женщинами — это что, свойства вашего характера?

Пеньковский: В определенной степени да.

Адвокат Апраксин: В последнее время или всегда сопутствовали вам?

Пеньковский: Особенно в последнее время.

Адвокат Апраксин: Вы показали, что фотографировали фотоаппаратами «Миннокс» различные сведения, представляющие государственную и военную тайну, и передали разведчикам 106 пленок. Какое количество этих пленок может быть отнесено к документам Комитета, в котором вы работали?

Пеньковский: Я об этом уже сказал, примерно 90%.

Адвокат Апраксин: Теперь скажите, пожалуйста, может быть, проявлялось у вас какое-нибудь недовольство строем, существующим в нашей стране, недовольство политикой нашей партии?

Пеньковский: Нет. В таком тяжелом положении, в котором я сейчас нахожусь, я прошу поверить мне, как русскому, что никогда у меня не было никаких разногласий с политикой партии и правительства, никогда не брюзжал, а в свое время был активным борцом за эту политику, боролся как советский человек. 60 свидетелей показали, и собутыльники в том числе, что никогда не слышали, чтобы я высказывал недовольство.

Адвокат Апраксин: А когда собутыльники появились у вас?

Пеньковский: Когда я решил заниматься преступной деятельностью, то я начал пить. Я помню, что один раз приехал к американскому клубу, выпив поллитра коньяку один в холле гостиницы «Москва», и пьяным подошел к иностранным представителям, не помню какой национальности, они говорили по-английски. Потом я пил каждый день, об этом показали свидетели. И позже, когда я вел работу с

иностранцами разведчиками, я все время пил; и даже ухитрялся пить днем. Но я крепкий на водку, и никто из моих начальников не мог заподозрить, что я приходил на работу выпивши. А после работы я шел в кафе или в ресторан.

Адвокат Апраксин: Скажите, пожалуйста, в среде товарищей и собутыльников вы пользовались возможностью узнавать секретные и военные тайны?

Пеньковский: Да, безусловно.

Адвокат Апраксин: Вы их спрашивали?

Пеньковский: Нет, они сами по пьянке выбалтывали.

Адвокат Апраксин: Вы сказали, что у вас были собутыльники. Это что, ваши постоянные друзья и товарищи или это случайные люди, встречавшиеся только в ресторанах?

Пеньковский: Я должен в суде заявить, что у меня не было настоящих, близких друзей с большой буквы, потому что, если бы такие были, я бы мог проговориться о своих грязных делах в порядке совета, помощи и пр. А те, которые ко мне обращались с какими-то просьбами, а я с удовольствием их выполнял, были не прочь разделить со мной бутылку коньяку с лимоном.

Адвокат Апраксин: А кто платил?

Пеньковский: Когда инициатива принадлежала мне, я платил, а когда меня приглашали, то платил тот, кто приглашал, или платили вместе. Я не был стеснен в денежных средствах. Поэтому, когда мне разведчики прислали деньги, они этим меня обидели. Если бы я нуждался, то сам бы обратился к ним, ибо знал, что они помогут деньгами.

Адвокат Апраксин: Значит, вы работали на английскую и американскую разведки бескорыстно?

Пеньковский: Я знал, что мой труд ими оценивается очень высоко. Нельзя сказать, что я все это делал бескорыстно, это было бы враньем. Я знал, что там откладывается на мой счет на будущее и, когда будет нужно, я смогу получить за все, но за полтора года моей преступной связи с ними я от них денег не получал. Мне прислали 3 тысячи рублей, я сказал об этом чистосердечно, хотя мог бы сказать, что не получал. Я сделал жест: купил подарки (серебряные

вещи) и вместе с пакетом с деньгами просил Винна передать разведчикам.

Адвокат Апраксин: Скажите, пожалуйста, а вещи какие-нибудь вы получали из-за границы?

Пеньковский: Из-за границы я получал вещи, которые мне привозил Гревилл Винн по моей просьбе, и за эти вещи я с ним всегда рассчитывался, не желая быть у него в долгу, потому что он человек бизнеса, да и к чему он будет мне покупать за свои деньги.

Адвокат Апраксин: Не была ли это оплата за услуги?

Пеньковский: Никак нет. Гревилл Винн никогда никаких ценных подарков мне не привозил, а привозил лишь различные безделушки, сигареты, виски, пластинки.

Адвокат Апраксин: Последний вопрос, и на этом можно будет кончить. Я еще раз хочу услышать, тяготило ли вас преступление, не было ли у вас чувства и желания прийти и рассказать о нем?

Пеньковский: Частично я уже отвечал на такой же вопрос председательствующего суда. Конечно, в 1962 году я уже очень был отягощен всем случившимся и хотел исправиться перед Родиной, перед товарищами, перед коллективом, перед семьей.

Председательствующий: Адвокат Боровик, у вас есть вопросы к подсудимому Пеньковскому?

Адвокат Боровик: У меня есть вопросы. Скажите, Пеньковский, посвящали ли вы Гревилла Винна в детали вашей работы с иностранными разведками?

Пеньковский: В некоторые детали посвящал, в другие же его посвящали без меня те лица, с которыми он поддерживал связь в Лондоне и о которых я не знал. Гревилл Винн поддерживал связь с другой частью лиц, которые мне не были известны, а я поддерживал связь с теми разведчиками, которые не были известны Винну.

Адвокат Боровик: Правильно ли вы показали на предварительном следствии, что представители иностранных разведок вам сказали, что Винну можно говорить все, что угодно, но только не о деталях и фактах по существу своей работы (том 3, л. д. 6)?

Пеньковский: Разведчики говорили мне об этом в начале нашей работы, а потом я узнал, что от развед-

чиков Винн знает некоторые детали моей шпионской работы. Так было, например, с банкой из-под «Харпика», передачей донесения через третьих лиц и знакомством с ними по фотокарточкам (Анна, Карлсон, Памелла). Поэтому я доверял ему.

Адвокат Боровик: Вы считаете, что эти два примера — пример с банкой «Харпик» и с доставлением вам фотографий Анны Чизолм, Карлсона и супругов Кауэлл — дают основание считать, что Винн знал о подробностях вашей работы с иностранными разведками?

Пеньковский: Не только эти два момента дают право судить об этом. А как иначе расценивать факт указания разведчиками Винну получать от меня материалы как в Москве, так и при моих выездах за границу? Это же самый существенный факт оказания доверия Винну со стороны разведчиков, и с таким же доверием относился к нему я.

Адвокат Боровик: Почему же тогда на предварительном следствии вы говорили, что склонны полагать, что Винн о характере ваших встреч с иностранными разведчиками осведомлен не был?

Пеньковский: Да, я и сейчас могу подтвердить, что он не был полностью осведомлен.

Адвокат Боровик: То есть иностранные разведчики во все детали вашей работы его не посвящали?

Пеньковский: Да, во все детали не посвящали. А потом работа показала, что во многие детали его необходимо посвящать, и я посвящал, но в итоге Винн знает мало о характере работы в ее полном объеме.

Адвокат Боровик: Разрешите еще вопрос. Когда вы встречались с иностранными разведчиками «Александром», «Ослафом» и другими на конспиративных квартирах за границей, хотя бы один раз на этих встречах был Гревилл Винн?

Пеньковский: Нет, ни на каких конспиративных квартирах Винн не был. Он работал с одной группой разведчиков, которых я не знал, а я работал с другой группой разведчиков, которых не знал он.

Председательствующий: Но на эти встречи вас доставлял Гревилл Винн?

Пеньковский: Да, подвозил в качестве шофера, посредника.

Адвокат Боровик: Еще вопрос. Знакомились ли вы с получаемыми от Винна пакетами в его присутствии и зачитывали ли вы содержимое этих пакетов при нем или знакомили его с их содержанием?

Пеньковский: Со всеми пакетами я ознакомился один и разбираал их у себя дома, но с содержанием некоторых из них ознакомил Винна, о чем Винн сам показывал.

Адвокат Боровик: В закрытом или открытом виде давали вы Винну пакеты для передачи иностранным разведчикам?

Пеньковский: Были случаи, когда пакеты были раскрыты. Такой случай был в Лондоне с пленками.

Председательствующий: В этом пакете были кассеты с экспонированной пленкой?

Пеньковский: Да

Адвокат Боровик: Товарищ председательствующий, прошу разрешить задать вопросы Винну.

Председательствующий: Подсудимый Винн, отвечайте на вопросы вашего адвоката.

Адвокат Боровик: Подсудимый Винн, был ли действительно такой случай, когда один пакет, который передал вам Пеньковский в Лондоне, был раскрыт и вы видели его содержимое?

Винн: Совершенно определенно нет, и это не соответствует истине. Во время первого приезда Пеньковского в Лондон им мне был передан только один пакет, и этот пакет был запечатан.

Адвокат Боровик: У меня к Винну больше вопросов нет. У меня есть вопросы к подсудимому Пеньковскому.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, отвечайте на вопросы адвоката.

Адвокат Боровик: Предлагали ли вам иностранные разведчики о всех передаваемых вами материалах через Винна сообщать им, и если это было, то для чего это делалось?

Пеньковский: Нет, никогда не предлагали, и никто не давал таких указаний. Винн знал, что я передаю через него материалы, интересующие американскую и английскую разведки, но конкретно характера донесений Винн не знал.

Адвокат Боровик: Вы не поняли вопроса. Вы передали разведчикам энное количество пакетов через Винна. Это энное количество пакетов должно быть в иностранной разведке. Вы выясняли у разведчиков, какое количество пакетов им было передано?

Пеньковский: Да, я спрашивал, получили ли они мои донесения.

Адвокат Боровик: Для чего?

Пеньковский: Для подтверждения факта передачи. Иногда они сами говорили мне, что получили мой материал.

Адвокат Боровик: Подсудимый Пеньковский, на предварительном следствии вы более четко ответили на этот вопрос. Вы заявили, что иностранные разведчики предупреждали вас, что для контроля Гревилла Винна вам необходимо сообщать обо всех переданных через него материалах и не раскрывать перед ним их содержание. Видимо, они не совсем ему доверяли?

Пеньковский: Я уже сказал, что разведчики задавали контрольные вопросы о передаваемых мною через Винна материалах, но конкретно характер донесений Винн не знал. Знал только в общей форме — фотографии, пленки.

Адвокат Боровик: У меня еще есть целый ряд вопросов к подсудимому Пеньковскому, но я прошу разрешить мне задать их после допроса Винна.

Председательствующий: Подсудимый Винн, у вас есть вопросы к подсудимому Пеньковскому?

Винн: Вопросов к подсудимому Пеньковскому у меня нет.

Председательствующий: Объявляется перерыв до 10 часов утра 8 мая.

***Заседание Военной коллегии
Верховного Суда СССР
8 мая***

(Информационное сообщение)

8 мая в Москве в зале судебных заседаний Верховного Суда СССР продолжался судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок гражданина СССР Пеньковского О. В. и подданного Великобритании шпиона-связника Гревилла Винна.

На утреннем и вечернем заседаниях Военной коллегии Верховного Суда СССР продолжался допрос подсудимых.

По ходатайству прокурора суд принял решение провести 9 мая закрытое судебное заседание, на котором будут рассмотрены вопросы, связанные с характером и содержанием сведений, переданных подсудимыми английской и американской разведкам.

Следующее открытое заседание состоится 10 мая.

Утреннее заседание

(Стенографическая запись)

10 ч. 00 м.

Комендант суда: Суд идет. Прошу встать.

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста.

Судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда Советского Союза продолжается. Подсудимый Пеньковский, вы не припомните, когда вы передали первое письмо в американское посольство?

Пеньковский: Я помню, что первое письмо я передал в американское посольство в конце октября — начале ноября 1960 года.

Председательствующий: Как было вами оформлено это письмо?

Пеньковский: Это письмо было сделано также в виде пакета-бандероли в двойном конверте, склеено клейкой прозрачной лентой. Письмо было написано, или, вернее, отпечатано на пишущей машинке на одном листе.

Председательствующий: Кому вы его передали?

Пеньковский: В первых числах ноября я посетил район американского клуба на набережной Москвы-реки и в переулке Турчаниновой вечером встретил иностранцев — двух человек, направлявшихся в этот клуб. По количеству машин, находившихся около этого клуба, я понял, что там происходит прием. Я обратился к иностранцам, предварительно услышав их английскую речь, с просьбой передать мое письмо в консульский отдел американского посольства. Поскольку у меня нет пригласительного билета, пояснил я, придав просьбе самую безобидную форму,

я не могу сейчас пройти на прием и поэтому прошу не отказать в любезности передать письмо.

Председательствующий: В дальнейшем, когда вы в Лондоне встретились с американскими разведчиками, был разговор об этом письме?

Пеньковский: Да, был.

Председательствующий: Какого характера?

Пеньковский: Мне сказали, что это письмо ими было получено.

Председательствующий: Каково содержание этого письма?

Пеньковский: Содержание таково: я просил установить со мною контакт.

Председательствующий: Почему же американцы не установили с вами контакт?

Пеньковский: Американцы сначала мне не объяснили, хотя я довольно дотошно спрашивал их, почему была такая пауза с ответом. Впоследствии же они сказали, что долго наводили справки обо мне по всем карготекам, но никаких данных обо мне не нашли и считали, что это провокация.

Председательствующий: Вы вчера показывали о том, что английские и американские разведчики вам прислали статью о ракетах. Товарищ секретарь, прошу предъявить подсудимому Пеньковскому статью.

(Статья представляется.)

Пеньковский: Это тезисы рецензии на русский перевод книги об американских ракетах «Нейк Геркулес».

Председательствующий: Вы просили разведчиков дать вам этот материал?

Пеньковский: Да, эта статья мне была прислана разведчиками в коробке из-под набора спичек 2 июля 1962 года.

Председательствующий: И вы хотели это опубликовать как свою работу?

Пеньковский: Да, я хотел опубликовать это как статью или использовать материал для лекций.

Председательствующий: Чтобы поднять свой престиж?

Пеньковский: Нет, не только это. Я и ранее читал лекции.

Председательствующий: Чей это был замысел: ваш или разведчиков?

Пеньковский: Это мой замысел, мое предложение.

Председательствующий: Прошу уточнить, сколько вы передали Анне Чизхолм экспонированных фото-пленок?

Пеньковский: В общей сложности не больше 20, может быть, 16—18.

Председательствующий: А сколько Карлсону?

Пеньковский: Примерно 7.

Председательствующий: Вчера вы на вопрос адвоката Боровика ответили, что в ваших встречах с английскими и американскими разведчиками Винн выполнял роль шофера. Правильно ли вами дана оценка действий Винна?

Пеньковский: Прошу извинения, но, видимо, меня поняли не совсем правильно. Винн много сделал для того, чтобы наладить шпионскую работу и контакт между мною и разведками двух стран. Граждане судьи, я прошу поверить мне, что я далек от того, чтобы оговаривать г-на Винна, но я должен заявить, что не понимаю, почему г-н Винн в некоторых вопросах ведет себя не совсем искренне. Он помог мне войти в контакт с английской, а затем и с американской разведками. Он принимал от меня шпионские донесения и передавал мне указания и необходимые мне материалы из разведцентра. Именно Винн возил меня к местам расположения конспиративных квартир, но он никогда не был на этих встречах.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы в шпионской деятельности Пеньковского выполняли роль шофера или нечто большее, чем роль шофера?

Винн: Я видел свою основную задачу в том, чтобы помогать Пеньковскому во время его пребывания в Лондоне. Полностью свою роль, какую сыграл в этом деле, я понял и осознал только тогда, когда попал сюда.

Председательствующий: Подсудимый Винн, садитесь.

Товарищ прокурор, у Вас есть вопросы к подсудимому Пеньковскому?

Прокурор: Я прошу разрешить поставить несколько уточняющих вопросов.

Председательствующий: Пожалуйста.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, вы вчера, отвечая на мои и председательствующего суда вопросы, признались в тягчайших преступлениях перед Родиной и в то же время, отвечая своему адвокату, клялись в любви к Отчизне. Как можно совместить любовь к Родине и предательство ее интересов?

Пеньковский: Вчера на вопросы своего адвоката я ответил, что в период Великой Отечественной войны и до 1960 года я был честным человеком. Как совместить все это? Конечно, это трудно, и даже мне самому не все понятно. Поэтому я не оправдываюсь. Я вчера говорил о том, что я не имел никаких расхождений политического порядка с курсом правительства и не был аполитичен. Я скатился в пропасть и стал негодяем в силу других причин, о которых я вчера доложил; причины эти перерожденческого порядка, и они не связаны с каким-либо несогласием с существующим в нашей стране строем.

Прокурор: С какого периода вы стали перерожденцем?

Пеньковский: Полностью — с апреля 1961 года.

Прокурор: Тогда же вы стали на путь измены и предательства своей Родины?

Пеньковский: Свои личные, карьеристские взгляды и свое несогласие с начальством по Комитету координации я распространил и на интересы Родины, чем совершил большое преступление перед Родиной.

Прокурор: Вы вчера пытались уйти от ответа на вопрос о том, запрашивали ли вы в письме, переданном через Карлсона, об условиях вознаграждения за свое предательство. Я хочу напомнить вам показания, данные по этому вопросу, находящиеся в томе 1, л. д. 160.

Вы показали, что в этом письме вы просили «дать мне подробные данные о том, какое вознаграждение я получу за свою работу и как конкретно буду обеспечен на Западе, когда смогу туда выехать». Это правильные показания?

Пеньковский: Эти показания, как я уже вчера говорил, правильные. Об этом был разговор, но не в этом письме я об этом ставил вопрос, значит, я на следствии перепутал письма. Я вспомнил вчера вече-

ром, что письмо, в котором мною был сделан запрос о валюте, было подготовлено мною для отправки, но я его не отправил.

Прокурор: Скажите, подсудимый Пеньковский, что кроме высокооплачиваемой должности в 2 тысячи долларов обещали вам иностранные разведки за ваше предательство интересов своей Родины, если вы попадете к ним? Какие еще блага вам обещали?

Пеньковский: Больше никаких материальных благ и вообще каких-либо благ бытового порядка не называлось.

Прокурор: Обещали ли вам выплатить по тысяче долларов за каждый месяц вашей шпионской работы на разведки?

Пеньковский: Я на следствии показал, что мне обещали выплатить единовременное пособие. А слова «тысяча долларов» не назывались. Это мое предположение, которое я сделал: раз обещали должность с оплатой в 2 тысячи долларов, то за время предыдущей должны заплатить вполтину меньше. Я еще раз заявляю, что это мое личное предположение, которое я высказал на следствии.

Прокурор: Но на следствии вы говорили не о предположении, а о том, что вам обещали по тысяче долларов за каждый месяц работы.

Пеньковский: Мне обещали единовременное пособие, но конкретная сумма не называлась.

Прокурор: Следовательно, за шпионаж и предательство вам обещали кроме высокооплачиваемой должности еще какое-то единовременное пособие?

Пеньковский: Да, это так.

Прокурор: Когда, при каких условиях вы могли бы воспользоваться всеми этими обещанными иностранными разведками вам благами?

Пеньковский: Никогда и ни при каких условиях я бы ими не воспользовался.

Прокурор: А я спрашиваю, когда бы вы могли, при каких условиях?

Пеньковский: При условии, если бы я находился на Западе, если бы я туда убежал, но я не собирался бросать семью и бежать на Запад.

Прокурор: Если вы не собирались туда бежать, зачем было оговаривать все эти условия?

Пеньковский: Об этих условиях мне говорили разведчики. Я мог бы остаться на Западе, как говорил уже вчера, трижды, когда был в командировках. Но у меня никаких попыток к этому не было. Разведчики предлагали остаться в Англии или в Америке, об этом говорил г-н Гревилл Винн, но он знает, что я отказался и заявил, что без семьи никуда не уеду. Разведчики, со своей стороны, поскольку они считали себя обязанными передо мной, говорили, что планируются возможные варианты побега и чтобы я не беспокоился о материальных средствах.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предоставить мне возможность задать вопрос подсудимому Винну.

Председательствующий: Подсудимый Винн, прошу ответить на вопрос прокурора.

Прокурор: Подсудимый Винн, скажите, пожалуйста, в том самом разговоре, который был между вами и Пеньковским в одной из гостиниц Москвы о возможности его побега на Запад, подсудимый Пеньковский заявлял о том, что он никуда не собирается бежать?

Винн: Из моих бесед с сотрудниками британской разведки я знал, что Пеньковскому было сделано предложение остаться в Англии и что он отказался это сделать, но я не могу припомнить разговора в московской гостинице на эту тему, когда бы Пеньковский отказывался выехать на Запад.

Председательствующий: Товарищ прокурор, у вас нет больше вопросов к подсудимому Винну?

Прокурор: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Винн, садитесь.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, вчера на допросе вы показали, что возвратили Винну 2 тысячи рублей из числа 3 тысяч, которые вам были вручены им от иностранных разведок. Прошу уточнить: Винн знал, что вы возвращаете ему эти деньги?

Пеньковский: Винн не видел этих денег потому, что деньги были упакованы. Но я Винну сказал, что я не просил денег, а мне прислали 3 тысячи, почему прислали эти деньги, я не знаю и прошу передать пакет обратно. Поэтому я не понимаю Винна, почему он отрицает, что передавал деньги.

Прокурор: На допросах и на очной ставке с Винном вы твердо показали, что Винн знал об этих деньгах (том 6, л. д. 100).

Пеньковский: Абсолютно точно. Я и сейчас подтверждаю показания, данные на очной ставке, о том, что я г-ну Винну говорил, что деньги мне не нужны и что я возвращаю их. Был даже разговор насчет того, что если нужно будет г-ну Винну использовать эти деньги на покупку шубы для его жены, то он может это сделать, а затем вернуть деньги. Купил ли он шубу, я не могу сказать. Но разговор такой был, и Винн знал, что я возвращаю деньги.

Председательствующий: Подсудимый Винн, говорил ли вам Пеньковский, что он возвращает 2 тысячи в пакете и что вы можете истратить их на покупку шубы?

Винн: Нет, такого рода беседы между мною и Пеньковским не было.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, вы только что на мой вопрос сказали, что Винн не мог знать того, что передавалось в пакетах, а затем заявили, что он твердо знал о том, что в пакет были вложены 2 тысячи рублей.

Пеньковский: Мне непонятно, почему Винн не говорит по этому вопросу всей правды. Я прошу дать мне возможность поставить Винну вопрос: был ли вообще разговор о покупке шубы для его супруги? В американском клубе у нас был с ним разговор, что есть какие-то лица, которые могут устроить шубу за 2200 или 2400. И Винн сказал, что он не отказывается от своего желания приобрести такую шубу для жены, хотя, может быть, и не в ближайшее время. Непонятно, почему Винн умолчал здесь об этом.

Прокурор: Разрешите поставить вопрос подсудимому Винну.

Председательствующий: Подсудимый Винн, отвечайте на вопрос прокурора.

Прокурор: Подсудимый Винн, скажите, был ли разговор между вами и Пеньковским о приобретении шубы для вашей супруги и об использовании средств, которые он передал вам для этой цели?

Винн: Да, разговор о шубе был, но, конечно, вне всякой связи с деньгами, о которых идет здесь речь.

Я с Пеньковским ходил в магазин меховых изделий для того, чтобы сравнить цены на шубы, которые существуют в Москве, с ценами на шубы в Копенгагене, то есть по дороге в Лондон. В магазине мне стало совершенно ясно, что стоимость шубы с учетом таможенной пошлины на ввоз меховых изделий в Англию была настолько высока, что я позволить себе покупку шубы не мог. Ведь меховые изделия при ввозе их в Англию облагаются 100-процентными таможенными пошлинами. Я должен был уплатить слишком высокую цену, привезя эту шубу в Англию.

Председательствующий: Эти подробности суду не нужны. Подсудимый Винн, садитесь.

Прокурор: У меня больше вопросов к подсудимому Пеньковскому нет.

Адвокат Апраксин: Разрешите мне, товарищ председательствующий, задать вопрос Пеньковскому?

Председательствующий: Пожалуйста.

Адвокат Апраксин: На вопрос государственного обвинителя Винн заявил, что Пеньковский во время посещения им Англии на предложение разведчиков остаться в Англии отказался. А разговор в СССР с Винном у вас был на эту тему?

Пеньковский: На эту тему между нами происходил разговор в номере Винна. Эта беседа успокоительного характера, конечно, не носила формы похлопывания меня по плечу. Винн говорил мне: «Успокойся, Алекс», — так он меня называл, — говорил, что разведчики обо мне думают, изобретают варианты моего перехода на Запад, хлопочут, беспокоятся. В общем, беспокоиться мне не следует.

Председательствующий: А фальшивый паспорт вы получили тоже для успокоения?

Пеньковский: Паспорт — это же липа, и передали его мне, безусловно, только для успокоения, ибо сами разведчики понимали, что я не мог воспользоваться этим паспортом: на нем не было никаких штампов, печатей для выписки, прописки и т. д. Сделан этот паспорт был небрежно, на глаз можно было определить, что это подделка; поэтому я считаю, что он был прислан мне только для успокоения.

Адвокат Апраксин: Последний вопрос к подсудимому Пеньковскому. Государственный обвинитель

задавал вам вопрос в отношении размера оплаты за измену. Вы на предварительном следствии (том 3, л. д. 91) показали следователю, что представители английской и американской разведок на одной из встреч в июне или августе 1961 года сказали вам, что по окончании работы на территории Советского Союза вы будете зачислены на руководящую должность в центральный разведывательный орган в США или Англии с окладом в размере 2 тысячи долларов в месяц, а за прошлую шпионскую деятельность вам предполагали выплатить из расчета тысяча долларов за каждый месяц вашей работы на них в Советском Союзе. Это записано правильно?

Пеньковский: Эти показания записаны правильно. Я их подтверждаю. Только в отношении выплаты по тысяче долларов, то есть 50% от 2 тысяч долларов,— это мое личное предположение.

Председательствующий: Адвокат Боровик, у вас есть вопросы к подсудимому Пеньковскому?

Адвокат Боровик: Да, у меня есть. Подсудимый Пеньковский, вы говорили, что получили 3 тысячи рублей и 2 тысячи рублей из них возвратили. Хотелось бы знать, какие подарки на тысячу рублей вы купили для разведчиков.

Пеньковский: Я не говорю, что на подарки я истратил тысячу рублей. Мною на эти подарки было истратено 600 или 620 рублей, а остальная сумма была истратена на подсудимого Винна во время его пребывания в Москве.

Адвокат Боровик: Подсудимый Пеньковский, что же конкретно вы купили на эти деньги?

Пеньковский: Для разведчиков я покупал серебряные чернильницы, брошки, серебряные пудреницы и др. Покупал я это все в магазине Ювелирторга. Помимо, эти изделия были вьетнамского производства. Кроме того, на эти же деньги я купил полтора или два килограмма зернистой икры. Вот и все подарки.

Адвокат Боровик: Товарищ председательствующий, я хочу поставить вопрос подсудимому Винну в отношении того, о чем говорил Пеньковский.

Председательствующий: Пожалуйста. Подсудимый Винн, отвечайте на вопрос адвоката.

Адвокат Боровик: Подсудимый Винн, это правда,

что показывает Пеньковский в отношении подарков?
Винн: Нет, это совершенно не соответствует истине. Я хотел бы дать дополнительные объяснения по этому поводу.

Председательствующий: Подсудимый Винн, прошу подробнее ответить.

Винн: Впервые я услышал о серебряных чернильницах, серебряных пудреницах и брошках на предварительном следствии во время очной ставки с Пеньковским. Дело в том, что ввоз в Англию серебряных изделий облагается большой пошлиной, поэтому я никак не мог взять эти подарки.

Адвокат Боровик: У меня вопросов больше нет.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы не испытываете желания задать вопрос Пеньковскому?

Винн: Нет, в данный момент нет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, садитесь. Когда будет допрашиваться подсудимый Винн, вы будете иметь возможность задать ему вопросы.

Суд переходит к допросу подсудимого Винна.

Товарищ прокурор, у вас будут вопросы к подсудимому Винну?

Прокурор: Да, у меня будут вопросы.

Председательствующий: Прошу отвечать на вопросы прокурора.

Прокурор: Вы в начале судебного следствия заявили о том, что показания Пеньковского об условиях вашего знакомства с ним не совсем точно изложены. Расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Пеньковским?

Винн: Впервые я познакомился с Пеньковским во время посещения Советского Союза делегацией английских технических специалистов в декабре 1960 года.

Прокурор: За время вашего знакомства с Пеньковским сколько раз вы были в Москве?

Винн: Четыре раза, нет, пять раз — я ошибся.

Прокурор: Каковы были официальные цели этих ваших посещений Советского Союза?

Винн: Я познакомился с Пеньковским, когда приехал в Советский Союз в декабре 1960 года во главе делегации английских технических специалистов.

Прокурор: А остальные приезды?

Винн: В апреле 1961 года я прибыл в Москву по поводу организации ответного посещения Великобритании группой советских специалистов.

Прокурор: А в мае 1961 года?

Винн: Я посетил Москву в связи с посещением британской промышленной выставки.

Прокурор: А в августе 1961 года?

Винн: В августе 1961 года я был в связи с посещением французской выставки в Москве.

Прокурор: А в июле 1962 года?

Винн: В июле 1962 года я прибыл в связи с делами фирмы, которую я возглавляю, с тем чтобы договориться об организации в Советском Союзе различного рода передвижных выставок.

Прокурор: Встречались ли вы в апреле 1961 года с Пеньковским вне официальной обстановки?

Винн: Да, встречался. Он встретил меня в аэропорту, затем я встречался с ним в номере гостиницы и на различных приемах.

Прокурор: Имел ли место у вас с Пеньковским разговор об установлении неофициальных связей между ним и какими-либо лицами в Англии?

Винн: Да, имел.

Прокурор: Когда и где это было?

Винн: За два дня до моего отъезда из Москвы в номере гостиницы «Националь».

Прокурор: О каких конкретно лицах шла речь?

Винн: Никакое конкретное лицо указано не было. С вашего разрешения я могу вам здесь дать целый перечень деталей, связанных с этим обстоятельством.

Прокурор: Я просил бы кратко ответить на этот вопрос: о каких лицах шла речь, кем интересовался Пеньковский?

Винн: Пеньковский, расспросив меня о моем образовании и моем положении, спросил, знаю ли я кого-либо из высокопоставленных лиц в Англии.

Прокурор: Он называл характер деятельности этих лиц или как иначе дал он вам понять об этих высокопоставленных лицах?

Винн: Да, это он сделал. Он меня спросил, знаю ли я каких-либо высокопоставленных лиц в Англии. Я в

ответ задал вопрос, что он под этим подразумевает, каких лиц.

Прокурор: И что же вам ответил Пеньковский?

Винн: Он меня спросил: вы сейчас посещаете социалистические страны, беседовал ли с вами в Англии кто-либо по поводу этих ваших посещений?

Прокурор: Вы ответили на этот вопрос Пеньковского?

Винн: Да, я ему ответил. Я сказал, что примерно за восемнадцать месяцев до нашего разговора я вел дело с одной из крупных английских фирм и среди лиц, с которыми я вступил в контакт, было одно лицо, представленное мне директором одной из этих компаний и которое было офицером безопасности, работавшим при этой фирме. Я сообщил Пеньковскому, что этот офицер безопасности расспрашивал меня о моих предыдущих посещениях социалистических стран. И так как я только что вернулся из одной такой страны, он задал несколько вопросов о положении в этой стране.

Прокурор: Пеньковский согласился с тем, что это лицо подходящее для этих связей?

Винн: Да, Пеньковский сказал, что именно это тот человек, который ему подойдет.

Прокурор: Подсудимый Винн, значит, Пеньковского интересовал офицер безопасности? Вы его так поняли?

Винн: Может быть, не столько сам офицер безопасности, сколько то, как я представил ему этого человека.

Прокурор: Кто этот человек, о котором шла речь?

Винн: Насколько мне известно, его имя Хартли.

Прокурор: Кто такой Хартли?

Винн: Насколько мне известно, он являлся офицером безопасности при одной из фирм, с которой моя фирма вела дела.

Прокурор: Откуда вам стало известно, что он является офицером безопасности?

Винн: У нас много офицеров безопасности ходит в штатской одежде, и о том, что Хартли является офицером безопасности, мне стало известно из представления при знакомстве меня с ним. Познакомил меня с Хартли один из директоров этой фирмы.

Прокурор: Вы беседовали с Хартли?

Винн: Да, я с ним встречался по возвращении в Лондон.

Прокурор: Какой характер носила эта беседа, при знакомстве я имею в виду?

Винн: На этой встрече после моего возвращения из Москвы в Лондон обсуждалось мое знакомство с Пеньковским.

Прокурор: Я прошу прощения. Я хочу знать, какой характер носила беседа с Хартли при первом знакомстве.

Винн: Я был первым лицом, которое по поручению этой фирмы направлялось в Советский Союз. В продукцию этой фирмы входят и оборонные изделия, поэтому офицер безопасности был очень заинтересован в том, чтобы знать, какого рода образцы продукции я везу в Советский Союз, какого рода материалы рекламного характера, и все это проверял.

Прокурор: Он давал вам какие-либо рекомендации, как вам себя вести в Советском Союзе, в других социалистических странах.

Винн: Да, такого рода рекомендации и комментарии он делал. Эта фирма пользовалась моими услугами, потому что у нее личных связей с Советским Союзом не было, а у меня такого рода деловые контакты уже были.

Прокурор: А какой характер носили эти рекомендации и советы?

Винн: В присутствии директора этой фирмы он сообщил мне, что я должен точно вести отчетность о своем пребывании, сообщать имена советских инженеров, с которыми я буду встречаться, и о предприятиях, на которых они работают.

Прокурор: По возвращении из Советского Союза вы выполнили эти советы Хартли?

Винн: Нет, потому что мое возвращение было задержано из-за несчастного случая, и после этого я Хартли уже не видел.

Прокурор: Но вы пытались выполнить эти советы?

Винн: Да, я пытался, но мне не сообщили никаких имен советских специалистов.

Прокурор: Кто командировал вас в Советский Союз и другие социалистические страны?

Винн: Я совершал эти поездки по поручению значительного числа фирм.

Прокурор: И вы вели беседы не только с одним Хартли, но и с целым рядом других лиц, представлявших эти фирмы?

Винн: Да, такого рода беседы были, но они носили чисто коммерческий характер — во время завтраков, и я не могу припомнить ни одной сколько-нибудь серьезной беседы.

Прокурор: Почему вы назвали Пеньковскому фамилии не тех лиц, с которыми вы беседовали, а именно Хартли?

Винн: Потому что Хартли был среди них единственным лицом, которое проявляло глубокий интерес к Советскому Союзу и другим социалистическим странам. Другие должностные лица этих компаний проявляли заинтересованность чисто коммерческого порядка.

Прокурор: Следовательно, речь шла о связях Пеньковского не с деловыми кругами Англии, а с сотрудниками органов безопасности Великобритании?

Винн: Не обязательно с сотрудниками органов безопасности. Пеньковский не говорил о службе безопасности.

Прокурор: Но вы поняли его именно так, ибо назвали Хартли.

Винн: Нет, это не совсем так. Пожалуйста, припомните, что до этого в Советском Союзе я был только один раз и что лица, с которыми я имел дело до этого, такого большого интереса к Советскому Союзу не проявляли. А Хартли был единственным лицом, который проявил серьезную заинтересованность к моей деятельности здесь.

Прокурор: Шла ли речь во время этой беседы с Пеньковским о передаче каких-либо материалов в Англию этим лицам?

Винн: Да, это было.

Прокурор: Что вам предлагал Пеньковский взять в Англию?

Винн: Пеньковский пришел ко мне в номер гостиницы и попросил меня взять с собой пакет размером с книгу, обернутый в коричневую бумагу и заклеенный прозрачной клейкой лентой.

Прокурор: Вы взяли этот пакет?

Винн: Нет, я, конечно, не взял. Я был очень удивлен этой просьбой и спросил Пеньковского, в чем, собственно, дело, что он от меня хочет.

Прокурор: Чем же закончилась эта беседа?

Винн: Пеньковский мне объяснил, что он был полковником Советской Армии, занимал высокое служебное положение в Советской Армии и в настоящее время занимает высокое должностное положение в Комитете по координации научной деятельности. Он также сказал, что у него в Москве имеются широкие связи.

Прокурор: Чем закончилась беседа о пакете?

Винн: Я к этому и веду речь. Он все время всячески раздувал свое положение в Советском Союзе и просил меня взять этот пакет.

Прокурор: Вы его взяли или нет?

Винн: Я хочу доложить вам, как Пеньковский себя представил в моих глазах.

Прокурор: Я хочу помочь Винну: доложил ли он кому-нибудь об этом предложении Пеньковского?

Винн: Я не хотел оскорбить Пеньковского и в то же время не хотел взять пакет. Поэтому я направился для встречи со своими знакомыми в британское посольство в Москве, чтобы посоветоваться.

Прокурор: А после посещения британского посольства вы взяли пакет или нет?

Винн: Нет, я его не взял.

Прокурор: Следовательно, вы поняли, что здесь кроется что-то нехорошее?

Винн: Я был очень смущен такого рода обстоятельствами. В такого рода обстановку я попал впервые, но решил пакет не брать.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, взяли ли от вас Винн этот пакет или нет?

Пеньковский: Да, г-н Винн взял письмо в виде пакета, которое передал в посольстве своим знакомым, и перед отъездом из Москвы попросил дать ему автобиографические данные, которые я напечатал на машинке на неполном листе и передал ему в гостинице за несколько часов до его отлета из Москвы. Поэтому я хочу сказать, что г-н Винн, говоря об этом пакете, путает.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, садитесь.

Подсудимый Винн, вы поняли, что показал сейчас Пеньковский?

Винн: Да, его показания я понял.

Председательствующий: Вы подтверждаете показания Пеньковского или отрицаете?

Винн: Я полностью их отрицаю, потому что это не соответствует тому, что было.

Председательствующий: Значит, вы не взяли от Пеньковского ни пакета, ни письма, ничего другого?

Винн: В то время в номере гостиницы я от Пеньковского не брал ни пакета, ни конверта, ни свертка. Я взял это позже.

Председательствующий: Когда?

Винн: В аэропорту, перед самым отлетом.

Прокурор: Что вы получили в аэропорту перед самым отлетом?

Винн: Мне Пеньковский снова предложил тот самый пакет, который предлагал в гостинице. Я отказался его взять, так как в посольстве мне сказали его не брать. После того как я отказался взять этот пакет, Пеньковский достал из кармана конверт, вынул из него листок бумаги с напечатанным на русском языке текстом и передал его мне, спросив, что если я отказываюсь взять этот пакет-сверток, то, может быть, я возьму это письмо. Я спросил его о содержании письма. И он мне объяснил его.

Прокурор: О чем там шла речь?

Винн: Это письмо было напечатано на листке обычного формата писчей бумаги. В нем Пеньковским излагались некоторые данные из его биографии, высказывалось желание обменяться мнениями в будущем в связи с предстоящим его посещением Англии.

Прокурор: Вы просили Пеньковского изложить письменно его биографию, данные и возможности, какими он мог располагать для работы с англичанами?

Винн: Нет, ничего подобного я не делал.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, вы настаиваете на своих показаниях о том, что Винн предложил вам письменно изложить ваши возможности по сбору разведывательной информации?

Пеньковский: Да, я на этом настаиваю. Винн сде-

лал мне это дополнительное предложение после того, как передал мое письмо в посольство. Он сделал это предложение вечером. Я вечером же напечатал все на листке бумаги и утром вручил ему, но не в аэропорту, так как на глазах у всех вручать иностранцу, англичанину, какие-то пакеты было бы опасно. Я сделал это в номере Винна, и Винн взял эти материалы.

Прокурор: Этот разговор происходил в номере гостиницы?

Пеньковский: Да, этот разговор был в номере гостиницы «Националь».

Прокурор: Было ли Винну ясно, что речь идет о разведывательной информации?

Пеньковский: Да, было ясно, что речь идет о разведывательной информации, а не о какой-либо торговой или дипломатической.

Прокурор: Сколько писем вы передали в этот первый раз?

Пеньковский: Я передал письмо в пакете и дополнительные данные на одном листе.

Прокурор: Где вы передавали пакеты?

Пеньковский: Оба раза в номере гостиницы «Националь».

Прокурор: Оба раза: первый и второй раз? А на аэродроме ничего не передавали?

Пеньковский: Ничего не передавал, потому что это небезопасно, да и зачем, когда это можно сделать в номере гостиницы.

Прокурор: У меня вопросов к подсудимому Пеньковскому нет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, садитесь.

Прокурор: Подсудимый Винн, правильно ли показывает Пеньковский?

Винн: Нет, сэр, неправильно.

Прокурор: Скажите, Винн, кого вы поставили в известность о своих переговорах с Пеньковским?

Винн: Я связался по телефону с компанией, в которой работал Хартли, и через два дня Хартли пригласил меня на деловой завтрак.

Прокурор: Вы связались или с вами связались?

Винн: Сначала я первый позвонил на фирму, где работал Хартли, но его на месте не оказалось. Через

некоторое время Хартли позвонил мне и сказал, что он уже мне звонил и знает, что я был в Москве.

Прокурор: Откуда Хартли стало известно о вашем приезде из СССР и почему он проявил инициативу во встрече с вами?

Винн: Теперь мне это совершенно ясно. Очевидно, из британского посольства в Москве в Лондон пришло соответствующее сообщение, которое и попало к Хартли.

Прокурор: Кто вместе с Хартли прибыл на встречу с вами?

Винн: Человек, которого мне представили как Аккройда из британского министерства иностранных дел.

Прокурор: А кто этот Аккройд на самом деле?

Винн: Совершенно очевидно, что он сотрудник британской разведки.

Прокурор: А почему это очевидно?

Винн: Потому что я теперь убедился в этом по документам.

Прокурор: А раньше вам было известно, что он разведчик?

Винн: Вначале он мне сказал, что он является сотрудником британского МИД.

Прокурор: Это было вначале, а потом?

Винн: Это было действительно вначале, а потом у меня появились сомнения как в этом, так и в отношении характера моих собственных действий.

Прокурор: Откуда представителю английской разведки Аккройду стало известно ваше имя?

Винн: От Хартли.

Прокурор: Вы сообщили Аккройду и Хартли о своих беседах с Пеньковским?

Винн: Да, я это сделал.

Прокурор: Как вы поступили с полученным от Пеньковского письмом?

Винн: Я передал это письмо этим лицам во время делового завтрака.

Прокурор: Прошу назвать этих лиц.

Винн: Это письмо взял в свои руки Аккройд.

Прокурор: Сообщили ли вы Аккройду и Хартли о приезде в Англию советской делегации во главе с Пеньковским?

Винн: Да, я это сделал.

Прокурор: В связи с этим с какой просьбой обратился к вам Аккройд?

Винн: Во время этой встречи с Аккройдом никаких конкретных предложений или просьб мне сделано не было. Аккройд высказал только желание посетить меня.

Прокурор: О программе посещения Англии советской делегацией когда была речь?

Винн: Через два дня, когда мы встретились с Аккройдом.

Прокурор: Что было на этом свидании?

Винн: Аккройд связался со мной по телефону и сказал, что он хотел бы повидать меня, и просил взять программу пребывания советских специалистов в Англии.

Прокурор: Вы выполнили эту просьбу Аккройда?

Винн: Да, я встретился с ним в ресторане, и во время этой встречи мы обсудили вопросы по программе пребывания группы советских специалистов в Англии.

Прокурор: В дальнейшем вы поддерживали связь с Хартли?

Винн: Нет, Хартли я больше не видел.

Прокурор: Значит, Хартли после этого исчез с вашего горизонта?

Винн: Да, именно так, я его больше никогда не видел.

Прокурор: А с Аккройдом вы поддерживали связь?

Винн: Да.

Председательствующий: Можно ли сказать, подсудимый Винн, что Хартли вас передал Аккройду?

Винн: Да, так сказать можно.

Прокурор: Получили ли вы от Аккройда какое-либо задание в связи с предстоящим приездом в Лондон советской делегации? Если получили, то какое именно?

Винн: Да. Аккройд мне сообщил, что он слышал о Пеньковском и знает о том, что Пеньковский пытался связаться с американцами. Аккройд просил меня оказать ему содействие во встрече с Пеньковским.

Прокурор: А еще какие задания вам давал Аккройд, в частности по размещению делегации?

Винн: Я ему сообщил о той подготовительной работе, которую проводит моя компания для встречи советских специалистов. Я сказал, что забронировали целый ряд номеров в гостинице «Маунт ройял», тогда он просил меня сделать так, чтобы Пеньковский был помещен в отдельный номер, и взять у него пакет.

Прокурор: Скажите, подсудимый Винн, ведь советская делегация во главе с Пеньковским приезжала в Англию, в Лондон, по приглашению деловых кругов, и в частности по вашему приглашению. При чем же здесь Аккройд и откуда стало известно ему о том, что Пеньковский привезет в Англию пакет?

Винн: Об этом сказал ему я.

Прокурор: А вы откуда знали о том, что Пеньковский привезет пакет?

Винн: В аэропорту, когда я окончательно отказался взять этот пакет-сверток с собой, Пеньковский сказал: «Ну, хорошо, тогда я сам его доставлю в Англию. Не согласитесь ли вы взять только письмо?»

Прокурор: Какие указания вы получили от Аккройда по поводу пакета, который, возможно, привезет Пеньковский в Англию?

Винн: Мы условились с Аккройдом о том, что, как только группа советских специалистов прибудет, я сообщу ему, затем должен принять пакет-сверток от Пеньковского и доставить его в соседнюю гостиницу, где меня будет ожидать Аккройд.

Прокурор: Вы встречали Пеньковского в этот приезд?

Винн: Я встречал с переводчиком не только его, но и весь состав делегации советских специалистов.

Прокурор: Вы выполнили указания Аккройда о порядке размещения советской делегации, в частности Пеньковского?

Винн: Да, я это сделал.

Прокурор: Кому вы сообщили о прибытии Пеньковского?

Винн: Я получил от Пеньковского телеграмму и сообщил Аккройду дату прибытия Пеньковского в Лондон.

Прокурор: Каким образом вы сообщили об этом Аккройду?

Винн: Я ему позвонил по телефону.

Прокурор: Передал ли вам Пеньковский по приезде в Лондон что-либо?

Винн: В номере гостиницы он передал сверток-пакет.

Председательствующий: Подсудимый Винн, это был тот самый пакет, который вы не взяли в Москве?

Винн: Я могу поклясться в том, что это тот самый пакет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, в этом самом пакете, как вы показывали вчера, были совершенно секретные сведения о советских ракетах?

Пеньковский: Было два пакета. В каждом пакете по 7—8 листов. Их я передал Винну в Лондоне в гостинице.

Председательствующий: Это были сведения о ракетах?

Пеньковский: Да, в том числе на двух листах были сведения о ракетах.

Председательствующий: Подсудимый Винн, Пеньковский правильно показывает, что передал вам два пакета?

Винн: Нет, только один пакет, тот самый, который он предлагал в Москве.

Председательствующий: Кому вы передали этот пакет от Пеньковского?

Винн: Я передал его Аккройду.

Председательствующий: Товарищ прокурор, продолжайте допрос.

Прокурор: Таким образом, можно считать, что все указания Аккройда по встрече Пеньковского вы выполнили точно.

Винн: Да, это так.

Прокурор: Кто сообщил Пеньковскому о предстоящей встрече с английскими разведчиками?

Винн: Аккройд мне поручил передать Пеньковскому, что в гостинице «Маунт ройял» он встретится с кем-то из интересующих его лиц.

Прокурор: Вы сообщили об этом Пеньковскому?

Винн: Да, я это сделал.

Прокурор: Следовательно, вы узнали об этом от Аккройда, а Пеньковский узнал об этой встрече от вас?

Винн: Да, это правильно.

Прокурор: Кто указал вам место и время этой встречи?

Винн: Это сделал Аккройд.

Прокурор: Какие еще задания английской разведки вы выполняли во время пребывания Пеньковского в Англии в апреле 1961 года?

Винн: Никаких других конкретных указаний во время пребывания этой группы специалистов в Англии не было. Я Аккройда в этот период больше не видел.

Прокурор: Имели ли вы встречи с Аккройдом после отъезда советской делегации из Лондона?

Винн: Да, такие встречи я имел.

Прокурор: Когда?

Винн: Это было в середине мая. Аккройд позвонил мне по телефону, и мы условились о встрече. Его сопровождал человек, которого он мне представил как Кинга — сотрудника британского министерства иностранных дел.

Прокурор: Я спрашиваю о причинах этой встречи: почему она состоялась?

Винн: Меня спросили, намерен ли я отправиться на британскую промышленную выставку в Москве.

Прокурор: А вы имели такое намерение?

Винн: Именно так. Я уже получил въездную визу.

Прокурор: Расскажите содержание бесед, которые вы имели с Аккройдом и Кингом в этот раз.

Винн: Беседой руководил Аккройд. Он сообщил, что встречи, которые они имели с Пеньковским, были очень интересными и что они хотели бы продолжать поддерживать с ним контакт.

Прокурор: Еще какие были разговоры?

Винн: Меня спросили, соглашусь ли я взять с собой несколько подарков Пеньковскому, и просили узнать у Пеньковского, намерен ли он направиться в Париж на советскую выставку.

Прокурор: Вы дали согласие на это?

Винн: Да. Затем меня просили, если Пеньковский передаст какое-то сообщение, чтобы я его здесь, в Москве, доставил в жилую квартиру по указанному мне адресу.

Прокурор: А кто вам указал адрес?

Винн: Адрес дал мне Аккройд.

Прокурор: Какова была роль Кинга в этом?

Винн: Они мне сообщили, что Аккройду предстоит вскоре перемещение по службе и отношения со мною в дальнейшем будет поддерживать Кинг.

Прокурор: Таким образом, Аккройд передал вас Кингу?

Винн: Да, это именно так.

Прокурор: Это уже вторая передача?

Винн: Да, это правильно.

Прокурор: Кому и как вы должны были передать пакет, если получите его у Пеньковского в Москве?

Винн: Этому англичанину по указанному мне адресу в жилой квартире в Москве.

Прокурор: Только в жилой квартире?

Винн: Да.

Прокурор: Вы имели задачу получить что-либо у этого англичанина для Пеньковского?

Винн: Да, мне было сказано, что, если мне будет передано какое-либо сообщение для Пеньковского, я должен буду его взять.

Прокурор: Скажите, какое отношение все это имело к вашему официальному визиту в Москву?

Винн: Я никак не хотел оскорбить Пеньковского, обидеть его. Ведь он был главной фигурой для тех фирм, которые я представлял в Советском Союзе, поэтому я не хотел никак его обидеть.

Председательствующий: Отвечайте точно на вопрос прокурора.

Прокурор: Я спрашиваю: какое отношение к вашей деловой поездке в Москву имели эти передачи пакетов?

Винн: Что касается моей коммерческой деятельности, то никакого прямого отношения не имели, за исключением поддержания хороших отношений с Пеньковским.

Председательствующий: Подсудимый Винн, можно ли сказать, что ваша коммерческая деятельность прикрывала вашу деятельность разведчика и связника?

Винн: Нет, это не совсем так. На первом месте для меня была моя коммерческая, деловая деятельность.

Председательствующий: На первом. А на втором что?

Винн: Вторым было желание никак не обидеть Пеньковского, с тем чтобы наши деловые связи не были бы нарушены.

Председательствующий: Товарищ прокурор, задавайте вопросы Винну.

Прокурор: Вы знаете, кто такой Кинг?

Винн: Да, сейчас я об этом знаю, но во время встреч с ними я считал, что они являются сотрудниками британского министерства иностранных дел, к тому же они настаивали на этом.

Прокурор: Вы дали согласие выполнить задание английской разведки?

Винн: На первых порах я этого не сделал.

Прокурор: А что же понудило вас принять это задание и выполнить его?

Винн: Заверения Кинга, Аккройда и их начальника, очень влиятельного должностного лица в Англии, о том, что моя деятельность никак не связана со шпионажем и что моя задача просто поддержание хороших отношений с Пеньковским по общим вопросам. Мне было заявлено, что Пеньковский прибыл в Лондон во главе группы советских специалистов, с тем чтобы иметь целый ряд неофициальных встреч и подготовить встречу на высоком уровне.

Прокурор: А что это за начальник, с которым вы встречались и о котором сейчас сообщили суду? Где состоялась встреча с ним?

Винн: Я заявил Аккройду о том, что узнал подробности о поручениях, которые мне они дают, и не хочу связываться в это дело. Тогда через два-три дня состоялась встреча с их начальником. Этот очень властный человек, высокого роста, очень твердый в своих суждениях, словах, видимо привыкший повелевать, встретил меня следующими словами: «Как же это так? Вы, очевидно, не хотели помогать нашим друзьям, Аккройду и Кингу?»

Прокурор: А где эта встреча происходила?

Винн: В жилом доме, недалеко от конторы моей фирмы.

Прокурор: Вы помните адрес?

Винн: Это было на улице Слоан в Чесли Клойстерс.

Прокурор: Как представился этот властный начальник вам?

Винн: Он мне не представлялся. Меня представил ему Аккройд. Он сказал: «Вот мой начальник, а это мой гость» — и попросил выслушать все то, что мною было здесь сказано.

Прокурор: Итак, вы не узнали, кто он такой?

Винн: Нет, я так и не узнал. Я мог о нем судить только по Кингу. Поэтому-то я и сделал вывод, что он принадлежит к штатам британского министерства иностранных дел.

Прокурор: О чем у вас состоялась беседа с этим начальником?

Винн: Он начал свою беседу с того, что заявил, что, насколько он может судить по моему поведению, я не хочу помогать своим друзьям поддерживать связь с Пеньковским. Он мне сказал, что в этой связи ничего предосудительного нет. Я сказал, что не хотел бы осложнять свои коммерческие дела. Мне было заявлено, что Пеньковский как раз и прибывает в Англию по коммерческим делам и для того, чтобы подготовить встречу на официальном уровне. Я спросил, почему же в таком случае Пеньковский встречается с ними на частных квартирах, почему он не бывает в посольстве и не ведет переговоры через официальные каналы. Меня уверили, что такого рода неофициальные переговоры являются совершенно нормальными и Пеньковский приезжает для того, чтобы прощупать почву.

Прокурор: После этих разъяснений вы приняли задание?

Винн: Да, я это задание принял и решил поступать так, как мне предложили. Я привык верить слову джентльмена, и у меня никаких оснований не было не верить в их искренность.

Прокурор: Подсудимый Винн, на следствии вы называли это высокопоставленное лицо начальником русской секции английской разведки (том 5, л. д. 83—84). Соответствует ли это действительности?

Винн: В то время я не знал, что он является руководителем русской секции британской разведки, но я привык здесь называть вещи своими именами, а из тех материалов, которые были предоставлены в мое распоряжение, я мог судить, что он возглавляет русский отдел английской разведки «Интеллидженс сервис».

Прокурор: Вы, будучи в Москве, выполнили задание английской разведки?

Винн: Да, я их выполнил.

Прокурор: По прибытии в Москву где вы встретились с Пеньковским?

Винн: В аэропорту.

Прокурор: Передали ли вы ему что-либо?

Винн: Позже передал, а сначала он мне что-то передал.

Прокурор: Что он передал?

Винн: Мне был передан пакет-сверток размером 5 дюймов на 4 дюйма и толщиной 4 дюйма. Пеньковский просил передать этот пакет одному из своих друзей. Пакет был коричневого цвета, завернут в бумагу и заклеен прозрачной целлофановой лентой.

(Объявляется перерыв на 20 минут.)

(После перерыва.)

12 ч. 20 м.

Комендант суда: Суд идет. Прошу встать!

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста. Подсудимый Винн, прошу отвечать на вопросы прокурора.

Прокурор: Подсудимый Винн, говорил ли вам Пеньковский о том, что находится в переданном вам пакете?

Винн: Нет, не говорил.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу разрешения поставить вопрос Пеньковскому.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, отвечайте.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, говорили ли вы подсудимому Винну о том, что находится в этом пакете?

Пеньковский: Да, я об этом ему говорил. Говорить я начал о своих возможностях Винну с самого начала в его номере в гостинице, когда просил передать мое письмо о желании сотрудничать с разведкой.

Прокурор: Товарищ председательствующий, подсудимый Пеньковский не отвечает на мой вопрос.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, отвечайте точно на вопрос.

Прокурор: Я спрашиваю: говорили ли вы подсудимому Винну о том, что находится в пакете, который вы передали ему в его майский приезд в Москву?

Пеньковский: Прошу прощения, я думал, что речь идет о первом приезде. Да, я говорил, передавая этот пакет, что в нем находятся важные материалы, исполненные на фотопленке.

Прокурор: Подсудимый Винн, правильно показывает Пеньковский о том, что он сообщил вам, что в пакете находятся важные материалы, сфотографированные на фотопленку?

Винн: Нет, он мне этого не говорил. Именно поэтому я и не взял этот пакет, так как не знал его содержимого.

Прокурор: Подсудимый Винн, вы не отвечаете на мой вопрос. Речь идет о пакете, который вы получили от Пеньковского по прибытии в Москву в мае 1961 года. Вы же давали показания о том, что получили этот пакет.

Винн: Первый раз я его не брал именно в силу этих причин. Во второй раз я его взял; мы встретились в гостинице, в номере Пеньковский передал мне пакет. Он спросил, встречусь ли я вскоре с кем-нибудь. Я сказал: «Да» — и тогда взял пакет.

Прокурор: Пеньковский говорил, кому следует передать этот пакет?

Винн: Я уже показывал: Пеньковский меня спросил, встречусь ли я с кем-нибудь из друзей. Я ответил, что да, встречусь в самое ближайшее время, и взял пакет.

Прокурор: Кому вы передали этот пакет?

Винн: Я передал его Аккройду.

Прокурор: Где вы видели Аккройда, вы же в Москве находились? В Москве кому передали вы пакет, полученный от Пеньковского?

Винн: Прошу прощения, я думал, что речь идет о Лондоне. Я передал этот пакет в жилой квартире в Москве, принадлежащей англичанину. Именно кому — я тогда не знал. Мне только дали описание его внешности и адрес, и я нашел этого человека в Москве.

Прокурор: Как его фамилия?

Винн: Впоследствии я узнал, что его фамилия Чизхолм.

Прокурор: Вам Чизхолм передавал какие-нибудь пакеты для Пеньковского в этот раз?

Винн: Да, он передал белый конверт очень большого размера, в котором было что-то объемистое. Пакет был запечатан клейкой лентой.

Прокурор: Расскажите об обстоятельствах передачи вами пакета Чизхолму и получения от него другого пакета.

Винн: Мне предложили пойти по этому адресу и сказали, что входная дверь будет открыта. Я должен войти в эту квартиру и встретить человека среднего роста, в очках и передать ему там то, что дал мне Пеньковский. Я прошел в эту квартиру, меня встретил этот человек, мы обменялись рукопожатием, затем он сделал такой жест, приложив палец к губам, чтобы я не говорил, вручил мне большой пакет и написал на листе бумаги: «Передайте это вашему другу». Вся эта операция заняла две минуты.

Прокурор: Следовательно, все происходило молча?

Винн: Да, это была немая сцена. А почему это так было — я узнал после.

Прокурор: А почему это так?

Винн: Мне сказали, что в этой квартире проживает в соседней комнате русская девушка, которая работает у них няней, и что эту русскую девушку в сопровождении советских людей в штатском видели в ресторанах, и что необходимо, чтобы на этой стадии о переговорах между Пеньковским и этими лицами знало как можно меньшее число людей, так как об этих переговорах может быть напечатано в прессе раньше, чем вопрос станет официальным.

Прокурор: Насколько я понял, в то самое время, когда вы с англичанином обменивались пакетами, в квартире представителя прессы не было и вряд ли ваш разговор мог попасть в прессу?

Винн: Я должен также сказать — мне говорили, что в квартирах, в которых проживают в Москве дипломаты, очень часто устанавливаются микрофоны подслушивания.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы не

раз сегодня и вчера говорили, что должна была состояться какая-то встреча с Пеньковским на высоком уровне. Такая встреча была или она так и не состоялась?

Винн: Насколько я знаю, нет, не состоялась.

Председательствующий: Товарищ прокурор, прошу продолжать.

Прокурор: Подсудимый Винн, в последующем вам приходилось встречаться с этим англичанином?

Винн: Да, неоднократно, но в этой квартире я с ним больше не встречался. Позже я с ним встречался в Париже.

Прокурор: В Париже встречались?

Винн: Да, в Париже я встречался с ним.

Прокурор: На предварительном следствии вы его опознали?

Винн: Да, я его опознал по фотографии.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу осмотреть и огласить протокол опознания Чизхолма подсудимым Винном по фотографии (том 5, л. д. 35—36).

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите протокол подсудимым Винну, Пеньковскому и адвокатам.

(Предъявляется.)

Председательствующий. Кто такой Чизхолм?

Винн: Сейчас мне совершенно очевидно, что он является сотрудником британской разведки. В то время я этого не знал.

Председательствующий: Вы с ним встречались как с работником посольства?

Винн: Да, я встречался с ним как с сотрудником посольства.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу огласить справку о дипломатическом положении Чизхолма, находящуюся в пакете (том 9, л. д. 8).

Председательствующий: Товарищ секретарь, прошу огласить документ.

Секретарь: Посольство Великобритании. Чизхолм Родерик Вильям, подданство — британское, должность — второй секретарь посольства. Прибыл 3 июня 1960 года. Выехал 14 июля 1962 года. Проживал: Садово-Самотечная ул., дом 12/24, квартира 48. Правиль-

ность сведений удостоверена протокольным отделом МИД.

Председательствующий: Предъявите подсудимому Винну эту справку.

(Предъявляется.)

Подсудимый Винн, вы не помните адрес, по которому вы ходили?

Винн: Нет, точного адреса я не помню. Это было в здании, где размещаются квартиры членов дипломатического корпуса. Я прошел во двор, затем поднялся на 3—4-й этаж. Но точного адреса я не помню.

Председательствующий: Товарищ прокурор, продолжайте допрос.

Прокурор: Подсудимый Винн, уточните, сколько раз вы во время майского приезда в Москву были у Чизхолма: один или два раза?

Винн: В мае только один раз.

Прокурор: Я напоминаю вам, что на допросе 26 ноября 1962 года вы показывали, что были у Чизхолма 27 и 28 мая.

Винн: Очевидно, я ошибался, я не могу припомнить этого. Я был на квартире у Чизхолма только один раз. Очевидно, это какая-то ошибка, я вполне уверен, что состоялось только одно посещение.

Прокурор: Подсудимый Винн, в этот свой приезд в Москву вы также не поняли, что являетесь посредником между английской разведкой и Пеньковским?

Винн: Я этого тогда не понял, но у меня возникло очень серьезное подозрение, которое было еще раз подтверждено после моего возвращения в Англию.

Прокурор: Значит, уже в этот период времени у вас возникли серьезные подозрения?

Винн: Да, это так. Такие подозрения у меня были. С вашего разрешения я хотел бы добавить здесь и заявить Высокому суду, что я этого вопроса действительно совершенно не знал. Мое заявление сейчас для профессионалов может звучать наивно, но я бизнесмен, коммерсант, и я не знал методов работы разведывательной службы. Сейчас я это познал.

(Оживление в зале, смех.)

Прокурор: Скажите, подсудимый Винн, а как бы вы расценили поведение англичанина, находящегося

на государственной службе, который, минуя официальные органы своей страны, вступил бы в конспиративные связи с представителями другого государства?

Винн: Все зависит от того, о чем идет речь. Если речь идет о государственной тайне, то я бы к этому подлому, грязному делу не прикасался бы ни за какие деньги. Но если речь идет о различного рода коммерческих интригах, коммерческих маневрах, всяких коммерческих сделках, то этим я занимался всю свою жизнь.

Прокурор: Вы уже в начале допроса показали, что Пеньковскому не нужны были коммерческие встречи, поэтому и всплыла фигура Хартли.

Винн: Я считал, что моя основная задача была — оказать помощь Пеньковскому в подготовке совещания на более высоком уровне. Но я в то время не осознавал и не понимал действительного положения вещей.

Прокурор: А не считаете ли вы ваши ответы чрезвычайно наивными?

Винн: Атмосфера, в которой проходило все это, была совершенно другой, чем та, в которой я нахожусь сейчас, в зале заседания Высокого суда. Я привык доверять людям и считал, что если не доверять слову моих соотечественников, образованным людям, людям с респектабельным положением, то кому же можно верить, кому же тогда доверять? Все эти разговоры и беседы проходили в чрезвычайно вежливой обстановке, и я не был в состоянии подвергать их перекрестному допросу, требовать какие-либо доказательства и т. д.

Председательствующий: Но ведь вам Пеньковский прямо говорил, какие были встречи и какой характер этих встреч?

Винн: Ничего подобного. Он никогда не упоминал такие слова, как «разведывательная деятельность», «шпионаж», «государственная тайна», «военная тайна». Об этом он никогда ничего не говорил.

Председательствующий: Подсудимый Винн, какие же могли быть дела у английской разведки с Пеньковским иного порядка, чем разведывательные?

Винн: Никаких, конечно, но я-то их считал сотрудниками британского министерства иностранных дел,

я их считал джентльменами, уважаемыми людьми, вполне достойными уважения соотечественников.

Прокурор: Короче говоря, вас можно так понять, что ваши соотечественники вас обманули?

Винн: Именно так, именно поэтому я и нахожусь здесь.

(Смех в зале.)

Прокурор: Выясняли ли вы у Пеньковского возможности его следующего приезда в Англию?

Винн: Да, Пеньковский заявил, что он надеется совершить поездку на советскую выставку в Англию. Это, очевидно, не очень важно, но на меня слова Пеньковского произвели очень большое впечатление.

Прокурор: Можно ли считать, что вы в точности выполнили в этот свой майский приезд 1961 года в Москву все поручения английской разведки?

Винн: Да.

Прокурор: Сообщили ли вы кому-либо в Англии о предстоящей поездке Пеньковского на советскую выставку?

Винн: Да, я это сделал в конце июня.

Прокурор: Кому вы сообщили?

Винн: Я сообщил об этом Кингу, который позвонил мне и спросил меня об этом.

Прокурор: Кинг позвонил вам и спросил вас об этом?

Винн: Да, примерно через неделю после моего возвращения в Англию Кинг мне позвонил и попросил встретиться с ним. Во время этой встречи он спросил меня, узнал ли я что-либо о поездке Пеньковского в Лондон, а затем он мне сказал, что ему уже известно, что Пеньковский приедет в Англию, и его интересовала дата приезда.

Прокурор: Получили ли вы какие-либо задания в связи с приездом Пеньковского в Лондон?

Винн: Во время встречи Кинг мне сказал: «Вот видите, что я вам говорил, не прошло и двух месяцев, а Пеньковский вторично приезжает в Англию. Если бы он был плохим человеком, его бы не пускали, а он является хорошим человеком и получает разрешение приехать к нам». Затем, перед тем как дать мне

инструкцию, он меня спросил, как я подготовился к встрече с группой советских специалистов. Я сказал, что «это не так просто, так как Пеньковский был гостем не моей фирмы, а был гостем тех фирм, которые устраивали выставку». Несмотря на все это, я навел справки в гостиницах и постарался зарезервировать места.

Прокурор: Что, об этом вас просил Кинг?

Винн: Нет, нельзя сказать, что это я сделал по его просьбе. Я все равно бы это сделал, так как в то время лондонский сезон был в разгаре, гостиницы были переполнены и номеров в гостинице не хватало. Я выбрал гостиницу «Кенсингтон Клоус», недалеко от советского посольства. Забронировал в этой гостинице 12 комнат: считал, что Пеньковский приедет в Лондон с делегацией, а оказалось, что он приехал один, и мы его поместили в другой гостинице.

Прокурор: Вы сообщили дату приезда Пеньковского в Лондон Кингу?

Винн: Нет, я в то время не знал ее.

Прокурор: Когда вы узнали об этом?

Винн: Об этом я узнал 15 июля, когда получил телеграмму от Пеньковского, которая гласила о том, что он прибывает с делегацией в Лондон.

Прокурор: Вы сообщили об этом Кингу?

Винн: Нет, я этого не делал. Я сказал, что сообщу по телефону после прибытия Пеньковского в Лондон.

Прокурор: Кинг вам дал номер своего телефона?

Винн: Да, я его номер телефона имел.

Прокурор: Для какой цели?

Винн: Он мне его дал, чтобы я мог известить о факте прибытия Пеньковского.

Прокурор: Когда же Пеньковский прибыл в Лондон?

Винн: Пеньковский прибыл в Лондон 18 июля и позвонил в мою контору. Оказалось, что он находится на конечной остановке автобусного маршрута, который ведет к аэропорту. Я сказал: «Хорошо, я сейчас за вами приеду».

Прокурор: Встретили вы тогда Пеньковского?

Винн: Да, я смог туда доехать примерно минут за 5.

Прокурор: Куда вы доставили его?

Винн: Я поместил его в гостинице «Кенсингтон Клоус» и оттуда, из гостиницы, я позвонил Кингу.

Прокурор: Вы где-нибудь записали дату приезда Пеньковского?

Винн: Да, у меня очень плохая память на имена и даты, поэтому у меня и сейчас листок на барьере. Я эту дату записал.

Прокурор: Где вы записали ее?

Винн: Я записал ее у себя в конторе, как только зазвонил телефон. Это было 18 июля. Он должен был приехать 15, и я уже думал, что он совсем не придет.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить дневник Винна с записями на листке от 15 июля. Дневник находится в коробке с вещественными доказательствами.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите подсудимым Винну, Пеньковскому и адвокатам.

(Предъявляется Винну.)

Винн: Эта первая запись сделана мною в момент получения телеграммы.

Председательствующий: А 18 июля какую запись вы сделали?

Винн: Так как Пеньковский не прилетел, то я эту запись вычеркнул, а на листе от 18 июля после телефонного звонка Пеньковского я сделал другую запись.

Председательствующий: Что там записано?

Винн: Мне очень трудно написать имя Пеньковского английскими буквами, поэтому я написал три начальных буквы его фамилии — «Пен», затем слово «прибыл».

Председательствующий: Дата совпадает?

Секретарь суда: Да, совпадает.

(Дневник предъявляется Пеньковскому и адвокатам.)

Прокурор: Вы, подсудимый Винн, сообщили Кингу о прибытии Пеньковского?

Винн: Да, я оставил Пеньковского в номере гостиницы, так как он мне сказал, что хочет побриться, спустился вниз, в холл, и оттуда позвонил.

Прокурор: Кому позвонили?

Винн: Я позвонил Кингу.

Прокурор: В разговоре с Кингом вы называли фамилию «Пеньковский» или как-нибудь иначе его именовали?

Винн: Нет, я его по фамилии «Пеньковский» не называл. Насколько я припоминаю, во время моих бесед с Аккройдом мне было указано, что Пеньковский — это имя иностранное, называть его так неудобно и лучше его называть условным наименованием — «Янг».

Прокурор: После этого вы указанной кличкой и пользовались?

Винн: Да, иногда я этим наименованием пользовался.

Прокурор: Получили ли вы от Пеньковского в этот раз какие-либо пакеты для передачи английской разведке?

Винн: Во время этого посещения Пеньковским Лондона я от него ничего не получал, получил только личные подарки: икру, коробку для безделушек для моей секретарши и т. д. Но никаких материалов, которыми занимается это судебное заседание, я не получал.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, вы припоминаете этот свой приезд на советскую выставку в Лондоне?

Пеньковский: Да, припоминаю очень хорошо.

Прокурор: Вы привозили с собой для английской разведки какие-либо материалы?

Пеньковский: Да, я привез материалы в двух пакетах.

Прокурор: Что это были за пакеты?

Пеньковский: В первом пакете коробка от папирос с экспонированными фотопленками в количестве, кажется, 16 штук, завернутая в бумагу и обернутая прозрачной лентой. Второй пакет — книга, русский перевод книги английского автора Лея «Ракеты в настоящем и будущем».

Прокурор: Зачем было нужно везти в Англию английскую книгу в русском переводе?

Пеньковский: Я говорил разведчикам о том, что хочу на книжном рынке приобрести интересные книги на английском языке и перевести их со своим предисловием или послесловием, и привез эту книгу как образец.

Прокурор: А почему она была образцом для вас?

Пеньковский: Это было последнее издание, причем очень удачный перевод, которому была дана высокая оценка. Книга была для массового чтения, открытого.

Прокурор: В этой книге было послесловие?

Пеньковский: Да, было послесловие.

Прокурор: Может быть, это послесловие представляло интерес для кого-либо?

Пеньковский: Должен сказать, что это послесловие было написано очень удачно.

Прокурор: Кому вы передали эти материалы?

Пеньковский: Эти материалы я сразу же передал в машине Винну, когда он вез меня с аэропорта к себе домой. У Винна я побрился его электробритвой, позавтракал, и после этого он повез меня в гостиницу. Помню, что дома Винн положил в левый карман пакет с пленками, а книгу, завернутую в большой конверт, оставил на письменном столе. Когда после завтрака мы поехали в гостиницу, то материалы он взял с собой. Из гостиницы он позвонил лицу, которому должен был передать эти материалы.

Прокурор: Что он ответил, когда получил от вас эти материалы?

Пеньковский: Что он незамедлительно их передаст по назначению.

Прокурор: Разрешите продолжать допрос Винна.

Председательствующий: Пожалуйста.

Прокурор: Подсудимый Винн, что вы можете сказать по поводу этих объяснений Пеньковского?

Винн: Я не получал никаких пакетов, когда Пеньковский приезжал второй раз в Лондон. Пеньковский уже сам вступил в контакт с заинтересованными лицами, и передавать эти пакеты через меня не имело никакого смысла. Совершенно естественно, что Пеньковского я повез сначала в гостиницу, а затем пригласил к себе домой на завтрак. Кроме того, я предметами своего туалета никому не позволяю пользоваться, а тем более электрической бритвой.

Прокурор: Какие еще задания английской разведки вы выполняли во время пребывания Пеньковского в Лондоне в этот раз?

Винн: Примерно через три дня после прибытия Пеньковского в Лондон мы условились о том, что он

придет ко мне на ленч. Когда мы немножко выпили перед обедом, зазвонил телефон: звонил Кинг. Кинг сказал мне, чтобы я проводил Пеньковского в какую-то квартиру, которая находилась в соседнем квартале. Я должен был подвезти его в машине, затем показать ему, где сойти, а там его встретит лицо, которое он знал. И я это сделал.

Прокурор: Зачем же это понадобилось? Ведь вы раньше, отвечая на вопрос, заявили суду, что Пеньковский уже имел связь с соответствующими лицами в Лондоне и в вашей помощи не нуждался.

Винн: Очевидно, это объясняется срочностью свидания. Я могу только предположить, что это было не заранее подготовленное свидание. Позже я узнал, что для встречи с Пеньковским специально прибыли какие-то американцы.

Прокурор: Следовательно, Кинг знал, что в это самое время Пеньковский находится у вас в квартире?

Винн: Да. Потому, что он мне позвонил и спросил, у меня ли находится Пеньковский, я предполагаю, что Пеньковский ему сообщил об этом.

Прокурор: Если это так, то почему же Кинг сам не прибыл к вам для того, чтобы отвезти Пеньковского на соответствующую встречу, а дал это задание вам?

Винн: Рядом с моим домом стояла моя машина, а я не знаю, где была машина Кинга. Я не ответствен за действия Кинга. Он просил, и я это сделал.

Прокурор: Значит, вы выполнили это задание?

Винн: Да, выполнил.

Прокурор: С кем встречался Пеньковский в той квартире, куда вы его завезли?

Винн: Об этом я не имею ни малейшего понятия. Единственное, что я знаю, что его должно было встретить какое-то лицо, уже знакомое ему.

Прокурор: А по поводу этой встречи у вас с Пеньковским были разговоры?

Винн: Через несколько дней я его спросил о том, что там происходило. Я вообще имел привычку спрашивать Пеньковского о том, что происходит. Он сказал мне, что эта встреча продолжалась довольно долго, чуть ли не целую ночь, что на нее прибыли американцы для того, чтобы встретиться с ним, и что он работал с картами.

Председательствующий: С какими картами: игральными или географическими?

Винн: С географическими (по-английски это разные слова: географические карты и игральные карты).

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, о каких картах идет речь?

Пеньковский: Я никогда не говорил г-ну Винну, что я работал всю ночь с картами, потому что на самом деле никакой работы с картами не было. Откуда г-н Винн это взял — я не знаю.

Председательствующий: Товарищ прокурор, продолжайте допрос Винна.

Прокурор: Подсудимый Винн, сколько раз вы возили Пеньковского на конспиративные встречи?

Винн: Во время второго приезда Пеньковского в Лондон только один раз я отвез его, именно на эту конспиративную явку. Я его отвозил к зубному врачу, в магазин и по другим делам, но шпионская встреча, о которой здесь идет речь, во второй приезд была только один раз. Эта квартира находилась примерно на расстоянии 3—5 минут ходьбы от его гостиницы.

Прокурор: Товарищ председательствующий, разрешите поставить вопрос Пеньковскому.

Председательствующий: Пожалуйста.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, сколько раз возил вас в этот приезд Винн на конспиративные встречи с разведчиками?

Пеньковский: В этот приезд у меня было с разведчиками пять встреч: четыре встречи на конспиративной квартире и одна встреча в предместьях Лондона. Г-н Винн возил меня с интервалами через три-четыре дня на все встречи, в том числе он возил меня на окраину Лондона, в район одной площади (название площади я не помню), где меня подобрали разведчики и отвезли на конспиративную встречу на дачу.

Прокурор: Подсудимый Винн, вы слышали показания Пеньковского?

Винн: Да, я их слышал совершенно отчетливо.

Прокурор: Вы их подтверждаете?

Винн: Нет, не подтверждаю. Мне кажется, что Пеньковский путает обстоятельства своего пребывания в Лондоне. Пеньковский несколько владеет английским языком, так что в Лондоне он в моих услугах

не нуждался. Он мог взять такси, знал людей, которых он должен встретить, и т. д., другое дело в Париже: Париж он не знает, а я Париж знаю отлично.

Прокурор: Несмотря на то что Пеньковский знает английский язык, после звонка Кинга вы взяли Пеньковского в машину и повезли в тот район, где была намечена встреча, а не позволили Пеньковскому самому добраться в этот район?

Винн: Нет, это совершенно нормальная реакция с моей стороны. Просто невежливо предложить вашему гостю следовать пешком, когда во дворе стоит машина. Я так не поступаю со своими гостями.

Прокурор: Подсудимый Винн, посещали ли вы с Пеньковским увеселительные места в Лондоне?

Винн: Да, это в жизни бывает. Я был в нескольких местах такого рода.

Прокурор: Может быть, вы расскажете суду, где вы были?

Винн: Мы посетили в Лондоне два ночных клуба, бывали в нескольких ресторанах. Вы говорите о Лондоне или о других местах?

Прокурор: Были встречи с женщинами в Лондоне?

Винн: У меня в Лондоне есть собственная жена, а с другими женщинами я не встречался.

Прокурор: А Пеньковский, с вашей помощью, встречался с женщинами?

Винн: Нет, нет, я не агент такого рода.

Прокурор: Я напому вам, что на предварительном следствии вы более точно об этом говорили (том 5, л. д. 108, английский перевод, л. д. 113—121). Вы указывали, что в одном из клубов Пеньковский встретился с женщиной и провел с ней в ее квартире чуть ли не всю ночь?

Винн: Это была недобропорядочная дама.

Прокурор: Вы поддерживали связь с английскими разведчиками после отъезда Пеньковского из Лондона?

Винн: Да, но я хочу уточнить: они поддерживали со мной контакт, а не я с ними, потому что они мне звонили.

Прокурор: Как это происходило?

Винн: Пеньковский уехал из Лондона 8 августа. Примерно в середине августа мне позвонил Кинг и

спросил, планирую ли я посещение Москвы в связи с французской выставкой. Такие планы у меня были. Кинг спросил, не возьму ли я с собой кое-что для Пеньковского. Я тогда сказал, что меня вовлекают в какие-то дела, в которых я ничего не понимаю, о которых я не знаю и к которым не хочу иметь отношения. Он мне сказал, что все, что нужно сделать, это взять коробку конфет для Пеньковского. Эта встреча состоялась в машине, вблизи моей конторы. Он вынул из кармана обшивки машины коробку с конфетами и передал мне. Я спросил, что это значит. Он ответил: «Ничего особенного, я просто хочу передать это Пеньковскому, а если у вас есть какие-то подозрения, купите сами конфеты и передайте». Я сказал: «Хорошо, если Пеньковскому хочется чего-нибудь сладкого, тогда я сам куплю ему таких конфет». Тогда Кинг постарался отделаться шуткой, сказал: «Забудьте об этом». Я тогда же ему заявил, что я начинаю уже отчетливо понимать, что меня куда-то вовлекают, и что я ничего общего не желаю с этим иметь. Он сказал мне тогда: «Вы должны снова встретиться с моим начальником. Он вам объяснит, как важно поддерживать отношения с Пеньковским».

На следующий день у меня действительно состоялась встреча с высокопоставленным лицом, насколько я понимал, из британского министерства иностранных дел, а не из британской разведки. На сей раз он был очень раздражен и повторил те же доводы. Он заявил, что Пеньковский дважды был в Англии, находится на высокой должности в Научном комитете в Москве и что нет оснований предполагать, что он занимается низкопробной деятельностью. Я уже тогда был чрезвычайно озабочен сознанием, что попал в неприятную историю, которая и привела меня в этот зал, но он меня всячески старался успокоить. За тысячу миль отсюда, в той обстановке, в которой я воспитывался, мы привыкли верить слову джентльмена, и я думал, что то, что он говорит, все это правильно и правда. Но они меня обманули и привели на скамью подсудимых.

Прокурор: Подсудимый Винн, были ли вы как владелец фирмы и коммерсант лично заинтересованы в поездке в Москву на выставку?

Винн: Да, с точки зрения деловых вопросов я очень

был заинтересован и очень хотел посетить Москву. Хотел посмотреть, как другие организуют такого рода выставки; так как у меня в Лондоне на складе есть фургоны для передвижной выставки, я хотел посмотреть, как мне лучше организовать выставку.

Прокурор: Подсудимый Винн, однако вы на предварительном следствии (том 6, л. д. 41) заявляли, что у вас не было особо большого желания посетить Москву.

Винн: Очевидно, это недоразумение. Я говорил, что у меня не было такого желания посетить выставку в Париже, но что касается французской выставки в Москве, я был очень в этом заинтересован.

Прокурор: Нет, в протоколе допроса (том 6, л. д. 41) речь идет именно о французской выставке в Москве.

Винн: Это просто недоразумение.

Прокурор: Вы согласились в этот приезд выполнять задания английской разведки?

Винн: Да, я согласился. Круг для меня замкнулся, я попал в тиски.

Прокурор: Какое задание вы получили?

Винн: Я получил задание передать кое-какие сообщения Пеньковскому и служить связником между Пеньковским и Чизхолмом. Из Лондона я привез чемодан подарков для Пеньковского.

Прокурор: От кого были подарки?

Винн: Теперь мне известно, что эти подарки были от британской разведывательной службы. Кинг спросил меня, не захвачу ли я подарки для Пеньковского. Я согласился.

Прокурор: Уточните задание, которое вы получили от английской разведки.

Винн: Мне было дано задание взять все, что мне передаст Пеньковский, и доставить в отдел выдачи виз британского посольства в Москве Чизхолму. Если же он что-либо передаст для Пеньковского, я должен передать это Пеньковскому.

Прокурор: Это задание вы от кого получили?

Винн: Это задание дали мне Кинг и его начальник, они обсуждали его совместно.

Прокурор: Кинг вам в этот период времени сказал, кем он является на самом деле?

Винн: Нет, в то время он мне не сказал, это было позже, во время нашей встречи в Амстердаме.

Прокурор: Прошу прощения. На предварительном следствии (том 4, л. д. 102, английский перевод, л. д. 146) вы заявили о том, что в августе 1961 года Кинг признался вам в том, что он является представителем английской разведки?

Винн: Да, да. Это правильно. Речь идет о дате 26 августа 1961 года, когда я находился в Амстердаме.

Прокурор: Возвращаясь уже из Москвы?

Винн: Да, это правильно.

Прокурор: Видимо, после этого сообщения Кинга вам стало понятно, кем является его начальник, его босс?

Винн: Нет, мне это не было ясно. Кинг по-прежнему говорил, что место его службы — британское министерство иностранных дел. Но я никогда не был в этом помещении, и у меня нет ни малейшего представления о деятельности этого учреждения.

Прокурор: Да, но в Амстердаме Кинг вам сказал, что он является английским разведчиком, представителем английской разведки?

Винн: Нет, он мне не говорил, что является сотрудником британской разведки «Интеллидженс сервис». Он сказал, что является сотрудником службы безопасности британского МИД. В моей стране, по крайней мере, это две разные службы: служба разведки и служба безопасности.

Прокурор: Подсудимый Винн, когда вы прибыли в Москву, кто вас встречал?

Винн: Это сделал Пеньковский.

Прокурор: Вы получили тогда от Пеньковского что-либо?

Винн: Да, я получил в автомашине по дороге в гостиницу.

Прокурор: Что вы получили?

Винн: Сверток-пакет, большой.

Прокурор: Пеньковский просил вас куда-то определить этот сверток?

Винн: Он мне сказал: «Передайте его вашим друзьям».

Прокурор: Вы выполнили эту просьбу?

Винн: Да, я это сделал, я передал этот сверток-пакет в отдел выдачи виз, который находится в помещении британского клуба, передал тому же лицу, о котором уже была речь.

Председательствующий: То есть какому лицу?

Винн: Теперь я знаю, что этим лицом являлся Чизхолм.

Прокурор: Товарищ председательствующий, прошу разрешить поставить вопрос подсудимому Пеньковскому.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, отвечайте на вопрос прокурора.

Прокурор: Сколько вы передали Винну пакетов в этот раз и что было в этих пакетах? Расскажите в общих чертах.

Пеньковский: В этот раз я передал Винну два пакета. В одном пакете были экспонированные фотопленки, и в другом пакете сломанный аппарат «Минокс». От Винна я получил новый аппарат «Минокс», чистую фотопленку и письмо. Я передал ему пакет в машине в первый день его приезда. Дня через два или три я получил от Винна новый аппарат «Минокс» с фотопленками.

Прокурор: У меня нет вопросов к Пеньковскому.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, вы сообщили Винну, что передаете в этих пакетах?

Пеньковский: Да, я ему сказал, что передаю поломанный фотоаппарат и экспонированные фотопленки. Я попросил Винна побыстрее заменить аппарат, поскольку был без аппарата. Винн еще поинтересовался у меня поломкой аппарата, спросив, что, может быть, я сломал его из-за неправильного обращения с ним и не нуждаюсь ли я в каком-либо дополнительном инструменте. Я отказался от этого.

Председательствующий: Подсудимый Винн, был такой разговор между вами и Пеньковским?

Винн: Нет, он никогда не объяснял содержание пакетов, хотя я и пробовал настаивать на этом.

Председательствующий: Товарищ прокурор, продолжайте допрос.

Прокурор: Разрешите поставить вопрос Винну.

Председательствующий: Пожалуйста.

Прокурор: Правильно показывает Пеньковский о том, что передал вам не один, а два пакета в этот раз?

Винн: Нет, был только один сверток-пакет, довольно больших размеров, как ящичек, но только один предмет.

Прокурор: Как происходила передача этого пакета Чизхолму?

Винн: Я зашел в помещение отдела выдачи виз в английском клубе в Москве, встретился там с этим лицом. Он сидел, перед ним лежал большой пакет и коробка с конфетами. Он снова приложил палец к губам и написал на бумаге: «Возьмите это и передайте Пеньковскому». И подвинул предметы в моем направлении. Затем я положил на его стол тот ящичек, который передал мне Пеньковский.

Прокурор: Какие предметы вы получили в этот раз от Чизхолма для Пеньковского?

Винн: Один конверт, запечатанный, и одну коробку со сладостями. Эти предметы уже лежали на его письменном столе, и все мое посещение продолжалось, может быть, полминуты.

Прокурор: Как вы поступили с полученными от Чизхолма коробкой конфет и конвертом?

Винн: Я встретился с Пеньковским в тот же день около 9 часов вечера около памятника в районе Большого театра, и мы направились в ресторан «Будапешт». И там, в гардеробе, а не в уборной ресторана, я передал ему пакет, а позже, когда мы сидели за столиком, я передал коробку со сладостями.

Прокурор: Что находилось в пакете и коробке со сладостями?

Винн: Это был поворотный момент в моих чувствах. Я тогда понял, что не могу доверять словам своих соотечественников. Я должен сделать оговорку: моих трех соотечественников из британской разведывательной службы, с которыми я встречался. Пеньковский положил конверт в карман своего пиджака и вскрыл его там, затем украдкой, сидя за столом, прочитал письмо, затем снова опустил руку в карман, и я увидел, как он достал из этого конверта несколько фотографий. Коробка со сладостями в это время находилась перед ним на столе. Мы сидели друг против друга за столиком, и, когда он достал эти фотогра-

фии, я наклонился над столом и увидел, что на этих фотографиях изображена женщина. Он мне показал снимок, и я немедленно узнал лицо, которое было на фотографии. Это была миссис Чизхолм из британского посольства. Там же были фотографии Чизхолм с ее детьми и отдельно фотографии детей. Я спросил Пеньковского: «В чем дело? Почему у вас фотографии Чизхолм?» Он объяснил, что ему предстоит встреча с нею для того, чтобы поддерживать контакт с нашими лондонскими друзьями, и, вероятно, он будет иметь возможность встретиться с ней на официальных дипломатических приемах в посольстве. Я тогда спросил, что это за коробка с конфетами. Он пояснил, что это, некоторым образом, средство связи с г-жой Чизхолм. Он мне сказал, что встречи с британскими сотрудниками посольства, с дипломатами вообще затруднены, что не совсем удобно часто посещать посольство и что он может встретиться с г-жой Чизхолм неофициально и использовать эту коробку с конфетами как средство связи.

Прокурор: Подсудимый Винн, после всего этого вы поняли, что речь идет о шпионаже, в котором участвуете и вы?

Винн: Да, по-своему я понял, что впутался в грязную историю, и я уже об этом здесь сказал.

(Объявляется перерыв на 2 часа.)

Вечернее заседание

(Стенографическая запись)

16 ч. 00 м.

Командант суда: Прошу встать. Суд идет.

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста. Подсудимый Винн, прошу отвечать на вопросы прокурора.

Прокурор: Как поступил Пеньковский после осмотра фотографий Чизхолм?

Винн: Он мне по моей просьбе их показал и сказал, что я их должен возвратить тому же самому лицу, у которого я их получил.

Прокурор: То есть кому вы должны были их возвратить?

Винн. Чизхолму.

Прокурор: Вы же утверждали, что никаких фотографий от Чизхолма не получали.

Винн: Да, я это по-прежнему утверждаю.

Прокурор: Почему же вы считали, что вы их должны возвратить Чизхолму?

Винн: Это мне сказал Пеньковский, что я должен возвратить эти фотографии лицу, у которого я их получил. А мне еще в Лондоне было сказано, что все, что даст Пеньковский, я должен передавать этому лицу (Чизхолму). И если я не мог встретиться с Чизхолмом в часы работы английского клуба, то я должен был написать записку дежурному по приемной в британском посольстве, адресовав ее второму секретарю посольства Великобритании.

Прокурор: Получили ли вы в этот раз еще что-нибудь от Пеньковского?

Винн: Нет, ничего, кроме этого большого конверта.

Прокурор: Передавали ли вы Пеньковскому в этот раз еще что-либо, кроме коробки с конфетами и пакета?

Винн: Нет, ничего, кроме этих двух предметов, я не передавал. Я получил от него несколько личных подарков, но здесь, видимо, речь идет о более серьезных вещах.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу разрешения поставить вопрос Пеньковскому.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, прошу ответить на вопросы прокурора.

Прокурор: Правильно ли показал подсудимый Гревилл Винн о том, что он получил от вас только один раз пакет, в день своего приезда в Москву?

Пеньковский: Нет, Гревилл Винн показывает неверно. Он получил один пакет в первый день приезда и через дня два — второй пакет.

Прокурор: Дня через два. Не припомните ли вы, накануне какого события это было?

Пеньковский: Это было за два дня до его отъезда, а событие — открытие французской выставки в Сокольниках, на которую мы с Гревиллом Винном ходили.

Прокурор: Что было во втором пакете?

Пеньковский: Я передал ему сломанный фотоаппарат «Минокс» и экспонированную фотопленку.

Председательствующий: Одну или несколько?

Пеньковский: Я имею в виду несколько пленок.

Прокурор: У меня больше нет вопросов к Пеньковскому. Подсудимый Винн, вы ездили с Пеньковским на французскую выставку в Сокольниках?

Винн: Да, мы ее посетили.

Прокурор: Вам передавал в этот раз Пеньковский два свертка, о которых он показывает?

Винн: Нет, нет, ничего не передавал. Я хотел бы здесь дополнить. Я не имел возможности повидать Чизхолма. Я был в Москве в течение трех дней, а английский клуб работает не каждый день. Я смог кое-что передать Чизхолму через дежурного по посольству, но я не имел возможности ничего от него получить. Я ему передал через дежурного по посольству только эти фотографии и ничего другого.

Прокурор: Товарищ председательствующий, прошу разрешить вопрос подсудимому Пеньковскому.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, отвечайте на вопрос прокурора.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, вы получили новый фотоаппарат «Минокс» взамен испорченного?

Пеньковский: Да, я получил новый фотоаппарат взамен испорченного.

Прокурор: Когда и через кого вы его получили?

Пеньковский: Я получил его за день или за два до отъезда Винна, получил фотоаппарат от него.

Прокурор: Винн знал, что имеется в пакете?

Пеньковский: Да, знал. Он знал, что принимал экспонированную пленку.

Прокурор: Он знал о том, что вы передаете через него сломанный фотоаппарат?

Пеньковский: Да, я об этом ему говорил.

Прокурор: Говорили ли вы Винну о том, что вам необходимо иметь новый фотоаппарат?

Пеньковский: Да, он знал об этом. Я остался без фотоаппарата и просил его сказать, что мне необходим новый фотоаппарат.

Прокурор: У меня пока вопросов нет.

Председательствующий: Садитесь, подсудимый Пеньковский.

Прокурор: Товарищ председательствующий, прошу разрешить продолжать допрос подсудимого Винна.

Председательствующий: Пожалуйста.

Прокурор: Подсудимый Винн, что вы можете сказать по поводу показаний подсудимого Пеньковского?

Винн: Я никогда не знал о содержимом пакетов, которые передавал. Пеньковский мне об этом никогда не говорил, и его показания, что я знал об их содержании, неправда. Мне никогда не сообщала об этом и британская сторона. У меня нет возможности убедить вас в этом, но повторяю: я никогда не знал о содержании этих пакетов.

Прокурор: Подсудимый Винн, вы противоречите сами себе, ибо совсем недавно вы показывали, что в одном из пакетов, переданном вами Пеньковскому, были фотографии Анны Чизхолм и ее детей.

Винн: Я видел эти фотографии, я спросил Пеньковского, что это за письмо и зачем ему фотографии

Чизхолм. Он мне ответил, что это просто привет от друзей. Он никогда ничего не говорил мне более точного.

Прокурор: Однако в данном конкретном случае вы осмотрели фотографии, а затем передали их Чизхолму?

Винн: Да, я этого не отрицаю и заявил об этом шесть месяцев тому назад.

Прокурор: Следовательно, вы все же знали, что находится в пакетах, которые вы получали от Пеньковского и передавали в посольство и наоборот?

Винн: Свертки и пакеты, которые я передавал, были большие по объему. Я знал, что там бумага, а об основном их содержании я ничего не знал.

Прокурор: Куда и когда вы выехали из Москвы?

Винн: Я уже говорил, что здесь начался поворотный пункт в моей истории. Я условился с Кингом и его начальником, что я должен поехать в Париж для оказания помощи Пеньковскому. Прямого рейса в Париж не было. Я сел в самолет, который отправлялся в Амстердам 26 августа 1961 года, и, прибыв туда, связался по телефону с Кингом.

Прокурор: Что вы сообщили Кингу?

Винн: Я ему заявил, что я разобрался во всем и чрезвычайно встревожен. Я сказал, что больше я не верю ни ему, ни его начальнику, так как, кроме всего, в эту историю замешана женщина с детьми, и я не собираюсь выезжать в Париж. Он меня попросил не вешать трубку и после перерыва через 3—4 минуты спросил, могу ли я остаться в Амстердаме. Когда я ответил утвердительно, он сказал, что встретится со мною вечером того же дня. Он меня спросил, в какой гостинице я остановлюсь. Я ответил, что в отеле «Шиллер». Кинг сказал, что первым же рейсом он вылетит в Амстердам.

Прокурор: Подсудимый Винн, если вас это тревожило, зачем же вы сообщили Кингу о поездке Пеньковского в Париж?

Винн: В формулировке вашего вопроса мне усматривается, что основным содержанием моего телефонного разговора было сообщение о выезде Пеньковского в Париж. Это не так. Он спросил, будет ли Пеньковский в Париже. Я ответил, что будет.

Прокурор: Кинг прибыл в Амстердам?

Винн: Да, полет из Лондона в Амстердам занял примерно минут 40, и часа через 3 после телефонного разговора Кинг был в Амстердаме.

Прокурор: Какой у вас был разговор с Кингом в Амстердаме?

Винн: У нас была весьма серьезная дискуссия.

Прокурор: Он настаивал на вашей поездке в Париж?

Винн: Он не только настаивал — он командовал, он угрожал мне.

Прокурор: И вы дали свое согласие на поездку в Париж?

Винн: Я согласился, но очень неохотно. Мне угрожали.

Прокурор: Почему вы это сделали, если хотели прекратить сотрудничество с английской разведкой?

Винн: Для меня на этом этапе создались совершенно невыносимые условия. К этому времени моя фирма вела дела общей стоимостью примерно в полтора миллиона фунтов стерлингов по заказу своих клиентов. Мои клиенты требовали от меня каких-либо гарантий или конкретных результатов. Пеньковский обещал мне, когда я буду в Париже, познакомить меня с советским должностным лицом, которое будет отвечать за организацию советской выставки. Действительно, такого рода встреча состоялась. Кинг же, как представитель британских официальных кругов, заявил, что ничего опасного в связи с Пеньковским нет, что речь идет не о шпионаже и что я только помогу установлению хороших отношений между странами и мне нечего опасаться.

Прокурор: Подсудимый Винн, вы показали, что Кинг настаивал на вашем выезде в Париж и даже угрожал?

Винн: Да, это так, но я не закончил свои объяснения и прошу разрешения закончить свои показания в этой части.

Прокурор: Я хочу уточнить один вопрос, подсудимый Винн, у вас. На предварительном следствии (том 4, л. д. 230, английский перевод, л. д. 248—266) вы показывали, что Кинг в этом разговоре сказал вам, что если вы не пожелаете помочь ему, то он сам

примет меры по оказанию помощи Пеньковскому. Судя по этому заявлению, Кинг вам не угрожал и не настаивал категорически на вашем выезде в Париж?

Винн: Вы мне не дали возможности закончить свои показания. В начале нашей беседы Кинг был вполне дружелюбен и вежлив. Он старался создать у меня впечатление, что в связи с Пеньковским и в моей поездке ничего опасного нет, а затем, когда он понял мое настроение, то начал угрожать и заявил мне, что мое дело пострадает, если я не буду помогать ему. Он действительно угрожал, грозил последствиями, если я откажусь от оказания этой помощи. Поверьте мне, что в Англии достаточно телефонного звонка должностного лица директору какой-либо фирмы, и моя репутация как делового человека понесла бы значительный урон, а я никак не хотел, чтобы моему делу был нанесен урон, так как это — дело моей жизни.

Прокурор: Правильно будет считать, что вы приняли решение выехать в Париж и организовать там встречу с Пеньковским под угрозами английской разведки, и в частности под угрозой Кинга?

Винн: По положению дел на данный момент это справедливо, однако я хотел бы сделать добавление. В тот момент — я хочу это подчеркнуть — Кинг неоднократно отмечал, что он ничего общего не имеет с британской разведкой и моя деятельность не связана с разведкой.

Прокурор: Подсудимый Винн, вы говорили на следствии и подтвердили на суде о том, что Кинг является разведчиком.

Винн: Нет, я не говорил этого, и Кинг никогда не говорил мне, что он британский разведчик. Я говорил, что Кинг мне известен как офицер британской службы безопасности, прикомандированный к британскому министерству иностранных дел. Возможно, что его начальник при министерстве иностранных дел возглавлял не только этот отдел или подраздел, к которому принадлежал Кинг. Я был уверен, что Аккройд и Кинг служат в разных отделах или подотделах британского министерства иностранных дел. Я помню, что Кинг, уточняя свои функции, сказал, что он отвечает за то, чтобы сведения о его переговорах с Пеньковским не проникли в печать, с тем чтобы не была испорчена пер-

спектива организации переговоров на более высоком уровне.

Прокурор: На мой вопрос перед перерывом вы ответили, что, осматривая фотографии Анны Чизхолм, вы поняли, что занимаетесь шпионажем и лично участвуете в этом.

Винн: К тому времени в моем сознании действительно возникли такие подозрения, но надо сказать, что во время этих бесед, когда я выражал свои сомнения, на каждый мой аргумент выдвигался контраргумент, который казался мне вполне достаточным.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы не точно отвечаете на вопрос прокурора. До ухода на перерыв вы сказали, что поняли, что занимаетесь шпионажем, а сейчас вы отрицаете это. Вот о чем идет речь.

Винн: К тому времени, когда состоялась моя встреча с Кингом в Амстердаме, я действительно начал понимать, что занимаюсь шпионажем. Я сопоставил все эти факты: коробку со сладостями, женщину и ее детей, и в моем сознании все более четко вырисовывалось положение вещей. Но, как только я начинал выражать сомнения, они все туже затягивали тиски, в которые я попал.

Председательствующий: Подсудимый Винн, для чего вы поехали в Париж: для бизнеса или для шпионажа?

Винн: Я поехал в Париж для бизнеса, а не для шпионажа. Я все время боялся, что у меня с Пеньковским произойдет размолвка и он перестанет мне помогать, а моя фирма вела дела с восемью фирмами.

Председательствующий: Товарищ прокурор, прошу продолжать.

Прокурор: Подсудимый Винн, прошу ответить на вопрос: у вас были какие-нибудь коммерческие дела в Париже в это время?

Винн: После разговора с Кингом, когда под угрозами я согласился выехать в Париж, я изменил свои планы и в Париже занимался делами.

Прокурор: Я спрашиваю: были у вас коммерческие дела для поездки в Париж не после разговора, а до разговора с Кингом?

Винн: Таких планов у меня не было.

Прокурор: Следовательно, вы изменили свои планы после разговора с Кингом и после получения задания от Кинга?

Винн: Да, это так. Я должен объяснить, что мое посещение Парижа обсуждалось еще в Лондоне до моей поездки в Москву, и я согласился на эту поездку, но потом изменил свое решение и телефонировал Кингу, что в Париж не поеду.

Прокурор: И все же согласились поехать в Париж?

Винн: Да, у меня не было выбора.

Прокурор: Тем самым вы согласились и в дальнейшем выполнять задания английской разведки?

Винн: Да, если вам угодно так толковать мои показания, но я это сделал очень неохотно, у меня не было другого выбора.

Прокурор: Какие задания английской разведки вы получили на время пребывания в Париже?

Винн: Кинг в то время все еще продолжал отрицать, что это связано со шпионажем. Он мне сказал, что я должен развлекать Пеньковского в Париже, помогать ему там по этой линии.

Прокурор: По линии развлечений?

Винн: Да, по линии развлечений.

Председательствующий: Вы были обязаны встретить Пеньковского?

Винн: Да, должен был встретить.

Председательствующий: Подсудимый Винн, сколько дней вы встречали Пеньковского в Париже?

Винн: Я встречался с ним, очевидно, четыре или пять раз, и все по линии приемов, развлечений.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы не поняли мой вопрос. Сразу в первый день встретили вы Пеньковского или Пеньковский прибыл через какое-то время?

Винн: Нет, я не знал, когда прибывает Пеньковский в Париж. Не знал, когда прилетит Пеньковский, поэтому Кинг меня просил справляться о всех рейсах самолетов из Москвы в Париж и встречать их в аэропорту.

Председательствующий: Сколько же времени вы встречали Пеньковского в аэропорту?

Винн: Очевидно, около 10—14 дней, но я не каждый день бывал в аэропорту, потому что в отдельные

дни в Париж прилетают три самолета из Москвы, а есть дни, когда самолеты из Москвы в Париж вообще не прилетают.

Председательствующий: Подсудимый Винн, значит, вы проявили большое усердие в выполнении заданий Кинга.

Винн: Я всегда проявляю большое усердие к тому, что делаю: идет ли речь о моих делах либо о чем другом; я ничего не делаю наполовину.

Председательствующий: Товарищ прокурор, прошу продолжать допрос.

Прокурор: Подсудимый Винн, когда вы прибыли в Париж?

Винн: Простите, но я должен справиться в своем листочке. 6 сентября.

Прокурор: А Пеньковский когда прибыл в Париж?

Винн: 20 сентября.

Прокурор: Кому вы сообщили о своем прибытии в Париж?

Винн: Я это сделал не сразу. Кинг спросил меня, в какой гостинице обычно я останавливаюсь в Париже. Я назвал эту гостиницу. И когда я туда прибыл, у портье уже была для меня записка с предложением позвонить по определенному телефону.

Прокурор: Вы помните этот телефон?

Винн: Нет, я не помню. Я уже говорил о том, что у меня очень скверная память на цифры, но я записал этот телефон в одной из моих записных книжек, и эта книжка находится где-то здесь, в вещественных доказательствах.

Прокурор: Товарищ председательствующий, прошу дать осмотреть участникам процесса и предъявить Винну записную книжку.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите подсудимому Винну и адвокатам записную книжку.

(Предъявляется.)

Прокурор: Назовите номер этого телефона.

Винн: Ви-Эйч-Джи 43-48.

Прокурор: Подсудимый Винн, это парижский телефон?

Винн: Да, это парижский телефон.

Прокурор: Вы звонили по этому телефону?

Винн: У портье, как я уже говорил, была записка, в которой было указано: позвонить по телефону. Я позвонил и по голосу узнал, что это Кинг.

Прокурор: Что вы ему сообщили?

Винн: Я ему сообщил, что я прибыл в Париж. Кинг сказал, что, когда Пеньковский приедет, мне надо будет доставить его в гостиницу.

Прокурор: Он так и сказал: «Когда приедет Пеньковский»? Или он назвал его как-то иначе?

Винн: Нет, он его назвал «Янгом».

Прокурор: Подсудимый Винн, с момента вашего приезда и до приезда Пеньковского — с 6 по 20 сентября — чем вы занимались в Париже?

Винн: Я уже объяснял, что самолеты из Москвы в Париж прилетают не каждый день. В частности, нет прибытия самолетов по субботам и воскресеньям. В эти дни я вылетал домой в Лондон. А в остальные дни, если рейсовые самолеты приходили в 10 часов утра и у меня оставалось много времени, я это время посвящал своим делам.

Председательствующий: Вы все время бронировали номер в гостинице для Пеньковского, свои деньги вы расходовали на это?

Винн: Я оплачивал этот номер сам, из своих личных средств.

Председательствующий: Кто возместил вам эти расходы?

Винн: После моего возвращения из Парижа в Лондон эти затраты были мне компенсированы Кингом.

Председательствующий: Иначе говоря, английской разведкой?

Винн: В конечном итоге это так.

Председательствующий: Товарищ прокурор, продолжайте допрос.

Прокурор: Вы в конце концов встретили Пеньковского?

Винн: Да, я его встретил. Он прибыл 20 сентября.

Прокурор: Вы сделали об этом где-либо отметку?

Винн: Возможно, я это сделал, и, может быть, ее можно найти в дневнике.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить дневник Винна за 1961 год, запись от 20 сентября.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите этот материал подсудимому Винну и адвокатам.

(Предъявляется.)

Винн: На листе за 20 сентября я сделал запись о том, что «Янг» прибыл.

Прокурор: Что вы сообщили Пеньковскому при встрече в Париже?

Винн: Я сообщил ему, что его друзья с негерпением ждут его прибытия в Париж, что я ему приготовил номер в гостинице. Эта встреча, о которой я говорил, с этими лицами состоялась вечером того же дня.

Прокурор: Передал ли вам при встрече Пеньковский какие-либо материалы?

Винн: На предварительном следствии до очной ставки с Пеньковским я отрицал, что Пеньковский мог что-либо мне передать. Однако на очной ставке Пеньковский так упорно утверждал это, так был настойчив, что я ответил утвердительно, усомнившись, не изменила ли мне память, не запомнил ли я.

Пеньковский утверждал, что оставил пакет на сидении автомашины. Однако сейчас я вновь категорически отрицаю, что Пеньковский мне что-либо передал в Париже. Кинг уверил меня, что в Париже мне ничего не будут передавать и я не буду служить ни посредником, ни связником.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я хочу задать вопрос Пеньковскому.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, ответьте на вопрос прокурора.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, в Париже вы передали что-либо Винну?

Пеньковский: Да, в аэропорту «Ле Бурже» меня встретил Винн со своей автомашиной. В машине мы ехали вдвоем, и по дороге в гостиницу я передал ему сверток с 15 экспонированными пленками. Винн сказал, что он в этот же день доставит это нашим друзьям. Сказал, что не все друзья еще приехали. В этот вечер мы вместе с ним ужинали, а встреча с друзьями состоялась через три дня.

Прокурор: У меня больше вопросов нет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, садитесь.

Прокурор: Подсудимый Винн, вы слышали показания Пеньковского?

Винн: Да, я их слышал.

Прокурор: Вы подтверждаете их или отрицаете?

Винн: Нет, я их самым категорическим образом отрицаю. Как только я позвонил Кингу, он воскликнул: «Слава богу! Наконец-то он прибыл, а то нам осточертело ждать так долго». Встретились они в тот же вечер.

Прокурор: Подсудимый Винн, кто возил Пеньковского на встречу и куда?

Винн: Кинг мне сказал, что я должен доставить Пеньковского к одному мосту через Сену, а если Пеньковский перейдет на другую сторону моста, то есть на противоположную сторону, то будет встречен друзьями. Это было в день приезда Пеньковского.

Прокурор: Странное дело. В Париже находится Кинг, который заинтересован во встрече с Пеньковским, так почему же надо было вам встречать и возить Пеньковского на встречу с Кингом? Почему сам Кинг не встретил Пеньковского и не организовал с ним встречу?

Винн: Да, это странно, но мне было объяснено, что Пеньковский мне доверяет. Пеньковскому я нравлюсь. Я не знал, встречался ли до этого Кинг с Пеньковским. Кинг говорил, что мне надо для пользы дела встретиться с Пеньковским и неофициально занимать его развлечениями.

Прокурор: Подсудимый Винн, приходилось ли вам раньше организовывать такого рода встречи других лиц, скажем, в области коммерции?

Винн: Да, конечно, я занимался этим в течение последних 10 лет. Это мне было необходимо для коммерции, так как я вел довольно крупные дела и был специалистом в этом деле. Поэтому, я думаю, британская разведка и обратилась ко мне с этим предложением, исходя из моего опыта установления деловых связей, и поэтому я вначале не был озабочен этим.

Прокурор: Можно ли из этого заключить, что у вас имелся опыт в области экономической разведки?

Винн: Мне не нравится этот термин — «экономическая разведка», но, конечно, я этим занимался. Я действительно сводил конкурентов, узнавал, по какой цене заключаются контракты и т. д.

Прокурор: Следовательно, английская разведка, видимо, не случайно привлекла вас к разведывательной деятельности, но не касающейся экономических вопросов?

Винн: Да, очень вероятно, что именно поэтому меня использовали, но, конечно, я всего этого в то время не знал.

Прокурор: Посещали ли вы в Париже с Пеньковским рестораны, увеселительные места?

Винн: Да, посещали.

Прокурор: Кто оплачивал расходы?

Винн: Я оплачивал эти счета, а затем они были компенсированы Кингом.

Прокурор: Что вам говорил Пеньковский о своих встречах в Париже?

Винн: Он мне говорил, что это были очень интересные встречи, что в них принимали участие несколько американцев, но никаких деталей он не раскрывал.

Прокурор: Встречались ли вы в Париже с другими сотрудниками разведки кроме Кинга?

Винн: Да, я встречался с г-ном и г-жой Чизхолм. Было это на второй или на третий день после приезда Пеньковского в Париж. Это было 21 или 22 сентября.

Прокурор: О чем у вас был разговор с ними?

Винн: Это было в баре гостиницы «Шиллер». Я вошел в бар гостиницы, увидел там г-жу Чизхолм, а рядом с ней сидело какое-то лицо. Кинг сидел, при этом он поднялся и представил мне г-жу Чизхолм. Когда я увидел ее спутника, то узнал, что это был человек, с которым я встречался в Москве.

Прокурор: А с г-жой Чизхолм какие у вас были разговоры, в частности о коробке конфет?

Винн: Как только мы были представлены друг другу, Кинг сказал: «Анна,— мне кажется он ее так называл,— вот здесь Гревилл очень обеспокоен вашими детьми и сладостями. Пожалуйста, объясните, в чем здесь дело?» Г-жа Чизхолм рассмеялась, показав, что ничего серьезного нет, что она никак не подвергнет риску своих детей и что я слишком серьезно смотрю на вещи. Она делала вид, что не придает этому значения.

Прокурор. Подсудимый Винн, с кем из разведчиков

вы встречались в Лондоне по возвращении из Парижа?

Винн: Прошу прощения, я хочу обратиться опять к своей памятной записке. Я возвратился в Лондон 17 октября. В конце месяца мне позвонил по телефону Кинг и спросил, есть ли у меня счета по расходам, связанным с пребыванием Пеньковского в Париже. Мы встретились с Кингом, обсудили только эти счета, о более серьезном разговоре не было, и через несколько дней я получил эти деньги.

Прокурор: А в декабре 1961 года у вас была встреча с Кингом?

Винн: Была, но когда — точно не помню, может быть, в конце ноября, а может быть, в начале декабря.

Прокурор: По какому поводу?

Винн: В декабре я получил приглашение посетить квартиру в Челси, о которой я здесь рассказывал. Там ожидали меня Кинг и его начальник. Мне было сделано предложение посетить Москву в январе или феврале 1962 года.

Прокурор: А в связи с поездкой в Москву вы получали какие-либо предложения со стороны Кинга?

Винн: Он сказал, что есть необходимость в том, чтобы я посетил Москву в январе или феврале 1962 года. Я твердо отказался и сказал, что не хочу ничего общего иметь с этим делом.

Председательствующий: Вам Кинг передавал какие-либо номера телефонов в Америке?

Винн: Нет. В то время он мне никаких телефонов не передавал. Это было позднее, в марте — апреле 1962 года.

Председательствующий: Какие это были телефоны?

Винн: Было два телефона — один в Нью-Йорке и другой в Сиэтле.

Председательствующий: Кому принадлежали эти телефоны?

Винн: Мне было сказано, что Пеньковский должен выехать в США. Если он захочет связаться со своими друзьями, то он может установить связь с помощью этих телефонов.

Председательствующий: Вы передали эти телефоны?

Винн: Нет, я этого не сделал.

Председательствующий: Товарищ прокурор, прошу продолжать допрос.

Прокурор: Я попрошу рассказать о встрече с Кингом и его начальником в 1962 году. По какому поводу она состоялась? Какие предложения вам были сделаны?

Винн: Встреча эта имела место в районе Челси Клойстерс. Это очень недалеко от моей конторы. Этот начальник заявил мне сразу же: «Нам необходимо, чтобы вы направились в Москву». До сих пор меня спрашивали, планирую ли я поездку в Москву или нет. Здесь же мне заявили категорически. Я сказал, что нет, я не хочу ехать, вы, очевидно, мне лгали о моей истинной роли, я ничего не смыслю в этих ваших делах и ничего не хочу иметь с вами общего. И я действительно в течение полугода Москву не посещал, отказавшись иметь что-либо общее с этими лицами.

Прокурор: В конечном итоге вы предприняли что-либо для поездки в Москву?

Винн: К июлю 1962 года круг замкнулся, тиски были сжаты до отказа. Я понял, что втянут в очень серьезное и некрасивое дело, но все мои попытки выбраться из этой сети были безуспешными.

Председательствующий: Подсудимый Винн, кто, как вы сказали, зажал эти тиски до отказа?

Винн: Это сделали британские разведчики.

Прокурор: Перед выездом в Москву вы с кем-либо знакомились в Лондоне?

Винн: Да, я познакомился с неким Кауэллом.

Прокурор: Кто его познакомил с вами?

Винн: Кинг и его шеф.

Прокурор: На какой предмет состоялось это знакомство?

Винн: Мне объяснили, что Чизхолм, очевидно, выедет из Москвы и его место в британском посольстве здесь займет Кауэлл.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу огласить протокол опознания подсудимым Винном сотрудника английского посольства в Москве Кауэлла, находящийся в томе 5, л. д. 39—40.

Подсудимый Винн, на предварительном следствии вы опознали по фотокарточке Кауэлла?

Винн: Да, я это сделал.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предьявите подсудимым и адвокатам протокол опознания Винном Кауэлла.

(Предъявляется.)

Прокурор: Вы подтверждаете, что под № 3 фотография Кауэлла — человека, который должен был заменить Чизхолма?

Винн: Да, как я понял, это так.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу дать распоряжение огласить справку о дипломатическом положении Кауэлла в Москве. Находится в пакете тома 9, л. д. 8.

Председательствующий: Товарищ секретарь, огласите эту справку Министерства иностранных дел Союза ССР.

Секретарь: Посольство Великобритании. Фамилия — Кауэлл, имя — Гервейс. Подданство — Великобритания. Должность — второй секретарь посольства. Прибыл 27 августа 1962 года. Адрес: Садово-Самотечная улица, дом 12/24, квартира 48. Справка заверена протокольным отделом МИД.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы встречались в Москве с Кауэллом?

Винн: Нет, его в Москве я никогда не встречал.

Председательствующий: Товарищ прокурор, прошу продолжать допрос.

Прокурор: Какое задание английской разведки вы получили, уезжая в Москву?

Винн: Я получил задание передать Пеньковскому сверток с подарками от Кинга. Затем я получил от Пеньковского какой-то пакет, передал его дежурному британского посольства в английском клубе и затем передал Пеньковскому то, что они мне передали.

Прокурор: А что они вам передали?

Винн: Мне дали довольно объемистый запечатанный пакет и жестяную коробку с порошком «Харпик». Чизхолм сказал мне: «Посмотрите, что я делаю». Он взял эту жестяную банку в одну руку, отвинтил ее днище и затем поставил это днище на место.

Прокурор: Я прошу уточнить — сказал или написал?

Винн: Он это написал.

Прокурор: На бумажке?

Винн: Да, на бумажке.

Прокурор: А потом сам показал, как это делается, а вы смотрели?

Винн: Да.

Председательствующий: Подсудимый Винн, это был тайник для передачи шпионских сведений?

Винн: Да, это, конечно, служило средством передачи.

Прокурор: Кому вы должны были передать эту банку из-под порошка «Харпик»?

Винн: Я не должен был ее передавать, а должен был показать ее Пеньковскому.

Прокурор: Вы ее показали Пеньковскому?

Винн: Да.

Прокурор: И рассказали, как надо с ней обращаться?

Винн: Я не показал, как нужно пользоваться ею, но показал, как открывать этот контейнер и как устанавливать его дно на место.

(В зале смех.)

Это разница.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, вы подтверждаете показания Винна?

Пеньковский: Да, я подтверждаю показания Винна в части банки из-под «Харпика». Он показал мне, как она открывается. Эта банка типа маленького термоса. Он открыл днище, показал в днище место для помещения материалов, закрыл и потом попросил меня проделать то же самое, потому что после этого я должен был эту банку вернуть. Все показания Винна в этой части подтверждаю.

Председательствующий: Сколько можно вложить записок в эту банку?

Пеньковский: В диаметре эта банка примерно сантиметров 8—10, значит, в нее можно было вложить свернутое письмо и 10—15 штук пленок.

Председательствующий: Садитесь, подсудимый Пеньковский.

Товарищ прокурор, продолжайте допрос Винна.

Прокурор: Что это был за пакет, который вы получили в посольстве?

Винн: Этот пакет напоминал те пакеты, которые я получал в прошлом. Он, правда, несколько объемистей. Это был законвертованный пакет, оклеенный по краям прозрачной лентой.

Прокурор: А вы в этот раз получили пакет от Пеньковского?

Винн: Да, получил.

Прокурор: А что это был за пакет?

Винн: Это был пакет форматом с тот листок, который лежит передо мной, примерно 16×14 сантиметров и 2—3 сантиметра толщиной, но я все-таки смог его поместить в карман.

Прокурор: Кому вы его передали?

Винн: Я передал его Чизхолму.

Прокурор: В то самое время, когда получили от Чизхолма банку из-под «Харпика» и письмо?

Винн: Да, именно в этот момент, в первый день своего прибытия.

Прокурор: А конверт, который вы получили в этот раз от Чизхолма, что он из себя представлял?

Винн: Я уже объяснил. Это был конверт такого же размера, как обычный, но на сей раз он был несколько более толстый по объему. Вот примерно такого размера *(показывает)*.

Прокурор: Вы этот пакет вручили Пеньковскому?

Винн: Да.

Прокурор: Вы знали, что было в этом пакете?

Винн: Нет. В тот момент у меня не было ни малейшего представления о его содержании. Но после я видел, как Пеньковский извлек из этого пакета два предмета.

Прокурор: Что это за предметы?

Винн: Первый предмет — письмо, текст довольно пространный, и затем были фотографии двух лиц.

Прокурор: Двух лиц или больше?

Винн: Я видел фотографии двух пар.

Прокурор: Двух пар?

Винн: Там были две пары: двое мужчин и две женщины.

Прокурор: Вы знали фамилии этих мужчин и женщин?

Винн: Да, эти фамилии были написаны на обратной стороне снимков.

Прокурор: Вы можете их назвать?

Винн: Да, на одной фотографии — Карлсон.

Прокурор: Карлсона вы видели ранее?

Винн: Нет, я его никогда не видел.

Прокурор: Однако на предварительном следствии по фотографии вы опознали Карлсона и его супругу.

Винн: Да, я их узнал по сходству с теми снимками, которые мне показывал Пеньковский.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу огласить протоколы опознания подсудимым Винном по фотокарточке Карлсона (том 5, л. д. 36—37) и его супруги (том 5, л. д. 37—38).

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите протоколы.

(Предъявляются. Подсудимый Винн на первом протоколе по фотокарточке под № 4 опознает Чизхолма, а под № 2 — Карлсона. На втором протоколе опознания по фотокарточке под № 1 подсудимый Винн опознает Анну Чизхолм, а по фотокарточке под № 2 — г-жу Карлсон.)

Председательствующий: Товарищ секретарь, огласите, пожалуйста, справки МИД в отношении Карлсона и его жены.

Секретарь: Посольство Соединенных Штатов Америки, фамилия — Карлсон, имя — Родней Вильям, дата рождения — 26 февраля 1932 года. Гражданство — США, должность — атташе посольства, прибыл 26 июня 1962 года, адрес: ул. Чайковского, 19/21.

Посольство США, фамилия — Карлсон, имя — Патриция, гражданство — США, дата рождения — 5 апреля 1932 года, супруга атташе посольства, прибыла 26 июня 1962 года. Заверено протокольным отделом МИД.

Прокурор: Подсудимый Винн, на какой предмет осматривал фотокарточки этих лиц Пеньковский?

Винн: Он мне заявил, что надо запомнить эти лица, так как он хотел с ними встречаться на дипломатических приемах.

Прокурор: Подсудимый Винн, кому вы возвратили банку из-под порошка «Харпик»?

Винн: Я завернул ее в лист бумаги и возвратил вместе с фотокарточками дежурному посольства, адресовав ее секретарю британского посольства.

Прокурор: Подсудимый Винн, в этот свой приезд вы какие-нибудь деньги Пеньковскому передавали?

Винн: Нет, я никогда вообще не передавал никаких денег и не видел, за исключением тех денег, которые были в руках Пеньковского, когда он платил во время посещения ресторанов.

Прокурор: Товарищ председательствующий, разрешите мне обратиться к Пеньковскому?

Председательствующий: Пожалуйста.

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, именно в этот раз вы получили те 3 тысячи, о которых вы давали показания?

Пеньковский: Да, именно в этот раз Винн передал мне пакет, в котором были 3 тысячи, проект статьи, две подвески для ключей, сигнальные открытки. Я показал об этом правильно, прошу поверить мне. Что же касается фотографий, то если бы они были в пакете, я принес бы их домой. Винн достал фотографии из своего кармана и сказал: «Ознакомьтесь с этими карточками». Я ознакомился и тут же вернул, и, как показал Винн, он вернул их в посольство. Поэтому я прошу Винна поправиться в своих показаниях.

Прокурор: Подсудимый Винн, вы слышали показания Пеньковского? Ведь вы действительно должны были эти карточки вернуть обратно в посольство?

Винн: Да, об этом мне сказал Пеньковский, и я вернул их в посольство. Это единственный случай, когда я был посвящен в содержание пакета, который передавал.

Прокурор: А в посольстве вам не давали указания, что вы должны показать карточки Пеньковскому и вернуть их обратно?

Винн: Нет, никаких указаний и инструкций в посольстве мне не давали.

Прокурор: Получается противоречие: если бы Пеньковский не вскрыл пакета, то он не смог бы вернуть фотокарточки обратно?

Винн: Да, но я встречался с ним на следующий день и еще на следующий. Я не знал, когда и каким образом он обязан был это сделать, но он мне сказал, чтобы я передал фотокарточки в посольство.

Прокурор: Следовательно, это еще один случай,

когда вы знали кое-что из того, что находилось в пакетах?

Винн: Нет. Вот в течение шести месяцев я настойчиво и последовательно утверждаю, что я знал только о фотокарточках и о банке из-под порошка «Харпик». Это правда и истинная правда.

Прокурор: А этого разве недостаточно для того, чтобы знать, чем вы занимаетесь?

Винн: Да, я уже заявлял здесь о том, что к этому времени я убедился, о какого рода деятельности идет речь. Но у меня не было никакого выхода. Я к моменту посещения Парижа в этой связи находился все время под угрозой. Я должен был продолжать свою деловую активность, и, повторяю, у меня не было никакого выхода. Я понимал, что тексты, снимки и эта банка связаны с определенной деятельностью. Но, чем больше я углублялся в это дело, тем больше понимал, что мне грозит большая опасность, понимал, насколько серьезно это дело. Но я вынужден был продолжать связь.

Прокурор: Подсудимый Винн, именно в этот раз у вас состоялся разговор с Пеньковским о возможном его побеге на Запад?

Винн: Когда Пеньковский вскрыл пакет (а вскрыл он его в кармане своего пиджака, он обычно так и вскрывал пакеты в моем присутствии), он извлек оттуда довольно пространное письмо. Я спросил его: «О чем все это?» Он сказал, что здесь обычные приветствия ему, Пеньковскому, а затем добавил: «Здесь мне сообщают, как я могу бежать на Запад, если я хочу быстро покинуть свою страну. Ваши люди довольно умные, они предлагают здесь довольно много способов, и один из способов — побег на подводной лодке».

Прокурор: Где происходил этот разговор?

Винн: В гостинице «Украина».

Прокурор: Конкретно?

Винн: Пеньковский пришел ко мне в номер, вошел в уборную при этом номере, открыл кран и в то время, как раздавался шум воды в раковине, сообщил мне об этом.

Председательствующий: Вода была пущена для предосторожности, что ли?

Винн: Похоже, что так.

Прокурор: Товарищ председательствующий, я прошу предъявить подсудимому Винну и осмотреть «Королевский дневник» за 1962 год, принадлежащий ему и находящийся в коробке с вещественными доказательствами.

Председательствующий: Какая страница дневника?

Прокурор: От 5 июля.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите подсудимому Винну дневник.

(Предъявляется.)

Винн: Здесь на листке от 5 июля я записал: «Посещение Пеньковским гостиницы». Пеньковского я назвал «Янгом».

Председательствующий: Тоже для предосторожности, как и в случае с водой?

Винн: Я до сих пор не могу написать фамилию Пеньковского в латинском начертании. Гораздо проще записать «Янг».

Прокурор: Состоялась ли у вас встреча с Пеньковским в ресторане «Пекин»?

Винн: Прошу прощения, на подступах к нему.

Прокурор: Да, на подступах. Она нормально прошла?

Винн: Это была необычная встреча. Мы условились встретиться в 9 часов вечера у входа в гостиницу.

Прокурор: Встреча состоялась или нет?

Винн: Я прибыл к месту встречи минут за 10—15. Через несколько минут я увидел Пеньковского. Вы хотите, чтобы я подробно рассказал?

Прокурор: Встреча эта состоялась или не состоялась?

Винн: Да, состоялась.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, была эта встреча?

Пеньковский: Винн правильно показывает: встреча состоялась 5 июля 1962 года.

Прокурор: Подсудимый Винн, никаких подозрений у вас и у Пеньковского не возникло о наблюдении за вами?

Винн: У Пеньковского такое подозрение было. Он

сказал, что за ним установлено наблюдение, даже произнес слово «наблюдение» на английском языке.

Прокурор: Вы об этом сообщили кому-нибудь?

Винн: Я сообщил об этом по возвращении в Англию Кингу и его шефу.

Прокурор: А Чизхолму?

Винн: Я Чизхолма не видел по возвращении в Лондон. Он был в Москве.

Прокурор: А в Москве вы ему сообщили?

Винн: Наша встреча по не зависящим от нас обстоятельствам развития не получила. Мы в ресторан с Пеньковским не пошли, никакой программы на этот вечер другой у меня не было, поэтому я пошел в американский клуб на Софийской набережной, в Москве, и там встретил г-на Чизхолма с супругой. Эта встреча не планировалась, она произошла совершенно случайно: в этот день в клубе был какой-то прием.

Прокурор: И тогда вы сообщили Чизхолму, что Пеньковский предупредил вас, что за вами установлено наблюдение?

Винн: Да, я сказал об этом Чизхолму. Я тогда был взволнован и видел, что Пеньковский также очень взволнован, и я об этом рассказал Чизхолму.

Прокурор: А где происходил этот разговор с Чизхолмом?

Винн: В мужской уборной.

Прокурор: Расскажите, подсудимый Винн, говорили ли вам Пеньковский в этот приезд ваш в Москву о том, что он сотрудничает с английской и американской разведками одновременно.

Винн: Да, он мне рассказал очень многое в аэропорту.

Прокурор: В аэропорту, а может быть, в другом месте?

Винн: Кое-что он мне говорил и в номере гостиницы непосредственно перед моим отъездом в аэропорт, а кое-что в аэропорту.

Председательствующий: Подсудимый Винн, я прошу вас точнее ответить на вопрос: сказал он вам, что сотрудничает с разведками — английской и американской?

Винн: Мне очень трудно воспроизвести точно его слова, но общий смысл я помню хорошо. Он действи-

тельно сообщил мне, что он сотрудничает с американской и английской разведками одновременно.

Прокурор: Где был этот разговор?

Винн: Этот разговор состоялся рано утром в московском аэропорту за 30—60 минут до моего отлета.

Прокурор: А в гостинице о чем был разговор?

Винн: Пеньковский в то время был очень болен, он производил впечатление лихорадочно возбужденного человека, и я точно не помню, что именно он мне говорил в номере гостиницы, а что — перед отлетом в здании аэропорта.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, был такой разговор у вас о сотрудничестве?

Пеньковский: Да, разговор такой был, но только не в момент отлета, а 21 апреля 1961 года, на второй день начала моей работы с английской и американской разведками.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вам перевели показания Пеньковского?

Винн: Да, перевели.

Председательствующий: Подсудимый Винн, подсудимый Пеньковский утверждает, что этот разговор был 21 апреля 1961 года.

Винн: Это не так. Если бы это было так, я бы не сидел здесь сегодня на скамье подсудимых.

(Объявляется перерыв на 20 минут.)

(После перерыва)

18 ч. 20 м.

Комендант суда: Прошу встать, суд идет!

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый Винн, прошу отвечать на вопросы прокурора.

Прокурор: Подсудимый Винн, по возвращении в Англию из Москвы у вас были встречи с английскими разведчиками?

Винн: Вы имеете в виду после июля 1962 года?

Прокурор: Совершенно правильно.

Винн: Да, у меня были две встречи.

Прокурор: С кем вы встречались?

Винн: Дважды я встречался с Кингом и с шефом.

Прокурор: По какому поводу были эти встречи?

Винн: Я хотел, так сказать, скрестить с ними шпаги и сказать все, что я думаю об их лжи. Я также хотел им сообщить, что здесь, в Москве, за мной было установлено наблюдение, что подтверждало мои опасения.

Прокурор: Вы сообщили им об этом?

Винн: Да, сообщил.

Прокурор: Вас подробно спрашивали, где вы заметили за собой наблюдение, и вы показывали им на плане г. Москвы путь своего движения с Пеньковским?

Винн: Да, во время первой встречи я рассказал о всех своих перемещениях в момент встреч с Пеньковским. Во время второй встречи они принесли с собой крупномасштабную карту одного из районов, прилегающих к гостинице «Геккин», в Москве.

Прокурор: И вы по этой карте показывали маршрут своего движения?

Винн: Да, показывал.

Прокурор: После того как вы «скрестили шпаги» с разведчиками и прочитали им мораль об их лжи, они раскаялись в своих делах?

Винн: Нет, они никогда не раскаиваются.

Прокурор: Как вы расцениваете сейчас всю свою преступную деятельность против Советского Союза?

Винн: У меня никогда не было намерений прибыть в Советский Союз с тем, чтобы злоупотреблять гостеприимством, которое мне было здесь оказано Министерством внешней торговли СССР.

Прокурор: Да, но жизнь показала другое. Судебный процесс показал, что вы совершили тяжкое преступление против Советского Союза. Как вы оцениваете эту свою деятельность?

Винн: Я полностью согласен с заявлением прокурора: это справедливо.

Прокурор: Что справедливо?

Винн: Я согласен с тем, что это — грязное дело, и, если бы я с самого начала знал, что это так, я бы никогда не начинал его. Я не думаю, что шпионаж с обеих сторон в мирное время оправдан.

Прокурор: Здесь речь идет о шпионаже с вашей стороны. Как вы расцениваете эту свою деятельность? Как вы к ней относитесь?

Винн: Что касается меня лично, то я никак не хотел быть привлеченным к этому. К тому же у меня не было никакой специальной подготовки. Правда, я об этом узнал очень многое за последние шесть месяцев, и мне все это дело не нравится.

(Смех в зале.)

Прокурор: Но в ходе судебного следствия мы установили, что вы об этом «деле» знали давно, на протяжении всей своей деятельности.

Винн: Нет, на протяжении всей своей деятельности я об этом не знал. Поворотным пунктом был эпизод в Париже.

Прокурор: Вы осуждаете эту свою деятельность?

Винн: Да, самым определенным образом осуждаю.

Прокурор: Товарищ председательствующий, у меня больше нет вопросов к подсудимому Винну.

Председательствующий: Адвокат Боровик, у вас есть вопросы?

Адвокат Боровик: Да, имеется два вопроса биографического порядка.

Скажите, Гревилл Винн, в какой семье вы родились, кто были ваши родители?

Винн: Мой отец инженер, он жив, ему сейчас 86 лет. На протяжении всей своей жизни он занимался конструкторской работой. Мать моя умерла, когда мне было 12 лет. Я могу определить свою семью как respectable семью так называемых средних классов в Англии.

Адвокат Боровик: Ваше участие во второй мировой войне?

Винн: Я вступил в армию Великобритании в 1939 году, в начале войны. Начал службу рядовым, со временем получил офицерское звание и закончил службу в 1945 году в звании капитана. Я принимал участие в десантных операциях в день открытия второго фронта в Нормандии, был ранен в Бельгии, пять месяцев после ранения провел в госпиталях. Имею две медали.

Адвокат Боровик: По существу, вы всю войну находились в действующей армии?

Винн: Да, я был в действующей армии всю войну.

Адвокат Боровик: Товарищ председательствующий, разрешите задать вопросы Винну по существу предъявляемого ему обвинения?

Председательствующий: Пожалуйста.

Адвокат Боровик: Подсудимый Винн, когда вы первый раз приехали в Москву?

Винн: В 1957 году.

Адвокат Боровик: А потом вы часто приезжали в Москву?

Винн: Начиная с 1957 года я был в Москве девять раз. Конечно, не принимая во внимание это теперешнее мое посещение.

Адвокат Боровик: Если мы здесь установили, что после приезда в Москву 6 апреля 1961 года вы были в ней четыре раза, то, значит, до этого вы были в Москве пять раз?

Винн: Да, это правильно.

Адвокат Боровик: С какими целями вы приезжали в Москву?

Винн: На 100% с коммерческими.

Адвокат Боровик: Чем был вызван ваш приезд в декабре 1960 года?

Винн: Цель была чисто коммерческая. Я прибыл сюда для ведения переговоров об ответном посещении Англии группой советских специалистов. Кроме того, мне надо было переговорить о заказах на общую сумму в полтора миллиона фунтов стерлингов, которые были намечены во время посещения советской делегацией нашей страны.

Адвокат Боровик: Как стоял вопрос о том, чтобы выехала советская делегация в Англию?

Винн: Программа эта была обширна и интересна. Она была разработана мною. Участники группы советских специалистов посетили 15 учреждений, выступали с лекциями. Я заботился о том, чтобы все их пожелания были бы удовлетворены.

Адвокат Боровик: Видимо, не совсем правильно подсудимый Винн понял мой вопрос. Я имел в виду его показания на предварительном следствии о том, что советская делегация должна была выехать в Англию в декабре, что совпадало по времени с рождественскими каникулами. Поэтому он срочно выехал в

Москву, чтобы ускорить выезд делегации. Прошу так ему перевести вопрос.

Винн: Да, это так. Директора семи компаний на совещании, которое состоялось в Лондоне, настаивали на том, чтобы ускорить это дело в связи с приближением рождественских каникул.

Адвокат Боровик: Возвратимся к злополучному пакету, который Пеньковский просил вас передать в Лондон.

Вы утверждаете, подсудимый Винн, что вы его в Лондон не взяли, а взяли лишь только одно письмо при отъезде 12 апреля?

Винн: Да, это так.

Адвокат Боровик: Товарищ председательствующий, прошу разрешить задать вопрос Пеньковскому?

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, отвечайте на вопрос адвоката.

Адвокат Боровик: Подсудимый Пеньковский, вы с этим заявлением Винна согласны?

Пеньковский: Нет.

Адвокат Боровик: Вы утверждаете, что передали ему два пакета?

Пеньковский: Пакета не было, а было два письма.

Адвокат Боровик: Почему вы на предварительном следствии показывали иначе по этому эпизоду. Разрешите напомнить показания, которые Пеньковский давал 23 ноября. Я обращаю внимание на дату 23 ноября потому, что с этого дня, как заявил Пеньковский, он будет давать правильные показания, а до 20 ноября он давал неправильные показания. Показания от 23 ноября, когда он в день приезда в Лондон 20 апреля вечером встретился с английскими и американскими разведчиками, это на л. д. 57 в томе 2 (*цитирует показания Пеньковского*), то есть речь идет о том, что он послал всего два письма: одно в ноябре 1960 г. передал в американском клубе и второе письмо он передал Винну для английской разведки, так что речь идет не о трех письмах, а только о двух?

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, отвечайте.

Пеньковский: Винну я передал письмо, аналогичное тому, которое я передал около американского клуба, а тот материал, который я дополнительно пере-

дал Винну, являлся моими биографическими данными.

Адвокат Боровик: Вы сказали, что два письма передали Винну, значит, вы передали письма для американской и английской разведок. А биографические данные вы передали как приложение к письму, адресованному английской разведке?

Пеньковский: Вы меня хотите поймать на слове?

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, вас никто ловить не собирается.

Адвокат Боровик: Подсудимый Пеньковский, на предварительном следствии вы говорили, что через Винна было передано одно письмо.

Пеньковский: Да, я считаю одно, так как второе содержало биографические данные.

Адвокат Боровик: Вы говорили, что когда приехали 20 апреля в Лондон, то передали два пакета, а затем заявили (том 2, л. д. 56), что Винн проводил членов делегации в отдельные номера, а вы передали ему пакет с материалами.

Пеньковский: Да, я так показывал, а затем вспомнил, что было два пакета.

Адвокат Боровик: Вы сказали, что после 20 ноября давали правдивые сведения.

Пеньковский: Передаваемые материалы я мог разложить в два и больше пакетов.

Адвокат Боровик: Дело не в том, одно письмо привезли вы или один пакет, — это не так уж важно; нам важно установить истину, кто фактически дает правдивые и честные показания. Мне представляется, что Пеньковский подтверждал эти показания Винна на предварительном следствии, но с оговоркой. Больше вопросов к подсудимому Пеньковскому у меня нет. Подсудимый Винн, говоря по поводу переломного пункта, вы заявили, что, когда вы передали фотографию Чизхолм и ее детей и коробку конфет, вы поняли, что действительно замешаны в этом гнусном деле. Правильно это? Здесь прокурор и председательствующий очень подробно выяснили этот вопрос, поэтому я не хочу останавливаться на дальнейшем его выяснении. Меня интересует больше беседа в Амстердаме с Кингом. Почему Кинг, бросив все дела в Англии, немедленно поехал в Амстердам?

Винн: Мне кажется, что они были очень заинтересованы в том, чтобы я поехал в Париж. Очевидно, они провели основательную подготовку к парижским встречам с Пеньковским.

Адвокат Боровик: И вы пришли к заключению, что дело, которым вы занимаетесь, пахнет шпионажем?

Винн: Да.

Адвокат Боровик: Вы заявили тогда Кингу, что отказываетесь дальше работать на них?

Винн: Да.

Адвокат Боровик: Это одна из дополнительных причин того, что Кинг немедленно выехал к вам в тот же день?

Винн: Да. Потому что я ему совершенно определенно заявил по телефону, что я не намерен направляться в Париж.

Адвокат Боровик: То есть не намерены больше работать?

Винн: Правильно.

Адвокат Боровик: Скажите, Кинг угрожал вам в этот свой приезд в Амстердам?

Винн: Да. Беседа началась в спокойных тонах, но когда он увидел, что я зол, то он стал угрожать.

Адвокат Боровик: А чем конкретно он угрожал вам?

Винн: Речь шла о моем деле. Он говорил, что либо он, либо его шеф сделают ведение моих дел для меня очень трудным.

Адвокат Боровик: Был ли такой случай, когда, угрожая вам, шеф стучал кулаком по столу?

Винн: Да, это было так во время нашей последней встречи. Чем больше я задавал вопросов и больше хотел выяснить обстоятельства дела, тем больше раздражались и озлоблялись они. Мне стало ясно, что я нахожусь в тяжелом положении.

Адвокат Боровик: Правильно ли записаны ваши показания на л. д. 46 тома 5: «Я страшно боялся того, что английская разведка снимет трубку телефона и сообщит обо мне в соответствующее место. Я боялся, что мой бизнес рухнет».

Винн: Да, это правильно. Я думаю, что он именно так и мог бы поступить. Конечно, были и другие методы.

Адвокат Боровик: Я думаю, что я вас правильно понял, если скажу, что, когда вы окончательно пришли к выводу, что Аккройд, а потом Кинг привлекают вас к шпионской деятельности, вы пытались отказаться от нее, и тогда английская разведка приняла крайние средства.

Винн: То, что вы говорите, правильно, но я здесь хочу уточнить один момент. В то время у меня не было никаких твердых доказательств о существовании этого дела. У меня были подозрения в части передачи фотоснимков и прочее. В моем сознании сложилось известное подозрение, но никаких, повторяю, конкретных доводов у меня не было. В этом и была моя слабость в борьбе с ними.

Адвокат Боровик: Задавая этот вопрос, я имел в виду последний этап работы с разведкой.

Винн: Да, на последнем этапе я действительно понял, что я попал в такой переплет, из которого у меня не было выхода.

Адвокат Боровик: Вот поэтому вы и сказали на вопрос председательствующего, что круг для вас окончательно замкнулся и вы попали в тиски?

Винн: Да, тиски были завернуты до предела.

Адвокат Боровик: Больше у меня вопросов нет.

Председательствующий: Адвокат Апраксин, у вас есть вопросы? Пожалуйста, задавайте.

Адвокат Апраксин: Подсудимый Винн, вы какие-нибудь вещи привозили Пеньковскому?

Винн: Да, привозил.

Адвокат Апраксин: Какие?

Винн: Во время второй встречи с Пеньковским в 1961 году я действительно передал ему кое-какие вещи. Я привез ему будильник, затем целый набор рыболовных крючков, несколько патефонных пластинок, довольно дешевые дамские часы и несколько зажигалок. Пеньковский мне оплатил стоимость этих вещей. Я хочу еще дополнить этот список тремя мужскими сорочками. Пеньковский в присутствии одного из инженеров на мой вопрос, что ему привезти, перечислил вот эти вещи. Я записал все это. Он спросил: «Может быть, привезете один из этих предметов?» Но я решил привезти ему все полностью. По этому списку Пеньковский возместил стоимость этих вещей —

7 фунтов стерлингов. На самом деле эти вещи стоили гораздо больше. Я добавляю к предыдущему. Ничего в этом необычного нет. Это моя привычка привозит подарки людям, с которыми имею деловой контакт, — сувениры. Я в этом ничего не видел предосудительного. Другое дело, что вместе с подарками я привез Пеньковскому привет от британской разведывательной службы.

Адвокат Апраксин: А этот привет кем был передан?

Винн: Когда я раскрывал чемодан — обычно был полный чемодан, — я говорил, что это от его друзей.

Адвокат Апраксин: 7 фунтов стерлингов кто платил?

Винн: Пеньковский. Он, очевидно, не ожидал, что я так много привезу, поэтому я принял возмещение стоимости этих подарков, но, конечно, сумма была недостаточной. Только три мужские сорочки стоили больше 7 фунтов стерлингов.

Адвокат Апраксин: Скажите, пожалуйста, валюту, золото и советские деньги вы привозили Пеньковскому?

Винн: Нет, никогда.

Адвокат Апраксин: Скажите, пожалуйста, при вас был разговор Пеньковского с разведчиками, когда они ему предлагали остаться в Лондоне?

Винн: Я стараюсь точно припомнить это. Мне кажется, что это было во время одного из моих споров с шефом. Он, стараясь представить мне Пеньковского как хорошего человека с советской точки зрения, выдвинул аргумент этого порядка, заявив, что Пеньковский — хороший человек, ему представлялась возможность остаться в Англии, однако он не хочет оставаться.

Адвокат Апраксин: А Пеньковский подтвердил это при вас?

Винн: Да, Пеньковский это подтвердил.

Адвокат Апраксин: Откуда могла появиться у Пеньковского фотокарточка Карлсона?

Винн: Он получил эту карточку, очевидно, в одном из пакетов, который я ему передал.

Адвокат Апраксин: А где вы этот пакет получили?

Винн: Я получил его от Чизхолма в отделении по выдаче виз британского посольства в Москве.

Адвокат Апраксин: Подсудимый Винн, мне непонятно, какое имеет отношение Карлсон — сотрудник американского посольства к английскому посольству?

Винн: На этот вопрос, очевидно, более точный ответ может дать Пеньковский. Он получил эти фотографии в пакете, который ему передал я. На оборотной стороне этих снимков были указаны фамилии Кауэлл и Карлсон с обозначением их национальной принадлежности: в одном случае — Соединенные Штаты, в другом — Соединенное Королевство.

Председательствующий: Подсудимый Винн, а можно это объяснить тем фактом, что Пеньковский работал на две разведки?

Винн: Сейчас это для меня совершенно ясно.

Адвокат Апраксин: А не кажется ли вам, что и вы работали на две разведки?

Винн: Да, кажется, что да.

(Смех в зале.)

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, у вас есть вопросы к подсудимому Винну?

Пеньковский: Мне неясно, почему г-н Винн на очной ставке 12 февраля этого года (том 6, стр. 104) категорически заявил: «Я никогда не привозил ценные подарки Пеньковскому от разведчиков». Сегодня он говорит в суде о том, что он привозил мне подарки, когда на самом деле действительно не привозил и чемодан, который он мне передал, содержал в себе зонтики, пластинки, плащ мужской и искусственные цветы из пластмассы, которые Винн купил по моей просьбе, так как я не успел это сделать сам и оставил ему список вещей, за которые мы с ним честно, на джентльменской основе рассчитались. Я каждый раз за одно пребывание в гостинице Винна платил по 60—70 рублей по новому курсу, в ресторан водил его, в театр. Я никогда не чувствовал себя обязанным за те вещи, которые привозил мне Винн по моей просьбе, а это было не один раз, и эти вещи не были подарками от разведок. Мне непонятно, почему г-н Винн говорит неправду.

Председательствующий: Отвечайте, подсудимый Винн.

Винн: Пеньковский действительно оплачивал счета не только в ресторане, а за проезд в такси и все мои гостиничные счета. При этом он говорил, что их оплачивает Комитет по координации научной деятельности. В то время, когда советские специалисты были в Лондоне, такие счета оплачивал я и считал, что это на паритетных, обменных началах.

Пеньковский: На очной же ставке г-н Винн показал о том, что он получил от меня подарки, правда, он отрицал получение серебряных вещей на сумму 600 рублей. Сегодня он категорически говорит, что никаких подарков не было, а на очной ставке записано, что он подтвердил получение ряда подарков.

Винн: Нет, я этого не отрицал. Я говорил, что я получал от вас подарки, но это все были мелкие предметы: костерезные изделия, безделушки всякие. Но я от вас никогда не получал изделий из серебра и никаких денег. Я думаю, что это должно найти подтверждение в материалах дела. Никогда не давал он мне никаких ценных подарков. Речь идет о небольших презентях, которые он давал мне и моим друзьям, в том числе моей секретарше.

Пеньковский: Г-н Винн сегодня на суде сказал, что во время моего второго пребывания в Лондоне мы два раза с ним посетили ночной клуб и один раз во время посещения с нами якобы была недобропорядочная женщина, с которой я провел остаток ночи. Я должен суду доложить, что с нами действительно в ночном клубе была Фелесита — очень хорошая знакомая семьи Винна. Она работает в магазине «Хариц», очень порядочная, культурная женщина, которая приглашена была г-ном Винном в ночной клуб. После этого мы ее проводили домой, а я уехал в гостиницу. Таким образом, г-н Винн неправильно показал, что я с этой женщиной остался один на ночь, и оговаривает эту женщину, которая ходит в их дом, а их дом порядочный, уважаемый, как сказал Винн. Так как же они могут принимать непорядочных женщин?

Винн: Я возмущен заявлением Пеньковского. Фелесита происходит из самой уважаемой семьи, очень религиозной семьи, и это самое грубое оскорбление, какое было нанесено какому-либо лицу сегодня в ходе судебного заседания. Я возмущен тем, что

Пеньковский так говорит об этой женщине. Речь идет о другой женщине.

Адвокат Апраксин: Значит, вы были с Пеньковским два раза в английском клубе: первый раз вы были с одной женщиной, сейчас вы говорите совсем о другой женщине?

Винн: Пеньковский путает, говоря о встрече с Фелеситой. Он встретился с Фелеситой на светском приеме, на котором было восемь или девять гостей. Речь шла о другой женщине, не совсем добропорядочной, легкого поведения.

Пеньковский: В ночном клубе с вами была Фелесита, и я у нее дома не был. Сам Винн оговаривает эту женщину, если говорит, что я был у нее.

Адвокат Апраксин: Больше вопросов нет.

Председательствующий: Подсудимые, это не главный эпизод совершенного вами преступления, поэтому прошу отвечать по существу предъявленных обвинений.

Винн: Мы посещали целый ряд ресторанов и ночных клубов. И аморальный эпизод, о котором идет речь, произошел после одного из посещений ресторанов, которые работают до глубокой ночи.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы раскаиваетесь в содеянном?

Винн: Я никогда не хотел принимать никакого участия в этих грязных делах и, конечно, и впредь никогда не буду. Сейчас у меня широко открылись глаза.

Председательствующий: Подсудимый Винн, садитесь. У экспертов есть вопросы к подсудимому Пеньковскому?

Эксперт Зорин: У меня есть два вопроса.

Председательствующий: Какие у вас вопросы?

Эксперт Зорин: Первый вопрос: сколько всего технических отчетов было передано вами иностранным разведкам в фотокопиях?

Пеньковский: Иностранному разведкам я передал 25 сфотографированных отчетов из различных областей техники и промышленности, примерно в 35 томах.

Эксперт Зорин: Вы снимали фотокопии с научно-технических отчетов о поездках советских специалистов в социалистические страны?

Пеньковский: Я фотографировал эти отчеты.

Эксперт Зорин: У меня больше вопросов нет.

Председательствующий: Есть ли еще вопросы у экспертов?

Эксперт Наумов: Где и при каких обстоятельствах должна была использоваться радиоаппаратура дальнего и ближнего действия, которую вы должны были получить?

Пеньковский: Я должен был получить от разведчиков инструкцию об использовании этой техники.

Председательствующий: Еще у кого из экспертов есть вопросы?

Эксперт-химик Кузнецова: У меня есть несколько вопросов, которые я хочу задать в закрытом заседании.

Председательствующий: Это будет сделано завтра. А к подсудимому Винну есть какие-либо вопросы или нет?

(К подсудимому Винну вопросов нет.)

Прошу участников процесса поставить вопросы экспертам на разрешение.

Товарищ прокурор, у вас есть вопросы к экспертам?

Прокурор: Да, есть в письменном виде.

Председательствующий: Товарищ секретарь, передайте вопросы прокурора адвокатам и подсудимым для ознакомления.

Товарищ переводчик, переведите вопросы подсудимому Винну.

Адвокат Апраксин, у вас есть дополнения к вопросам, представленным обвинителем?

Адвокат Апраксин: У меня есть вопросы к эксперту товарищу Зорину. Но в связи с тем, что эти вопросы имеют отношение к военной и государственной тайне, я их представляю в письменном виде и прошу суд решить, оглашать их или нет.

Председательствующий: Адвокат Боровик, у вас есть вопросы?

Адвокат Боровик: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, у вас есть дополнительные вопросы?

Пеньковский: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Винн, у вас есть вопросы на разрешение экспертов?

Винн: Не имею.

Председательствующий: Товарищ секретарь, передайте прокурору на заключение дополнительные вопросы адвоката Апраксина.

Прокурор: У меня нет возражений, чтобы эти вопросы были поставлены эксперту, и считаю, что их нужно огласить, а ответы заслушать в закрытом заседании.

Председательствующий: Суд, совещаясь на месте, определил: «Поставить на разрешение экспертов Министрства обороны СССР следующий вопрос: составляют ли сведения, переданные Пеньковским иностранным разведкам и собранные им для передачи, государственную или военную тайну Советского Союза?»

На разрешение эксперта Зорина по материалам Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР поставить следующие вопросы:

1. Какова степень секретности сведений, собранных и переданных Пеньковским иностранным разведкам, о деятельности Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР?

2. Составляют ли эти сведения государственную тайну?

Кроме того, по просьбе адвоката Апраксина ставятся дополнительно еще два вопроса:

1. Составляют ли сведения, собранные Пеньковским по Комитету, государственную тайну?

2. Конкретизировать на примере отчетов № 1384, 1745, 1949 и 2407 свои выводы:

а) о возможности установления принадлежности членов делегации к оборонным объектам;

б) указать те «узкие места», которые могут привести к выводу об экономическом потенциале нашей страны или других социалистических стран;

в) составляют ли приведенные в отчетах сведения какую-либо тайну — государственную, политическую, экономическую, военную?

На разрешение эксперта-криминалиста Турова поставить следующие вопросы:

1. Является ли бланк паспорта на имя другого

гражданина с наклеенной фотографией Пеньковского подлинным или фиктивным?

2. Какие рукописные документы из числа изъятых у Пеньковского при аресте исполнены лично Пеньковским?

3. Какие документы с машинописным текстом из числа изъятых у Пеньковского исполнены на пишущей машинке «Континенталь» № 213956, принадлежащей Пеньковскому?

На разрешение эксперта-химика Кузнецовой поставить вопрос: какие химические особенности имеют два листа чистой белой бумаги, изъятые из тайника в квартире Пеньковского, и допускают ли эти особенности возможность пользоваться указанной бумагой для целей тайнописи?

На разрешение эксперта-криминалиста Закурдаева поставить следующие вопросы:

1. Пригодны ли изъятые у подсудимого Пеньковского фотоаппараты «Минокс» и пленки к фотографированию?

2. Каким фотоаппаратом экспонированы 5 пленок, изъятые у подсудимого Пеньковского?

На разрешение эксперта-радиоспециалиста Наумова поставить вопросы:

1. Можно ли при помощи изъятых у подсудимого Пеньковского радиоприемников «Соня» и «Зенит» принимать радиogramмы в диапазонах волн, указанных Пеньковским?

2. Соответствуют ли инструкции по шифрованию изъятым у Пеньковского дешифровальным блокнотам?

3. Пригодны ли изъятые у Пеньковского транзисторные радиоприемники для выполнения задач, предусмотренных инструкцией по радиовещанию?

Товарищ секретарь, прошу вручить вопросы экспертам.

(Вручаются.)

Следующее заседание Военной коллегии, закрытое, состоится завтра, 9 мая, в 10 часов утра.

***Заседание Военной коллегии
Верховного Суда СССР
9 мая***

(Информационное сообщение)

9 мая в Москве в зале судебных заседаний Верховного Суда СССР продолжался судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок гражданина СССР Пеньковского О. В. и подданного Великобритании шпиона-связника Гревилла Винна.

На закрытом заседании Военная коллегия рассмотрела вопросы, связанные с характером и содержанием сведений, переданных подсудимыми английской и американской разведкам.

Суд допросил свидетелей Долгих А. П. и Петроченко В. В. Были также заслушаны заключения экспертов о степени секретности сведений, собранных и переданных подсудимыми иностранным разведкам.

*Заседание Военной коллегии
Верховного Суда СССР
10 мая*

(Информационное сообщение)

10 мая в Москве в зале судебных заседаний Верховного Суда СССР продолжался судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок гражданина СССР Пеньковского О. В. и подданного Великобритании шпиона-связника Гревилла Винна.

На утреннем заседании суд заслушал показания свидетелей Рудовского И. П., Финкельштейна В. Я. и заключения экспертов Закурдаева Л. В., Кузнецовой Л. Ф., Турова Н. И., Наумова А. П.

Затем председательствующий — председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции В. В. Борисоглебский — объявил судебное следствие законченным.

На вечернем заседании были заслушаны обвинительная речь Главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции А. Г. Горного и речи адвокатов К. Н. Апраксина и Н. К. Боровика.

Утреннее заседание

(Стенографическая запись)

10 ч. 00 м.

Комендант суда: Суд идет. Прошу встать!

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста.

Судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда Советского Союза продолжается.

Товарищ комендант, пригласите в зал судебного заседания свидетеля Рудовского.

(Входит свидетель Рудовский.)

Ваша фамилия?

Свидетель: Рудовский.

Председательствующий: Имя, отчество?

Свидетель Рудовский: Игорь Павлович.

Председательствующий: Год рождения?

Свидетель Рудовский: 1927.

Председательствующий: Где вы родились?

Свидетель Рудовский: В г. Москве.

Председательствующий: Вы вызваны в суд в качестве свидетеля. Разъясняю вам ваши обязанности. Вы должны показать правду по делу, и только правду. За заведомо ложные показания и за отказ от дачи показаний вы несете ответственность по закону по ст. 181 и 182 Уголовного кодекса РСФСР.

Дайте суду об этом подписку.

(Секретарем суда отбирается подписка у свидетеля.)

Вы знаете Пеньковского?

Свидетель Рудовский: Да, знаю.

Председательствующий: Какие у вас были с ним взаимоотношения: нормальные, ненормальные?

Свидетель Рудовский: Нормальные.

Председательствующий: Подсудимого Винна вы знаете?

Свидетель Рудовский: Видел один раз.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, вы знаете свидетеля?

Пеньковский: Да, свидетеля Рудовского я знаю.

Председательствующий: Какие у вас взаимоотношения?

Пеньковский: Взаимоотношения с ним были нормальные.

Председательствующий: Свидетель Рудовский, что вам известно по делу Пеньковского? Расскажите суду.

Свидетель Рудовский: В подтверждение показаний, данных мною на предварительном следствии, я могу дополнительно показать, что познакомился с Пеньковским лет 10 тому назад. Познакомил меня с ним мой приятель Финкельштейн Владимир Яковлевич, который отрекомендовал Пеньковского своим земляком, уроженцем г. Орджоникидзе. Встречался я с Пеньковским в основном в компаниях. Были такие моменты, когда я не видел Пеньковского по году и более. Встречались мы на стадионе, в кафе, в ресторанах, ходили в театры. В основном Пеньковского я видел, пожалуй, только в часы вечерние, это от 17—18 до 20—21 часа.

Всегда в компании кто-то был еще из моих знакомых.

Зная, что Пеньковский выезжает за границу, я считал, что он человек проверенный, и никаких сомнений и подозрений в отношении его у меня не было. Хотя сейчас многие и говорят: «Его физиономия мне не нравится» и прочее. А один знакомый говорит, что он знал, что Пеньковский не читал даже и газет. Я этого не знал и не замечал.

Летом прошлого года Пеньковский обратился ко мне с просьбой: не смогу ли я освободиться к концу дня с тем, чтобы на автомашине подвести с аэродрома одного нужного человека, его приятеля, который работает в нашем посольстве в Лондоне. Без особого энтузиазма я согласился на просьбу Пеньковского, и мы поехали в Шереметьево. Меня это не удивило: я видел, как Пеньковский работал с японской делегацией, встречал и другие делегации у подъездов и про-

чее. Когда мы приехали на аэродром в Шереметьево, он пошел встречать, а я остался в автомашине, не представляя, кого я буду везти. Через некоторое время Пеньковский подошел ко мне в сопровождении гражданина, которого я раньше не видел. Пеньковский сказал: «Это наш друг. Ты не будешь возражать, если мы его подвезем?» Они сели сзади в машину, я был на водительском месте, и мы тронулись по направлению к гостинице «Украина».

Председательствующий: А кто был этот друг?

Свидетель Рудовский: Как сейчас выясняется, это был Винн. Я его никогда не видел, и Пеньковский меня с ним не знакомил. Когда мы ехали в машине, Пеньковский и Винн разговаривали на английском языке. Изредка Пеньковский мне как бы переводил, о чем они говорят: например, что в Лондоне сейчас такая-то погода и т. д. В общем, Пеньковский пытался показать, что держит меня в курсе их разговора. Я больше внимания уделял управлению машиной. Доехав до гостиницы «Украина», Пеньковский и Винн вышли, вошли в гостиницу, и вскоре Пеньковский вернулся. Я не знаю, куда он проводил Винна: до администратора или до комнаты. Вернувшись, Пеньковский сказал, что он встретил нужного человека, и попросил довести его до дома.

Председательствующий: Винн поблагодарил вас за встречу?

Свидетель Рудовский: Я попросил Пеньковского спросить Винна о том, как он доехал в моей старенькой машине. Винн ответил, что он доехал хорошо, оставил мне пачку или две сигарет как презент. После того как Пеньковский вернулся из гостиницы, мы поехали к его дому. Пеньковский мне сказал, что это наш работник, что это нужный человек. Я удивился: как же может англичанин быть нашим работником! Я довез Пеньковского до дома, и мы расстались. Больше я с этим господином не виделся.

Председательствующий: Вы узнаете его?

Свидетель Рудовский: Да. Только тогда он был в пальто или плаще, сейчас не помню.

Председательствующий: Вы узнаете его по лицу, а не по одежде?

Свидетель Рудовский: Да, по лицу.

Председательствующий: Рудовский, продолжайте дальше. Расскажите о ваших встречах с Пеньковским. Где вы с ним встречались и в какое время?

Свидетель Рудовский: С Пеньковским мы встречались в разное время, но, как я уже сказал, в основном вечером. Бывали с ним в кафе, в ресторанах, часто обедали вместе. Так как Пеньковскому звонить было бесполезно, то он звонил или мне на работу, или моему приятелю, и мы встречались. Иногда гуляли просто по улице, заходили в ресторан или кафе обедать после рабочего дня. Никаких разговоров антисоветского характера у меня с ним и с моими друзьями не было. Никаких подозрений и никаких сомнений у меня в отношении Пеньковского не было. Я познакомил Пеньковского с подругой своей приятельницы Галиной. Вопреки нашим ожиданиям, у них вспыхнула большая любовь. Пеньковский ею увлекся. Во всяком случае, они часто встречались; она не знала ни домашнего, ни служебного телефона Пеньковского, и мой домашний телефон был как бы связным пунктом между ними.

Председательствующий: Коммутатором?

Свидетель Рудовский: Да, коммутатором. Галя звонила мне и спрашивала, не звонил ли Олег; также звонил мне Пеньковский и просил передать Гале, когда он встретится с нею. Это, может быть, было три-четыре, а может, пять раз. Галя работала недалеко от ресторана «Баку», и в обеденный час Пеньковский несколько раз просил меня встретиться с Галей и войти с ней в ресторан, так как ему якобы было неудобно делать это: он женат, а я разведенный. Я в свой обеденный час подъезжал к ресторану, встречался с Галей и входил с нею в ресторан, где уже за столиком сидел Пеньковский. Так как это был обеденный перерыв, то все обходилось без каких-либо выпивок. После обеда я выходил с Галей и провожал ее до работы. Был он с ней раза два у меня дома в гостях.

Еще я встречал с Пеньковским женщину по имени Лида. Пеньковский сказал, что она очень хорошо и внимательно к нему относилась в госпитале; какие отношения у него были с этой Лидой — мне неизвестно.

Были еще две женщины, с которыми Пеньковский меня познакомил. Это жены военнослужащих — Зоя и

Тамара. С ними как-то один или два раза мы встречались на квартире у Зои. Затем я один встречался с Тамарой, а встречался ли Пеньковский с Зоей еще — мне неизвестно.

Еще последний случай. Как-то с друзьями мы были на футболе. Пеньковский сказал, что с девушкой будет нас ждать в гостинице «Советская». После футбола мы зашли в ресторан, и действительно там сидел с девушкой Пеньковский; имени и фамилии ее не знаю; он сказал, что это секретарь начальника управления или отдела, где он работает. Вскоре он с нею вышел. Какие отношения с этой девушкой — мне тоже неизвестно.

Вот это, пожалуй, все по женскому вопросу.

(Смех в зале.)

Председательствующий: Что еще вы можете показать суду кроме женского вопроса?

Свидетель Рудовский: Может быть, суд поставит мне свои вопросы?

Председательствующий: Прошу ответить на вопросы народного заседателя генерал-майора Марасанова.

Народный заседатель Марасанов: Пожалуйста, свидетель Рудовский, уточните, где и при каких обстоятельствах вы познакомились с подсудимым Пеньковским?

Свидетель Рудовский: Это было лет 9—10 назад.

Народный заседатель Марасанов: На служебной основе?

Свидетель Рудовский: Нет, нет. Меня с ним познакомил мой приятель Финкельштейн Владимир Яковлевич.

Народный заседатель Марасанов: Где это было?

Свидетель Рудовский: Это было, во всяком случае, после рабочего дня, но точно вспомнить не могу. Финкельштейн представил мне его как своего земляка.

Народный заседатель Марасанов: Вы давали на предварительном следствии показания об обстоятельствах знакомства с Пеньковским?

Свидетель Рудовский: Я не совсем понимаю.

Народный заседатель Марасанов: Вас спрашивали в ходе предварительного следствия о том, где вы

познакомились с Пеньковским? Вы давали об этом показания?

Свидетель Рудовский: Давал показания.

Народный заседатель Марасанов: Что же, теперь вы не помните эти показания?

Свидетель Рудовский: Я не помню точно, в каком месте мы познакомились.

Народный заседатель Марасанов: Вы познакомились в одном из ресторанов, это верно?

Свидетель Рудовский: Не могу сказать. Был случай, когда мы встретились в ресторане «Арагви», в мае 1962 года. Этот момент вы имеет в виду?

Народный заседатель Марасанов: Как часто вы посещали рестораны вместе с Пеньковским?

Свидетель Рудовский: Начиная с весны 1962 года два-три в месяц.

Народный заседатель Марасанов: Кто платил по счетам?

Свидетель Рудовский: Чаще платил он, потому что он говорил, что больше нас получает. Когда мы ходили с Галей, то он приглашал и платил.

Народный заседатель Марасанов: А вы всегда ходили с женщинами?

Свидетель Рудовский: Чаще мы встречались в ресторане без женщин.

Народный заседатель Марасанов: Кроме ресторанов где еще встречался с Галей Пеньковский?

Свидетель Рудовский: Один-два раза он был с нею у меня дома.

Народный заседатель Марасанов: Что, ваша квартира была местом свиданий для Пеньковского?

Свидетель Рудовский: Они были один-два раза.

Народный заседатель Марасанов: Вам известно, какие подарки Пеньковский делал знакомым женщинам?

Свидетель Рудовский: Я как-то даже иронизировал по этому поводу. Меня удивляло, что он балует Галю. Он подарил ей туфли, часы и кофточку и просил ее не говорить об этом нам, чтобы мы не смеялись. Она разболтала одной девушке, и мы узнали об этом.

Народный заседатель Марасанов: А вам лично Пеньковский ничего не дарил?

Свидетель Рудовский: Из мелких сувениров — бумажник, ремешок для часов, зажигалку, брелок для ключа, флакон туалетной воды.

Народный заседатель Марасанов: Насколько я понял, вы хорошо знали Пеньковского, в течение длительного времени дружили с ним, выпивали вместе.

Не можете ли вы сказать суду, каков кругозор интересов Пеньковского?

Свидетель Рудовский: На предварительном следствии я высказывал свое мнение на этот счет. Сейчас, после этого страшного события, все узнали, что это за человек, а тогда я не мог думать на этот счет. Особых ненормальностей в его поведении я за ним не наблюдал. Во время встреч он за пределы разговоров бытового, гастрономического характера не выходил. Он не проявлял интереса ни к литературе, ни к музыке, ни к искусству.

Народный заседатель Марасанов: У меня нет вопросов.

Председательствующий: Товарищ прокурор, у вас есть вопросы к свидетелю Рудовскому?

Прокурор: Да.

Свидетель Рудовский, скажите, пожалуйста, что это был за вечер или вечеринка, когда вместо бокалов употреблялись туфли любимых дам?

Свидетель Рудовский: Был такой случай, когда в день рождения одного моего приятеля мы совместно с Пеньковским и его дамой были в Парке культуры, в ресторане «Поплавок». Я был без дамы, и мне не пришлось пить из туфли. То ли чтобы показать свою любовь к даме, или, может быть, так принято на Западе, но действительно Пеньковский налил из бутылки вино в туфлю и выпил.

Прокурор: Свидетель Рудовский, я правильно вас понял, что вы были посредником в любовных делах Пеньковского и Галины?

Свидетель Рудовский: Не совсем, может быть, так. Я действительно их познакомил, а так как Пеньковский не давал ей домашнего телефона, а служебный телефон он вообще не давал никому, то Галина звонила мне и я сообщал об этом Пеньковскому.

Прокурор: А вы знали о том, что Пеньковский женат и у него есть дети?

Свидетель Рудовский: Да, знал, что у него есть жена, дети, но считал, что он старше меня по возрасту, по положению.

Прокурор: И вы не считали нужным удержать его от такого широкого знакомства с дамами или девушками?

Свидетель Рудовский: Мне известны только его интимные отношения с Галиной.

Прокурор: На какие темы велись разговоры в ваших компаниях?

Свидетель Рудовский: Больше всего Пеньковский любил говорить о жареном куске мяса, его разговоры сводились к тому, что он говорил: «Вот здорово было поджарено мясо, с кровью...» и т. д.

Прокурор: Можно сделать такой вывод, что его интересовало лишь как бы вкуснее поесть, выпить, закусить? Ну, и знакомства с дамами?

Свидетель Рудовский: Что касается знакомства с дамами, то я не могу об этом так сказать. Что же касается его разговоров, то должен сказать, что он в наших глазах был на важной, ответственной работе, был связан с иностранцами и поэтому говорить с нами о многом ему было не положено. И мы считали, что волей-неволей все разговоры он сводил к чисто гастрономическим, бытовым интересам.

Прокурор: У меня нет больше вопросов к свидетелю.

Председательствующий: У кого еще имеются вопросы? Адвокат Апраксин?

Адвокат Апраксин: Да. Скажите, пожалуйста, свидетель, к какому времени относятся посещения ресторанов, знакомство с Галей, посещение «Поплавка» в Парке культуры и отдыха?

Свидетель Рудовский: Знакомство с Галей? Я не могу сказать точно, июнь — август 1962 года. Да, это была середина июля 1962 года.

Адвокат Апраксин: Когда особенно часто стали наблюдаться посещения ресторанов?

Свидетель Рудовский: Особенно часто? Это было не чаще трех раз в месяц.

Адвокат Апраксин: А когда началось, так сказать, подекадное посещение ресторанов?

Свидетель Рудовский: Это началось с весны

1962 года, как объяснял уже сам Пеньковский; он работал тогда в Москве, и мы могли чаще видеться.

Адвокат Апраксин: А знакомства с женщинами к какому времени относятся?

Свидетель Рудовский: Это было летом 1962 года, на Арбате. Я был со своей знакомой и Галей; встретив Пеньковского, я познакомил их.

Адвокат Апраксин: Получается, таким образом, вы его познакомили с Галей, он вас знакомил с другими женщинами. Вы что, друг у друга своднями были?

Свидетель Рудовский: Не совсем так. Никаких контрактов мы не подписывали.

Адвокат Апраксин: Ну, так было молчаливое приглашение?

Свидетель Рудовский: Повторяю, мы встретились на Арбате, и я их познакомил.

Адвокат Апраксин: Скажите, свидетель, Пеньковский делал вам подарки?

Свидетель Рудовский: Я получил от него зажигалку, брелок. Надо сказать, что он был щедрым к своим знакомым, причем не только ко мне, но и к другим своим друзьям.

Адвокат Апраксин: Я напомню вам ваши показания на предварительном следствии (том 6, л. д. 194—195). Вы говорили, что особенно сближение с Пеньковским началось после того, как вы приобрели автомашину. Когда это было?

Свидетель Рудовский: Я ее приобрел зимой 1961 года, но ездить начал с весны 1962 года.

Адвокат Апраксин: Значит, свидетель, она (машина) была причиной вашего сближения?

Свидетель Рудовский: Всегда в лице Пеньковского мы видели ответственного работника, человека, облеченного полным доверием, которому нравилось, что я мог его отвезти и привезти, а я, будучи молодым любителем, не отказывался гонять машину и часто подвозил Пеньковского к его дому.

Адвокат Апраксин: А деньги в долг у него брали?

Свидетель Рудовский: Да, брал два раза: первый раз 100 руб., а второй раз 50 рублей.

Адвокат Апраксин: Вернули ли вы эти деньги ему?

Свидетель Рудовский: Да, через следователя Комитета государственной безопасности.

Адвокат Апраксин: Хороши же ваши были отношения!

Свидетель Рудовский: Я же не знал, что его арестовали как шпиона. Я думал, что он отдыхает в Ялте.

Адвокат Апраксин: Рудовский, вы говорили и говорите сейчас, что у Пеньковского невысокий интеллект, а не кажется ли вам, что и у вас он невысок: сами-то вы только и говорили о блюдах?

Свидетель Рудовский: Я уже высказал свое мнение.

Адвокат Апраксин: Вы сейчас-то понимаете, что вы тоже оказались не на высоте?

Свидетель Рудовский: Да. О своей работе он ничего не говорил.

Адвокат Апраксин: Что же вы думаете, Рудовский, что ответственные работники интересуются только блюдами да ведут разговоры о женщинах и о тряпках?

Свидетель Рудовский: Мы других разговоров не вели.

Председательствующий: Товарищ адвокат, у вас еще есть вопросы к свидетелю?

Адвокат Апраксин: У меня больше вопросов нет. Ведь он не отвечает.

Председательствующий: Адвокат Боровик, у вас есть вопросы к свидетелю?

Адвокат Боровик: У меня вопросов к свидетелю Рудовскому нет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, у вас есть что-либо сказать по поводу показаний свидетеля Рудовского или вопросы к нему?

Пеньковский: Да, есть. Я должен доложить суду, что свидетель Рудовский правильно и точно показал о времени нашего знакомства. Только хочу сказать суду, что факт встречи Рудовского с Винном изложен неточно. Винн привез сигареты мне, а Рудовскому одну пачку сигарет уже дал я. Рудовского с Винном я не знакомил, так как не считал это нужным. Я его не знакомил ни у машины, ни у гостиницы, и больше Рудовский Винна никогда не видел. О Винне я Рудов-

скому сказал, что он работник советского посольства в Лондоне, поскольку и советские граждане работают в разных иностранных посольствах.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, почему же вы обманули Рудовского?

Пеньковский: Да, тогда я его действительно обманул.

Председательствующий: Вы хотели воспользоваться машиной Рудовского для неофициальной встречи Винна?

Пеньковский: Да, в отношении посещений кафе, ресторанов, квартир наших общих знакомых Рудовский показал правильно. Эти встречи были, если так можно сказать, в ресторанной обстановке и не располагали к деловому разговору.

Председательствующий: Подсудимый Винн, знакомы ли Пеньковский вас со свидетелем Рудовским?

Винн: Нет, Ваша честь.

Председательствующий: Вы знаете его только как шофера, который подвозил вас?

Винн: Да, смутно я его припоминаю, но у меня в памяти нет точных деталей его внешности потому, что он тогда сидел за рулем машины.

Председательствующий: Подсудимый Винн, садитесь.

Прокурор: У меня вопрос к подсудимому Пеньковскому.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, прошу вас ответить на вопрос прокурора.

Прокурор: Прошу, подсудимый Пеньковский, точно сказать, какой это был приезд Винна в Москву, когда вы использовали для встречи Винна машину Рудовского?

Пеньковский: Это было 2 июля 1962 года, в последний приезд Винна, не считая настоящего приезда Винна.

Прокурор: Это был тот самый приезд, когда вас знакомили с новыми лицами, с которыми вы должны были поддерживать связь?

Пеньковский: Да, это был тот самый приезд Гревилла Винна. Тогда Гревилл Винн вручил мне пакет и фотокарточки американца Карлсона и англичанина Кауэлла.

Прокурор: Я прошу разрешения поставить вопрос подсудимому Винну.

Председательствующий: Подсудимый Винн, прошу ответить на вопрос прокурора.

Прокурор: Подсудимый Винн, вы слышали ответ Пеньковского?

Винн: Да, сэр.

Прокурор: Он встречал вас на машине Рудовского в ваш приезд 2 июля 1962 года?

Винн: Да, это так.

Прокурор: Это был тот самый приезд, когда вы передали Пеньковскому из английского посольства бумажный пакет с фотографиями новых лиц, с которыми он должен был поддерживать шпионскую связь?

Винн: Да, это так, но тогда я не знал, что это за контакты.

Прокурор: У меня нет больше вопросов.

Председательствующий: Подсудимый Винн, садитесь.

Свидетель Рудовский, садитесь.

Товарищ комендант, пригласите в зал заседания свидетеля Финкельштейна.

(Входит свидетель Финкельштейн.)

Ваша фамилия?

Свидетель: Финкельштейн.

Председательствующий: Имя и отчество?

Свидетель Финкельштейн: Владимир Яковлевич.

Председательствующий: Год рождения?

Свидетель Финкельштейн: 1913.

Председательствующий: Где вы работаете?

Свидетель Финкельштейн: Я работаю директором мастерской прикладного искусства.

Председательствующий: Вы вызваны в судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Пеньковского и Винна в качестве свидетеля. Разъясняю, что вы должны показывать правду, и только правду. За заведомо ложные показания и за отказ от дачи показаний вы можете быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 181 и 182 Уголовного кодекса РСФСР.

Прошу дать подписку суду.

(Секретарь отбирает подписку у свидетеля.)

Вы знаете Пеньковского?

Свидетель Финкельштейн: Да, знаю.

Председательствующий: Какие взаимоотношения были между вами: нормальные или ненормальные?

Свидетель Финкельштейн: Нормальные.

Председательствующий: Ссор никаких не было?

Свидетель Финкельштейн: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, какие взаимоотношения у вас со свидетелем?

Пеньковский: Взаимоотношения с Финкельштейном Владимиром Яковлевичем у меня были нормальные, никаких ссор между нами не было.

Председательствующий: Прошу, свидетель Финкельштейн, показать, что вы знаете в связи с делом Пеньковского?

Финкельштейн: Я познакомился с Пеньковским в 1951 или 1952 году, точно не помню. Познакомил меня с ним мой товарищ по школе в г. Орджоникидзе, где я рос. Оказалось, что мы с Пеньковским земляки, росли в одном городе, в одно и то же время, правда учились в разных школах.

На этой почве, на почве воспоминаний о родном городе, о днях детства, о каких-то общих знакомых, и возникло наше знакомство.

Знакомство продолжалось до самого последнего момента в течение всех этих лет. Встречались мы в разное время, нерегулярно, бывали промежутки по нескольку лет, бывали промежутки-месяцы. Но всегда встречи происходили по инициативе Пеньковского потому, что, как я вспоминаю, за эти годы я пытался ему звонить домой, но, как правило, никогда его дома застать было нельзя. Обычно Пеньковский звонил и спрашивал: «Что вы думаете завтра делать после работы, есть ли время и желание встретиться?» и т. д. Если договаривались, то встречались. В разное время я его познакомил с большинством своих друзей и знакомых.

Бывали случаи, что Пеньковский иногда заходил ко мне на работу — я работаю в центре, — при этом он говорил, что был в разных солидных организациях, которые находятся по соседству со мной, и по пути зашел ко мне.

Когда мы познакомились, Пеньковский был полковником, затем он работал в ГК по КНИР. Часто,

как мне известно со слов Пеньковского, он выезжал за рубеж. Поэтому в наших встречах были длительные пробелы, а когда Пеньковский являлся, то звонил мне. Много и интересно рассказывал при встречах. Причем встречи эти всегда происходили в кругу наших общих знакомых. Я не помню ни одной встречи, чтобы я встречался с Пеньковским вдвоем, чтобы он выразил желание только с одним мною встретиться.

Обыкновенно он звонил и спрашивал, как там Игорь Павлович или кто-то еще из знакомых, «если свободны, то давайте встретимся». При встречах Пеньковский рассказывал о своих впечатлениях, которых у него всегда было очень много. Это было естественно: ведь он бывал в таких местах, в каких нам не приходилось бывать. До того самого ошеломительного момента, когда я прочитал в газете о Пеньковском, я считал, что Пеньковский — человек, пользующийся авторитетом, выполняющий нужное и полезное дело; однако должен доложить суду, что я видел в Пеньковском какие-то черты двойственности: с одной стороны, работник, выезжающий за рубеж, в разные страны, с другой стороны, в нем находилось очень много черт отрицательных — тщеславие, какая-то заносчивость, демонстративное самолюбие, которое он даже не мог скрыть; он был вечно взволнован, по моим наблюдениям, вечно куда-то торопился, но вместе с тем был собран. Короче говоря, он пребывал в каком-то неестественном состоянии, не в таком, как все мы, остальные, которые себя чувствуют свободно.

Встречались мы с Пеньковским в разное время, и часто эти встречи происходили на стадионе во время футбольных состязаний. Мы смотрели спортивные соревнования, ходили в кино, в театры, обедали в ресторанах, сидели в кафе и т. д. Я человек непьющий, вернее, пью очень мало и не видел, чтобы Пеньковский много пил. Утверждаю, что в нашем обществе он выпивал не более ста граммов крепких напитков, а затем переходил на сухие вина. Мы еще над ним посмеивались. Он объяснял это тем, что он торопится, что у него дела. Вся его жизнь была расписана по часам: он вечно куда-то торопился. Возвращаясь из-за рубежа, Пеньковский привозил сувениры: зажигалки, брелоки и никчемные вещички, которые щедро разда-

ривал на моих глазах всем своим знакомым. У Пеньковского был широкий круг знакомств, как он говорил, и я в этом убежден потому, что часто на улице встречались какие-то люди, с которыми он здоровался. Причем это был круг самых разнообразных лиц. Бывал я у Пеньковского за это время два раза дома. Знал его семью: жену, мать. Был он за это время дважды и у нас с женой, в моем доме, правда это было давно. Надо сказать, что Пеньковский домашних встреч не любил, не стремился к ним. Больше его интересовали встречи где-то на улице, на прогулке. Обедали неоднократно с ним, выпивали, как землякам положено.

Председательствующий: Все у вас?

Свидетель Финкельштейн: Да.

Председательствующий: До вас давал показания свидетель Рудовский и, как он сам выразился, говорил по «женскому вопросу». Вы ничего не можете сказать по «женскому вопросу»?

Свидетель Финкельштейн: Пеньковский интересовался женщинами, любил о них поговорить. С его слов, у него был большой круг знакомых женщин, но я знаю только один случай его связи с женщиной, и я убежден, что эта связь носила серьезный характер. Мне кажется, что Пеньковский был ею увлечен, потому что ревниво и болезненно реагировал на ее к нему отношение. В обществе этой женщины я два-три раза с Пеньковским был.

Председательствующий: Прошу вас ответить на вопросы народного заседателя генерал-майора Цыганкова.

Народный заседатель Цыганков: Скажите, пожалуйста, что вас побудило прекратить связь со старыми знакомыми — земляками и ухватиться за Пеньковского?

Свидетель Финкельштейн: Я не прекращал связи ни с одним своим земляком, эти связи свято поддерживаю, и не в связи с Пеньковским. Мои связи с земляками не обрывались и никогда не оборвутся, и Пеньковский несколько раз присутствовал на наших встречах.

Народный заседатель Цыганков: Вы дружили с Пеньковским только из уважения к организации, в которой он работал?

Свидетель Финкельштейн: Я не дружил с Пеньковским. Это назвать дружбой нельзя, так как ничего интимного, близкого между нами не было, а то, что было между нами, назвать дружбой нельзя. Это было хорошее знакомство, основанное на каких-то земляческих воспоминаниях. Он был интересный рассказчик, рассказывал о многих интересных вещах и событиях, о которых мне было неизвестно.

Народный заседатель Цыганков: Скажите, пожалуйста, а что вам рассказывал Пеньковский о своих поездках за границу?

Свидетель Финкельштейн: Возвращаясь из-за границы, он много и подробно рассказывал о своих впечатлениях. Бывая в различных странах в прошлые годы,— в каких именно, не помню,— он рассказывал, как живут в этих странах, какой темп жизни, какие там интересные рекламы,— во всяком случае, он проявлял ко всему этому интерес и умел хорошо передавать свои впечатления об этих странах. В прошлом или позапрошлом году, когда он вернулся из Англии и Франции, он рассказывал свои впечатления о Франции и Англии. Так как я работаю в искусстве, то меня интересовали музеи, архитектура, то есть достопримечательности этих стран.

Народный заседатель Цыганков: Вы очень давно знакомы с Пеньковским и часто с ним встречались. Не могли бы вы дать более подробную характеристику, конечно со своей точки зрения, Пеньковскому?

Свидетель Финкельштейн: Могу дать так, как я ее давал на предварительном следствии.

Пеньковский был в каком-то вечно напряженном состоянии, вечно куда-то спешил, вечно внутренне взволнован, болезненно самолюбив: у него всегда было желание навязать свое мнение, и, если кто-то с этим не соглашался, он бурно на это реагировал; был щепетилен в мелочах; упрям до предела; любил рисоваться, много в нем было такого театрального. Нам это бросалось в глаза, потому что мы чувствовали и знали, что на самом деле он не такой.

Народный заседатель Цыганков: Какие вы подарки получали от Пеньковского?

Свидетель Финкельштейн: Я подарки от него не

получал, за исключением мелких сувениров, которые я и не считал за подарки.

Народный заседатель Цыганков: Чем вы его за это благодарили?

Свидетель Финкельштейн: Ничем, я не считал это подарками и не считал себя обязанным благодарить за эти мелкие сувениры.

Народный заседатель Цыганков: Вы показывали, что часто встречались с Пеньковским в ресторанах. Кто расплачивался за эти посещения ресторанов?

Свидетель Финкельштейн: Мы встречались с Пеньковским, как правило, по его инициативе, всегда где-то в городе. Он обычно звонил, и назначалась встреча — или в ресторане «Москва», или еще где-либо. Как правило, Пеньковский предлагал выпить по бокалу шампанского, пойти посидеть в кафе или пообедать. Если был обед, то мы шли обедать, и, как правило, Пеньковский всегда пытался расплачиваться сам. У нас принято было, что каждый расплачивался по так называемому немецкому принципу — каждый за себя, но очень часто Пеньковский с возмущением отбрасывал деньги всех и платил сам, мотивируя это тем, что он зарабатывает больше, чем остальные, и для него ничего не стоит израсходовать 10—20 рублей.

Народный заседатель Цыганков: У вас в связи с этим никогда никаких подозрений не возникало или вы все это относили за счет того, что он много получает?

Свидетель Финкельштейн: Да, именно так. Я также, когда встречался с человеком, который меньше меня получает, не давал ему возможности оплачивать расходы на выпивку и закуску.

Народный заседатель Цыганков: У меня больше вопросов нет.

Председательствующий: Каков был круг интересов у Пеньковского?

Свидетель Финкельштейн: Очень ограниченный.

Председательствующий: Конкретизируйте это.

Свидетель Финкельштейн: Пеньковский не увлекался театром. Казалось бы, что у человека с высшим образованием должна быть какая-то потребность в этом, потребность быть в курсе театральной жизни,

кино, различных событий, в искусстве и литературе и т. д., но Пеньковский, по моим наблюдениям, не увлекался этим. По-моему, он не читал книг, а если читал, то только то, что модно, хотя книги покупал. Я также очень люблю книги и часто их покупаю. Круг интересов Пеньковского в основном концентрировался вокруг его работы, о которой я, честно говоря, очень мало знал. Все это я объяснял его чрезвычайной загруженностью работой.

Председательствующий: До вас свидетель Рудовский показал, что у Пеньковского на первом плане были «гастрономические интересы». Что вы скажете по этому поводу?

Свидетель Финкельштейн: Действительно, он всегда показывал себя гурманом, человеком, который любит изысканную пищу, любит, чтобы ему это было как-то красиво подано. Создавалось впечатление, что как будто он воспитан в каком-то великосветском стиле.

Председательствующий: Был ли интерес у Пеньковского к политической жизни?

Свидетель Финкельштейн: Мало. Во всяком случае, на встречах со мной он никогда на политические темы разговора не вел. Более того, он даже их избегал. Если возникали разговоры о каких-то волнующих событиях общественной и политической жизни, то он их избегал и переходил на житейские темы.

Председательствующий: Товарищ прокурор, у вас есть вопросы к свидетелю?

Прокурор: Да, один вопрос есть. Расскажите, свидетель, о вечере в ресторане, когда вместо звона хрустальных бокалов раздавался стук каблучков дамских туфель наполненных вином.

Свидетель Финкельштейн. Этот случай был в ресторане «Поплавок». Не помню, в честь какого события, был ли чей-то день рождения или еще что, но собралась компания в этом «Поплавке» человек в 8, в том числе были 2 женщины. Одна — это Галя, которой увлекался Пеньковский, а другая — незнакомая мне женщина, пришла с одним из наших знакомых мужчин. Сидели, ужинали, выпивали. Многие были пьяны. Кто-то высказал мысль, что если ты уважаешь женщину, то должен выпить из ее туфли. Мы это одоб-

рили, посмеиваясь, а Пеньковский действительно налил вино в туфлю Гали и выпил его. Это вызвало смех присутствовавших.

Председательствующий: Эта туфля была снята с ноги?

Свидетель Финкельштейн: С ноги.

Председательствующий: Скажите, свидетель, с этой самой Галей Пеньковский встречался в вашей квартире?

Свидетель Финкельштейн: Нет, никогда.

Председательствующий: Адвокат Апраксин, у вас есть вопросы к свидетелю?

Адвокат Апраксин: Нет. У меня есть вопрос к подсудимому Пеньковскому.

Председательствующий: Хорошо. Адвокат Боровик, есть вопросы к свидетелю?

Адвокат Боровик: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, у вас есть вопросы к свидетелю Финкельштейну?

Пеньковский: Свидетель Финкельштейн очень подробно и правильно доложил о времени нашего знакомства, характере нашего знакомства и т. д.

В отношении подарков. Я считаю, что свидетель Финкельштейн правильно показал. Называть подарками все те безделушки — это очень громко будет для тех сувениров, которые я сам получал от иностранцев и раздавал своим знакомым. Я работал, например, с японской делегацией в составе 60 человек, и каждый из членов этой делегации почему-то считал себя обязанным подарить мне сувенир, в результате чего у меня образовался запас в 20 пар носков, которые я раздаривал своим товарищам.

Председательствующий: Пеньковский, вы сейчас слышали показания свидетелей Рудовского и Финкельштейна. Они говорили, что у вас был узкий кругозор и узкие интересы. Вы не выходили из круга разговоров о «гастрономических интересах». Они оба показали, что вы не интересовались политикой. Согласны ли вы, что у вас были ограниченные духовные интересы?

Пеньковский: Когда мы встречались с Финкельштейном и другими, то ставили перед собой задачу просто отдохнуть. Финкельштейн говорил: «Дайте

больше черемухи, ребята, тогда мы и отдохнем от всех проблем». У нас действительно были разговоры о женщинах и разговоры «гастрономического характера». Об этом Финкельштейн и Рудовский рассказали все подробно. Эти люди правильно, очевидно, сделали вывод, что я избегал политических разговоров. Но я говорю, что не я их избегал, а все мы разговаривали совершенно на отвлеченные темы. Мы бы могли говорить и о германской проблеме, и по другим вопросам, но мы хотели только отдохнуть и говорили о всяких пустяках.

Председательствующий: Подсудимый Винн, у вас есть вопросы к свидетелю Финкельштейну?

Винн: Нет, сэр.

Председательствующий: Товарищ адвокат Апраксин, у вас был вопрос к подсудимому Пеньковскому, прошу задать.

Адвокат Апраксин: Да. Подсудимый Пеньковский, вы в первый и второй день процесса говорили о своих собутыльниках. Кто они?

Пеньковский: Может быть, я грубо выразился, что они собутыльники, но это Финкельштейн, Рудовский и некоторые другие, которые на предварительном следствии показывали и сами, что мы часто встречались, выпивали.

Адвокат Апраксин: У меня нет больше вопросов.

Председательствующий: Товарищ комендант, проводите свидетеля Финкельштейна на скамью для свидетелей.

Председательствующий: Суд переходит к заслушиванию заключений экспертов.

Прошу эксперта Турова огласить заключение.

Эксперт Туров: 9 мая 1963 года Военная коллегия Верховного Суда СССР мне, эксперту-криминалисту Турову, поставила следующие вопросы:

1. Является ли бланк паспорта на имя другого гражданина с наклеенной фотокарточкой Пеньковского подлинным или фиктивным?

2. Какие рукописные документы из числа изъятых у Пеньковского при аресте исполнены лично Пеньковским?

3. Какие документы с машинописным текстом из числа изъятых у Пеньковского исполнены на пишу-

шей машинке «Континенталь» № 213956, принадлежащей Пеньковскому?

В результате проведенного анализа и сравнительного исследования документов установлено следующее:

1. Бланк паспорта на имя другого гражданина с наклеенной фотокарточкой Пеньковского О. В. по ряду полиграфических особенностей отличается от подлинных внутренних советских паспортов.

Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что бланк паспорта с наклеенной фотокарточкой Пеньковского О. В. является фиктивным.

2. Почерк в документах, начинающихся словами «Бл. № 1 — д/личн. польз.» (надпись на шифровальном блокноте), «Фанкхауз: Ленинский проспект...» (записка со знаками азбуки Морзе), «Если будете что-либо важное...», «(Метка) — дополнительно к телефонному звонку...», и в отдельных пометках в машинописном документе «Боевые характеристики...» совпадает с почерком в рукописях Пеньковского по степени технической выработанности, наклону, разгону и способу выполнения букв «а», «в», «к», «л», «м», «н», «п», «р», «т», «я», «ы».

На основании отмеченных совпадений можно сделать вывод, что упомянутые выше рукописные документы, изъятые у Пеньковского при аресте, исполнены Пеньковским О. В.

3. Машинописные документы, начинающиеся словами «Указатель количества пленки...» и «Мои дорогие друзья...», отпечатаны на принадлежащей Пеньковскому пишущей машинке системы «Континенталь» № 213956.

Это подтверждается совпадением оттиска шрифта пишущей машинки, на которой отпечатаны указанные выше машинописные документы, с оттиском шрифта пишущей машинки системы «Континенталь» № 213956, изъятой у Пеньковского, по размеру шага, размерам междустрочных интервалов, рисунку письменных знаков и по дефектам в литерях букв «е», «з», «ш», «щ».

Председательствующий: Товарищ прокурор, есть у вас вопросы к эксперту Турову?

Прокурор: Нет.

Председательствующий: Адвокат Апраксин?

Адвокат Апраксин: Нет.

Председательствующий: Адвокат Боровик?

Адвокат Боровик: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский?

Пеньковский: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Винн?

Винн: Нет, Ваша честь.

Председательствующий: Судебный эксперт Кузнецова, прошу вас огласить заключение.

Эксперт Кузнецова: Я, эксперт-химик Кузнецова Лидия Федоровна, провела химическую экспертизу. На заключение был поставлен следующий вопрос:

Какие химические особенности имеют два листа чистой белой бумаги, изъятых из тайника на квартире Пеньковского, и допускают ли эти особенности возможность пользоваться указанной бумагой для целей тайнописи?

На основании проведенного исследования отвечаю:

Два чистых листа белой бумаги по сравнению с обычной бумагой содержат на своей поверхности специально нанесенное химическое вещество, что дает возможность использовать ее в качестве тайнописной копировальной бумаги для написания невидимого текста.

Председательствующий: Есть ли вопросы у прокурора к эксперту?

Прокурор: Нет.

Председательствующий: У адвоката Апраксина?

Адвокат Апраксин: Нет.

Председательствующий: У адвоката Боровика?

Адвокат Боровик: Нет.

Председательствующий: У подсудимого Пеньковского?

Пеньковский: Нет.

Председательствующий: У подсудимого Винна?

Винн: Нет, Ваша честь.

Председательствующий: Эксперт-криминалист Закурдаев, огласите свое заключение.

Эксперт Закурдаев: 9 мая Военная коллегия Верховного Суда СССР передо мной, экспертом-криминалистом Закурдаевым, поставила следующие вопросы:

1. Пригодны ли изъятые у подсудимого Пеньков-

ского фотоаппараты «Минокс» и пленки к фотографированию?

2. Какими фотоаппаратами экспонированы 5 пленок, изъятые у подсудимого Пеньковского?

Отвечаю: На основании изучения и исследования представленных материалов пришел к выводу, что:

1. Фотоаппараты «Минокс» № 94280, 94065 и фотоаппарат без номера находятся в исправном состоянии и пригодны для фотографирования.

Фотографические пленки, изъятые у подсудимого Пеньковского, являются обычными негативными пленками средней светочувствительности и были пригодны для фотографирования.

2. На 5 пленках, изъятых у подсудимого Пеньковского, имеются негативные изображения. На основании анализа дефектов кадровых окон исследуемых фотоаппаратов и изображений этих дефектов, имеющих на экспонированных Пеньковским пленках, можно прийти к выводу, что 4 из этих пленок были экспонированы в аппарате «Минокс» без номера, а 1 — в аппарате «Минокс» № 94280.

Председательствующий: Товарищ прокурор, у вас есть вопросы к эксперту?

Прокурор: У меня вопросов к эксперту нет.

Председательствующий: Адвокат Апраксин?

Адвокат Апраксин: У меня вопросов нет.

Председательствующий: Адвокат Боровик?

Адвокат Боровик: У меня вопросов нет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский?

Пеньковский: У меня вопросов нет.

Председательствующий: Подсудимый Винн, есть ли у вас вопросы к эксперту?

Винн: Нет, Ваша честь.

Председательствующий: Эксперт Наумов, прошу огласить заключение.

Эксперт Наумов: Я, эксперт-радиоспециалист, на поставленные мне Военной коллегией Верховного Суда Советского Союза три вопроса:

1. Можно ли при помощи изъятых у подсудимого Пеньковского радиоприемников «Сония» и «Зенит» принимать радиogramмы в диапазоне волн, указанных Пеньковским?

2. Соответствует ли инструкция по шифрованию изъятых у Пеньковского дешифровальным блокнотам?

3. Пригодны ли изъятые у Пеньковского транзисторные радиоприемники для выполнения задач, предусмотренных инструкцией по радиовещанию? —

отвечаю: В результате проведенного ознакомления и исследования изъятых у подсудимого Пеньковского радиоприемников «Сония» и «Зенит», 6 перешифровальных блокнотов, 2 инструкции: «Особые инструкции для употребления шифровальных блокнотов» и «Инструкция по процедуре радиовещания» — установлено:

1. Радиоприемник фирмы «Сония» изготовлен в Японии. Приемник супергетеродинного типа, собран на 8 транзисторах, имеет 2 поддиапазона частот: 535—1605 *кГц* — средние волны и 3900—12000 *кГц* — короткие волны. Питание радиоприемника осуществляется от сухих элементов, 4 штук, с общим напряжением 6 вольт.

Приемник имеет ферромагнитную и штыревую телескопическую антенны, гнездо для подключения внешней антенны и гнездо для включения малогабаритного магнитного телефона (с одновременным включением динамического громкоговорителя).

Радиоприемник фирмы «Зенит» (модель «1000», заводской номер — 8811465) изготовлен в США.

Приемник супергетеродинного типа собран на 9 транзисторах с общим диапазоном частот:

длинные волны от 150 до 400 *кГц*;

средние волны от 550 до 1600 *кГц*;

короткие волны от 2000 до 22500 *кГц*.

Радиоприемник имеет 9 поддиапазонов. Питание приемника осуществляется от 9 сухих элементов с общим напряжением 13,5 вольта. Радиоприемник имеет 2 ферромагнитные антенны (одна из них выносная) и штыревую — телескопическую, вмонтированную в ручку приемника.

На передней панели имеется гнездо для включения посредством штекерной вилки малогабаритного магнитного телефона (с одновременным выключением динамика), а в задней части шасси приемника — гнездо для подключения звукоснимателя.

На крышке передней панели радиоприемника

имеется специальное устройство с картой часовых поясов земного шара для определения зонального времени.

Изъятые у подсудимого Пеньковского радиоприемники фирм «Сония» и «Зенит» предназначены для приема передач радиотелефонных (вещательных) радиостанций и телеграфных сообщений, передающихся в режиме тональной манипуляции. Приемники в рабочем состоянии.

На частотах 7980, 10315 *кГц* — для летнего периода и 5440, 6315, 4770 и 6920 — для зимнего периода, указанных подсудимым Пеньковским, прием радиogramм, передающихся в режиме тональной манипуляции сигналами азбуки Морзе, возможен.

2. Инструкция по правилам работы с шифрами и перешифровальными блокнотами — «Особые инструкции для употребления шифровальных блокнотов» — предназначена для обучения агента работе с пятизначным цифровым шифром.

Инструкция содержит следующие наставления: правила набора открытого смыслового текста, предназначенного для зашифрования путем замены букв текста на цифровые значения и формирования их в пятизначные группы, порядок и правила перешифрования набранных групп способом наложения бесконечных пятизначных цифровых групп, взятых из страницы перешифровального блокнота (блокнот для зашифрования или расшифрования). По данной инструкции при зашифровании и расшифровании наложение бесконечных пятицифровых групп, взятых из страниц перешифровальных блокнотов, производится путем криптографического (ложного) вычитания. Из групп вычитаются пятицифровые группы принятого или зашифрованного шифра радиogramмы.

Инструкция дает советы по мерам предосторожности в правильности пользования и хранения перешифровальных блокнотов.

Вывод: «Особые инструкции для употребления шифровальных блокнотов», изъятые у подсудимого Пеньковского, соответствуют назначению перешифровальных блокнотов по зашифрованию и расшифрованию шифровальных радиogramм.

3. «Инструкция по процедуре радиовещания» яв-

ляется инструкцией по обучению агента приему шифрованных радиogramм, передаваемых по радио путем сигналов азбуки Морзе (цифры передаются сокращенно). В ней приведены разъяснения по способу и правилам записи принимаемых по радио шифротелеграмм при помощи черточек (точки записываются при приеме дробной чертой, а сигнал тире — черточкой — тире) с последующим переводом этих записей в цифровые значения (в инструкции имеется специальная таблица). Кроме того, в инструкции указан опознавательный сигнал (позывной), в данном случае «163», на который агент должен настроить свой радиоприемник при известной ему частоте.

В инструкции имеются разъяснения о последовательности составления шифротелеграмм, порядке приема учебных шифротелеграмм (болванок), а также по ряду служебных сообщений, необходимых при передаче радиogramм, как-то: сигналы повторения шифротелеграмм, знак раздела, конец передачи радиogramмы, сигнал о неисправности радиопередатчика, сигнал, указывающий на отсутствие радиogramмы для агента.

Вывод: Транзисторные радиоприемники, изъятые у подсудимого Пеньковского, при наличии у него определенного плана передач для выполнения требований, предусмотренных «Инструкцией по процедуре радиовещания», пригодны.

Председательствующий: Товарищ прокурор, у вас есть вопросы к эксперту?

Прокурор: Нет, вопросов к эксперту я не имею.

Председательствующий: Адвокат Апраксин?

Адвокат Апраксин: У меня есть вопрос к эксперту Наумову.

Скажите, пожалуйста, чувствительность японского приемника «Сония» достаточна для того, чтобы принимать сигналы из разведывательного радиоцентра?

Эксперт Наумов: Да, достаточна.

Председательствующий: Адвокат Боровик, у вас есть вопросы к эксперту?

Адвокат Боровик: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский, у вас есть вопросы к эксперту?

Пеньковский: Вопросов нет, но я должен заявить

суду, что я работал только на одном приемнике «Сония», американский приемник «Зенит» мною не использовался.

Председательствующий: Но эксперт не может знать, на каких вы работали приемниках.

Пеньковский: На следствии проводился специальный эксперимент, в процессе которого я также работал на японском приемнике «Сония».

Председательствующий: Эксперт Наумов, что вы можете ответить на вопрос, можно ли было работать и на приемнике «Зенит»?

Эксперт Наумов: Я подтверждаю, что можно работать и на «Зените» и на «Сония».

Председательствующий: Может быть, есть признаки, позволяющие определить, что приемник «Зенит» вообще не использовался?

Эксперт Наумов: Таких признаков нет.

Председательствующий: Подсудимый Винн, у вас есть вопросы к эксперту?

Винн: Нет, Ваша честь.

Председательствующий: Прошу всех экспертов представить суду письменные заключения.

Председательствующий: Судом вызывался свидетель Казанцев, но, как уже здесь объявлялось, он заболел, находится в больнице, о чем суду представлена справка. Какие соображения участников процесса? Огласить показания свидетеля Казанцева, данные на предварительном следствии, или нет? Товарищ прокурор, как вы считаете?

Прокурор: Я считаю возможным огласить показания свидетеля Казанцева, данные на предварительном следствии.

Председательствующий: Адвокат Апраксин?

Адвокат Апраксин: Я не возражаю.

Председательствующий: Адвокат Боровик?

Адвокат Боровик: Не возражаю.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский?

Пеньковский: Я прошу огласить.

Председательствующий: Подсудимый Винн, вы не возражаете против оглашения показаний свидетеля Казанцева?

Винн: Нет, никаких возражений у меня нет.

Председательствующий: Суд, совещаясь на месте, определил: «Огласить показания свидетеля Казанцева, данные на предварительном следствии».

Товарищ секретарь, прошу огласить показания свидетеля Казанцева, данные на предварительном следствии.

(Секретарь зачитывает показания свидетеля Казанцева — том 7, л. д. 235—240)

Вопрос: Выезжали ли вы весной 1961 года в составе советской делегации в командировку в Англию?

Ответ: Да, выезжал.

Вопрос: Вы знаете Пеньковского О. В.?

Ответ: С Пеньковским я познакомился незадолго до отъезда в Англию. Встреча с ним произошла в ГК по КНИР, куда были приглашены я, Колесов, Лопатов и Домбур. Пеньковский заявил, что он назначен главой делегации советских специалистов, выезжающих в Англию. Он изложил вкратце цель нашей поездки и пояснил, что в декабре 1960 года Советский Союз посетила английская делегация, которая осмотрела некоторые предприятия. По словам Пеньковского, наша делегация едет с ответным визитом вежливости и должна ознакомиться с рядом производственных предприятий и научно-исследовательских учреждений Англии. Кроме того, Пеньковский заметил, что мы должны обратить внимание на оборудование, представляющее для нас интерес. Пеньковский назвал ряд фирм, которые мы должны были посетить в Англии. Несколько последующих дней ушли на оформление документов на выезд.

20 апреля 1961 года мы в составе названных выше лиц вылетели в Лондон.

По прибытии в Лондон в аэропорту нас встретил работник советского посольства, фамилию которого не помню. Тогда же нам представили английского переводчика, назвавшегося Андреем Карловичем Андрю. Со слов Андрю мне известно, что он шотландец, родился в Петербурге в 1907 году. В России жил до 1914 года. Отец его якобы служил в Петербурге. В Лондоне, как говорил Андрю, он проживает в собственном доме возле Гайд-парка. Русским языком он владел хорошо, любил рассказывать анекдоты. Андрю

сопровождал делегацию во время нашего пребывания в Англии.

В аэропорту нам предоставили две автомашины, которые обслуживали нас в течение всей командировки. На автомашине, на которой я ездил, шофер был профессионал; в автомашине с нами всегда находился Андрию. На второй автомашине ездил Пеньковский и кто-то один из членов делегации. Встречал ли нас Винн — я сказать не могу, поскольку до этого его я лично не знал. Нас определили в гостиницу и предоставили каждому отдельный номер. Вечером в ресторане этой гостиницы устроили прием, на котором присутствовало довольно много лиц. С приветственной речью обратился Винн, с ответным словом выступил Пеньковский. На приеме присутствовал представитель советского посольства, фамилию и имя которого не знаю. После приема и ужина мы разошлись по своим номерам.

Вопрос: Вечером 20 апреля 1961 года после приема и ужина вы видели Пеньковского в гостинице?

Ответ: Вечером 20 апреля 1961 года я после ужина Пеньковского не видел и, чем он занимался в тот вечер, не знаю. Увидел его лишь утром.

Должен отметить, что за время пребывания в Англии мы, члены делегации, в гостиницах размещались в отдельных номерах. Пеньковский, как правило, вечерами с нами не находился, где он бывал — нам не рассказывал, а мы же, когда уходили, ставили его в известность.

Выше я показал, что за нами были закреплены две автомашины, на которых мы совершали поездки по Англии с 23 по 28 апреля 1961 года. Во время поездок я находился в автомашине, которой управлял профессиональный шофер. На этой же автомашине кроме меня были один или два наших товарища и переводчик Андрию. Другой автомашиной управлял Винн, на ней ехал Пеньковский и один или два наших товарища.

21 апреля 1961 года мы посетили фирму «Лео». Представитель фирмы по фамилии Браудэ давал нам объяснения на русском языке. В тот же день мы посетили и другую фирму. Кроме того, заехали на английскую промышленную выставку и оттуда в советское посольство. За период нахождения в Англии мы посе-

тили целый ряд промышленных и научных предприятий, а по возвращении в Советский Союз составили подробный отчет о пребывании в Англии, который передали Пеньковскому.

Не воспроизводя все подробности командировки, я хочу остановиться на некоторых деталях. Деньги, которые нам были выданы для оплаты в Англии за гостиницы, перед отъездом мы сдали Пеньковскому. Во время поездки по Англии за гостиницы мы не платили. Насколько мне помнится, на оплату за гостиницу выдавали нам по 2 фунта в сутки. Пеньковский говорил, что сам рассчитывался за гостиницы.

Во время поездки по Англии, с 23 по 28 апреля 1961 года, представители фирм за свой счет организовывали для членов делегации обеды и ужины, а завтракали мы на свои деньги.

Утром 27 апреля 1961 года мы посетили выставку фирмы «Эдгар Аллен». Нас встретили несколько представителей этой фирмы, в том числе Меримен. О нем Пеньковский упомянул еще в Москве, когда рассказывал, на каких предприятиях мы будем. Говоря о фирме «Аллен», он сказал, что там находится Меримен, друг генерала Александера, и что Меримен приезжал в Москву во время Отечественной войны.

Следует отметить, что Меримен присутствовал на приеме в Лондоне в день нашего приезда — 20 апреля 1961 года. И он же приезжал проститься с нами перед нашим отъездом из Лондона.

Меримену около 60 лет, худощавый, с продолговатым лицом, лысый, носит очки.

27 апреля 1961 года мы выехали в г. Бирмингем, а утром 28 апреля направились в г. Вулверхемптон, где посетили фирму «Джон Томпсон». Перед выездом из Бирмингема я предложил Винну поехать в Лондон по дороге, идущей через г. Стретфорд на Эйвоне (родина Шекспира), с тем чтобы посетить музей Шекспира. Винн вначале согласился, и мы поехали. Когда мы проезжали по городу, нас догнал Винн и сказал нашему шоферу, чтобы он поехал по другой дороге. Почему Винн вначале дал согласие поехать через Стретфорд, а затем изменил свое решение — я не знаю.

28 апреля 1961 года мы прибыли в Лондон, и нас разместили в той же гостинице, но в других номерах.

Мы должны были возвратиться в Советский Союз, но срок командировки был продлен.

Вопрос: В связи с чем был продлен срок пребывания вашей делегации в Англии?

Ответ: Пеньковский очень хотел, чтобы наша делегация осталась в Лондоне еще на несколько дней. Необходимость продления срока командировки он объяснял тем, что надо осморгреть британскую промышленную выставку. Инициатива и возбуждение ходатайства перед посольством и Москвой о необходимости продления срока нашего пребывания в Лондоне исходили от Пеньковского. Никто из членов делегации не ставил и не мог ставить перед Пеньковским вопрос о том, чтобы продлить командировку. Пеньковский добился продления срока командировки до 6 мая 1961 года. 1 и 2 мая 1961 года мы посетили научные учреждения СЛОУ, ознакомились с фирмой «Фиранти» и фирмой «Ультра».

С 28 апреля по 5 мая 1961 года по вечерам Пеньковский с нами не был, где он находился — я не знаю. 3 мая 1961 года во время посещения выставки Пеньковский довольно скоро уехал с выставки, и в течение всего дня, как мне помнится, он не появлялся.

4 мая 1961 года посетили мы выставку, а затем в посольстве обрабатывали материалы. Точно так же и 5 мая 1961 года в первой половине дня. Пеньковский, как правило, с нами не работал, а время от времени, с перерывом в 2—3 часа, заходил и интересовался, как идет у нас работа, и уходил.

Во второй половине дня 5 мая 1961 года Пеньковский пошел с нами в город, чтобы сделать кое-какие покупки на оставшиеся у нас деньги. Насколько мне помнится, суточные деньги члены делегации хранили у Пеньковского.

Вечером 5 мая 1961 года нас в гостинице навещал Винн вместе со своей женой.

Отношения Винна с Пеньковским были дружелюбные, но тогда это не вызывало подозрения, так как нам было известно, что Пеньковский с Винном встречался ранее в Москве, а в Лондоне Винн сопровождал нас и был как хозяин.

За время пребывания в Англии в поведении Пеньковского я ничего подозрительного не замечал.

Хотел бы отметить следующий случай. Будучи в г. Стретфорде, Пеньковский почувствовал себя плохо и сослался на боли в животе. Был вызван доктор, и Пеньковского хотели даже положить в больницу. Через 2—3 часа он почувствовал себя лучше, и мы продолжали путь.

Вопрос: Какие подарки привез Пеньковский из Англии?

Ответ: Какие Пеньковский привез подарки из Англии — мне неизвестно. Во время посещения фирм Пеньковский получал сувениры от представителей фирм и позднее нам их вручал.

Вопрос: Что имеете дополнить?

Ответ: Дополнений нет.

Председательствующий: У вас, подсудимый Пеньковский, будут замечания по показаниям свидетеля Казанцева?

Пеньковский: Профессор Казанцев не совсем точен в следующих вопросах. С профессором Казанцевым и членом делегации Домбур я ходил в советское посольство в Англии, там они, как специалисты, аргументировали перед послом необходимость продления командировки на четыре дня, с чем посол согласился. Очевидно, профессор Казанцев это запомнил.

Кроме того, его показания о том, что я постоянно отсутствовал вечерами, также не соответствуют действительности. Я отсутствовал только 20 и 22 апреля.

Председательствующий: Где вы были в это время?

Пеньковский: На встречах с разведчиками. 23 апреля мы вместе со всеми членами делегации выехали в поездку по Англии, и я все время находился с делегацией. В этой поездке мы находились в течение семи-восьми дней. После этой поездки я еще два вечера провел на встречах с разведчиками. Таким образом, отсутствовал всего четыре вечера, остальное время был с делегацией.

Председательствующий: Значит, вы четыре вечера проводили с разведчиками?

Пеньковский: Да. В остальном показания Казанцева соответствуют действительности.

Председательствующий: Подсудимый Винн, у вас есть какие-либо пояснения по оглашенным показаниям свидетеля Казанцева?

Винн: Нет.

Председательствующий: Есть какие-либо дополнения у участников судебного процесса к судебному следствию? Товарищ прокурор?

Прокурор: У меня никаких дополнений к судебному следствию нет. Я считаю, что все обстоятельства дела исследованы в суде самым тщательным и глубоким образом.

Председательствующий: Адвокат Апраксин?

Адвокат Апраксин: У меня дополнений нет.

Председательствующий: Адвокат Боровик?

Адвокат Боровик: У меня два вопроса к подсудимому Винну.

Председательствующий: Подсудимый Винн, прошу ответить на вопросы вашего адвоката.

Адвокат Боровик: Скажите, Винн, получали ли вы когда-нибудь от английских разведчиков денежное вознаграждение?

Винн: Нет, сэр. За исключением компенсации расходов в Париже, я никогда ничего не получал, и мне никогда ничего не обещали.

Адвокат Боровик: Как был произведен расчет с вами за расходы, понесенные в момент пребывания Пеньковского в Париже?

Винн: Я собрал и сохранил все основные счета: счета за пребывание в гостинице, некоторые счета за посещение ресторанов, но всякие мелкие расходы, такие, как оплата за проезд в такси и т. д., возмещены мне не были, так как счетов у меня не было.

Адвокат Боровик: Никаких дополнительных денежных средств вы не получили лично для себя?

Винн: Нет, никакой материальной выгоды я не получил, напротив, всякого рода мелкие расходы я оплачивал из своего кармана, точнее, за счет своей фирмы.

Адвокат Боровик: У меня больше вопросов нет.

Председательствующий: Подсудимый Винн, прошу уточнить, английская разведка возместила вам ваши расходы в Париже только на Пеньковского или и ваши личные расходы?

Винн: Британская разведка возместила мне те расходы, которые были связаны с совместным моим пребыванием с Пеньковским в Париже. Что касается рас-

ходов, которые я нес по делам своей компании, то они оплачивались за счет средств моей фирмы.

Председательствующий: Подсудимый Винн, садитесь.

Подсудимый Пеньковский, есть у вас какие-либо дополнения к судебному следствию?

Пеньковский: У меня никаких дополнений к судебному следствию нет.

Председательствующий: Подсудимый Винн, есть ли у вас какие-либо дополнения к судебному следствию?

Винн: Нет, Ваша честь.

Председательствующий: Садитесь, подсудимый Винн.

Судебное следствие объявляю законченным. Прошу участников судебного процесса подготовиться к произнесению судебных речей.

(Объявляется перерыв до 16 часов.)

Вечернее заседание

(Стенографическая запись)

16 ч. 00 м.

Комендант: Прошу встать. Суд идет!

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста. Судебное заседание продолжается.

Военная коллегия Верховного Суда Советского Союза приступает к выслушиванию судебных прений.

Слово предоставляется государственному обвинителю Главному военному прокурору генерал-лейтенанту юстиции товарищу Горному.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ А. Г. ГОРНОГО

Товарищи судьи, члены Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР!

В течение нескольких дней мы с большой тщательностью и объективностью, как требует советский уголовно-процессуальный закон, шаг за шагом исследовали обстоятельства настоящего судебного дела, по которому обвиняются гражданин Советского Союза Пеньковский и подданный Великобритании Винн. И хотя их деяния квалифицированы разными статьями Уголовного кодекса РСФСР, но творили они одно и то же черное дело, занимаясь шпионажем в пользу двух крупнейших разведок, американской и английской, одновременно.

За последние годы это не первое дело о шпионаже, которое рассматривается нашим военным судом. Есть

у всех этих дел то, что их объединяет, есть у каждого и свои особенности.

Приступая к выполнению заключительной части своих обязанностей государственного обвинителя, я хотел бы прежде всего обратить ваше внимание на некоторые аспекты данного судебного процесса, вызывающего пристальное внимание мирового общественного мнения.

Огромные успехи Советского Союза в осуществлении программы строительства коммунистического общества, рост могущества всех социалистических стран вызывают все большую ненависть реакционных империалистических кругов, врагов мира, демократии и прогресса.

В осуществлении своих агрессивных планов империалисты отводят важное место провокационной, подрывной и разведывательной деятельности. «Тайная война» против нашего государства, начатая империалистическими разведками уже в первые дни после победы Великого Октября, не прекращалась никогда, наоборот, она активизируется и расширяется и в ряде империалистических государств возведена на уровень государственной политики.

Ведущая роль в этом принадлежит Центральному разведывательному управлению США — опоре наиболее авантюристических кругов Соединенных Штатов Америки. Как гигантский спрут, оно протягивает свои щупальца во все уголки мира, содержит колоссальное количество шпионов и тайных осведомителей, непрерывно организует заговоры и убийства, провокации и диверсии. Шпионажу служат современная техника: от миниатюрных фотоаппаратов «Минокс», лежащих перед вами, и до космических спутников — «шпионов в небе».

Английская разведывательная служба «Сикрет интеллидженс сервис», существующая уже около 300 лет, действует не менее коварными и изощренными способами, но пытается больше оставаться в тени. Деятельность этих главных цитаделей шпионажа против СССР смыкается и тесно координируется, что отчетливо можно наблюдать в данном судебном деле, но что, впрочем, не снимает существующих между ними противоречий и борьбы друг против друга.

Основные усилия империалистических разведок направляются на организацию тотального шпионажа против социалистических стран. Их внимание особенно привлекают замечательные достижения Советского Союза в области атомной энергии, ракетной техники и освоения космоса. Они активно пытаются использовать шпионаж для преодоления своего отставания в ряде областей. Они открыто и цинично говорят о своих целях.

Выступая 26 января 1960 года перед сотрудниками аэронавтического института, американский шпион № 1 Аллен Даллес, уволенный затем после ряда провалов с поста начальника ЦРУ, заявил:

«Сейчас наша главная задача состоит в том, чтобы определить, каково положение Советского Союза в ракетной технике и в других военных областях и каким оно будет в ближайшем будущем. Нас, американцев, ужасно интересуют такие вещи, как потенциальные возможности Советского Союза производить ракеты, запасы советских ракет, роль ракет в советском военном планировании...»

Даллес горько жаловался на монолитность советского общества и высокую бдительность наших людей, говоря, что «над военной областью русские пытаются сегодня сохранить непроницаемую завесу секретности».

Крупная ставка делается на шпионаж как средство достижения тех целей, перед которыми терпят неудачу политика и дипломатия. Так было с пресловутым планом «открытого неба», и, после того как он был решительно отвергнут за дипломатическим столом, его пытались осуществить при помощи пауэрсов.

Подменяя проблему разоружения контролем над вооружениями, ставя во главу угла инспекцию как базу для широкой разведывательной деятельности, ибо контроль без разоружения означал бы узаконение международного шпионажа, ныне пытаются использовать пеньковских и виннов, чтобы приподнять ту непроницаемую завесу, о которой сетовал Даллес.

Бесцеремненно попирая нормы международного права, активную разведывательную шпионскую деятельность ведут некоторые дипломатические представители ряда империалистических государств. Нельзя

сказать, чтобы это было для нас ново. Уже при рождении Советской власти наш народ познал подлинное лицо таких дипломатов, как американский посол в России Дэвид Фрэнсис или глава английской миссии Брюс Локкарт, выступавших в роли шпионов и вдохновителей контрреволюционных заговоров. Настоящий судебный процесс еще раз ярко разоблачает эту неприглядную сторону буржуазной дипломатии.

Шпионажем занимаются не только профессиональные разведчики с дипломатическими паспортами. В это грязное дело вовлекаются члены различных делегаций, ученые, коммерсанты, студенты, туристы, что, конечно, не способствует укреплению доверия между нациями, развитию научного, культурного сотрудничества и международной торговли.

«Оживленная торговля,— указывает товарищ Н. С. Хрущев,— издревле считалась добрым знаком в отношениях между государствами». Но и эту отрасль международной деятельности пытаются использовать в разведывательных целях, о чем наглядно свидетельствует пребывание на скамье подсудимых английского бизнесмена Винна.

Не находя никакой социальной опоры и базы для развертывания вражеской деятельности среди советских людей, иностранные разведки вынуждены делать ставку на изменников, продавших свою Родину еще в годы Великой Отечественной войны, на нищенствующих «перемещенных» лиц и других отщепенцев. Именно из этой среды вербовались в послевоенные годы шпионы и диверсанты, перебрасывавшиеся в СССР и находившие здесь бесславный конец.

Наряду с этим делаются настойчивые попытки использовать в коварных целях тех отдельных членов нашего общества, которые в силу идейной неустойчивости и моральной нечистоплотности, карьеризма, корыстолюбия и других личных отрицательных качеств при определенных обстоятельствах могут стать на преступный путь.

Империалистическая пропаганда стремится всеми средствами подогреть у советских людей отсталые взгляды и настроения, пережитки прошлого — индивидуализм, прожигательское отношение к жизни, частнособственническую психологию, возлагая надежды на

идеологические диверсии с тем, чтобы использовать их результаты для диверсий политических, одной из форм которых и является шпионаж.

И в этом отношении уроки настоящего процесса имеют поучительный характер.

I. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ АГЕНТОМ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДОК ПЕНЬКОВСКИМ

Товарищи судьи! Я счел необходимым сделать эти замечания, прежде чем перейти к изложению фактических обстоятельств дела.

Материалами предварительного и судебного следствия установлено, что подсудимый Пеньковский, являясь авантюристом, карьеристом и морально разложившимся человеком, стал на путь предательства, измены Родине и был завербован империалистическими разведками.

В конце 1960 года он предпринял попытку связаться с американской разведкой. В дальнейшем, используя незаслуженно оказанное ему доверие и свое положение заместителя начальника иностранного отдела Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ, имея по роду службы возможность встречаться с иностранцами, приезжавшими в Советский Союз в составе различных научно-технических делегаций, Пеньковский вступил в доверительные отношения с владельцем посреднических компаний «Гревилл Винн лимитед» и «Мобайл экзибишенс лимитед», одновременно выполнявшим функции консультанта ряда английских фирм, подданным Великобритании Гревиллом Винном, неоднократно посещавшим Советский Союз.

В апреле 1961 года, во время очередного приезда Винна в Москву, между ним и Пеньковским состоялся откровенный разговор, в котором Пеньковский раскрыл, а затем по предложению Винна изложил в письменной форме свои возможности по сбору сведений, интересующих английскую разведку, и вручил эти данные Винну перед отлетом его из Москвы.

После этого Пеньковский приступил к сбору шпион-

ских сведений, для чего он активно использовал различные каналы: доступ к документам и информации, который он имел по характеру своей службы в Государственном комитете по координации научно-исследовательских работ, знания, полученные им в период службы в Советской Армии и учебы, связи и знакомства с работниками государственных учреждений и военнослужащими.

Прибыв 20 апреля 1961 года в Лондон в служебную командировку, Пеньковский привез с собой пакет с рядом совершенно секретных сведений, который в день приезда передал Винну в гостинице «Маунт ройял».

В одном из номеров этой же гостиницы, указанном ему Винном, Пеньковский имел четыре встречи с иностранными разведчиками, из которых двое, назвавшиеся «Грилье» и «Майлом», рекомендовались представителями английской разведки, а двое других, именовавшие себя «Александром» и «Ослафом», — американской, и с этого момента мы наблюдаем «трогательное единение» английской и американской разведок, хотя по мере дальнейшего развития событий определяется доминирующая роль американцев и подчиненная — англичан.

Во время этих встреч Пеньковский был завербован английской и американской разведками, дал письменное обязательство сотрудничать с ними и одновременно обратился с просьбой к правительствам этих государств о предоставлении ему в случае необходимости английского подданства или гражданства США. Я обращаю внимание на эту предусмотрительную дальновидность Пеньковского, который в суде настойчиво отрещивался от своих намерений бежать в подходящий момент на Запад.

От своих «хозяев», на службу к которым он нанялся, Пеньковский получил задание по широкому кругу вопросов, причем особый интерес проявлялся к сведениям военного характера.

Вот что показал Пеньковский в суде по этому поводу:

«Я получил задание наладить и активизировать контакты с людьми, которые могут давать информацию военного, экономического и политического характера, чаще встречаться со своими товари-

щами — военнослужащими, интересоваться военными вопросами, а также событиями по таким жгучим проблемам, как «берлинский вопрос», советско-китайские отношения, всеми экономическими проблемами».

Пеньковский был снабжен шпионским снаряжением: фотоаппаратом «Минокс» с пленками к нему, транзисторным радиоприемником марки «Сония» японского производства, шифровальными блокнотами, бумагой для тайнописи и детально проинструктирован по технике их применения, конспирации и оборудованию тайника.

Вы, товарищи судьи, осмотрев вещественные доказательства и фотоснимки тайника, оборудованного в письменном столе Пеньковским, имели возможность убедиться в том, что он, как прилежный ученик, выполнял все наставления разведок, что, впрочем, не спасло его от разоблачения, а его «хозяев» от очередного крупного провала.

В Лондоне было обусловлено, что дальнейшие инструкции Пеньковский получит через Винна, очередной визит которого не заставил себя долго ждать, и спустя 21 день Винн снова появился в Москве под предлогом своих коммерческих дел. Пеньковский передал ему новую партию шпионских материалов на 20 экспонированных пленках, а также исполненное тайнописью письмо, а от Винна получил инструктивное письмо разведцентра и 30 фотопленок.

После отъезда Винна Пеньковский продолжал собирание и фотографирование секретных материалов экономического, политического и военного характера. В конце июня 1961 года он принял из разведцентра шифрованную радиограмму на обусловленных частотах, а также принял ряд учебных радиограмм, так называемых «болванок», или «болванов», как они именуются в инструкции, полученной Пеньковским и распространенной к делу в качестве вещественного доказательства. «Болваны дают возможность заниматься практикой», — учит инструкция, и вот Пеньковский по ночам, когда спала его семья, тревожно вздрагивая при малейшем шорохе, тренировал свои шпионские способности при помощи «болванок».

В июле 1961 года Пеньковский прибыл во второй

раз в Лондон в служебную командировку, которую он вновь использовал в своих преступных целях. Он привез и передал через Винна в пакетах новые секретные материалы и затем при содействии Винна имел пять встреч с представителями английской и американской разведок, из них четыре — на конспиративной квартире в Лондоне и одну — на загородной даче.

Во время этих встреч разбирались содержание ранее переданных Пеньковским документов, он рассказывал о своей прошлой работе в военных учреждениях и выдал ряд важных сведений, составляющих государственную и военную тайну СССР. Весь этот материал, как хвастливо объяснил Пеньковский, получил высокую оценку иностранных разведок, видимо, «хозяева» и их слуга остались друг другом довольны.

Иностранные разведчики дали новые задания Пеньковскому, в которых особый упор делался на сбор шпионских сведений о Советских Вооруженных Силах, ракетных войсках, войсках, дислоцирующихся в Германской Демократической Республике, и о подготовке к заключению мирного договора с ГДР.

В этот свой приезд Пеньковский прошел очередной инструктаж по использованию радиопередатчиков дальнего и направленного действия и познакомился лично с английской разведчицей Чизхолм Джаннет-Анной, женой второго секретаря посольства Великобритании в Москве Родерика Чизхолма — также разведчика (так что можно сказать, что шпионаж являлся семейной профессией супругов Чизхолм). Были обусловлены порядок, время и место конспиративных встреч между Пеньковским и Анной Чизхолм в Москве.

Я хотел бы обратить внимание суда на эпизод, ярко характеризующий с одной стороны всю глубину падения Пеньковского, а с другой — его авантюристические честолюбивые планы.

Речь идет о встрече с разведчиками в Лондоне, на которой Пеньковский облачался в сшитые для него военные мундиры со знаками различия полковников английской и американской армий, фотографировался в них, знакомился с заготовленными документами на случай вступления в английское или американское гражданство и получил заверение, что после окончания

его шпионской деятельности на территории СССР ему будет гарантирована ответственная должность.

Все это весьма льстило Пеньковскому, но он и этим до конца не был доволен. Желая получить еще более прочные гарантии, набивая себе цену, Пеньковский настойчиво требовал от разведчиков организовать ему встречу с высокопоставленным представителем английского правительства и, как он утверждает, при этом даже стучал кулаком по столу.

Возвратившись в Москву, Пеньковский продолжает собирать шпионские сведения, предавать и продавать государственные интересы своей Родины.

В августе 1961 года на связь к Пеньковскому в Москву приезжает Винн под предлогом осмотра французской выставки. Пеньковский передает Винну пакет с собранной им информацией, а также пришедший в негодность фотоаппарат «Минокс» для замены, а от Винна получает в упаковке новый аппарат той же фирмы, фотопленки, инструктивное письмо и коробку конфет, предназначавшуюся в качестве контейнера для передачи шпионских материалов.

В первых числах сентября на Цветном бульваре Пеньковский передал в этой коробке сфотографированные им документы Анне Чизхолм через ее ребенка. Как видите, в этой семье даже дети приобщались к шпионажу.

20 сентября 1961 года Пеньковский в составе советской делегации прибыл в служебную командировку в Париж и в аэропорту «Ле Бурже» передал Винну в пакете очередную партию шпионских материалов. В Париже Пеньковский неоднократно встречался с представителями английской и американской разведок, во время встреч передал им ценную устную информацию, получил новые задания и проходил инструктаж. Здесь же он имел встречу с Анной Чизхолм для уточнения планов поддержания контактов в Москве.

Парижские конспиративные встречи имели одну особенность, мимо которой можно было бы и пройти, если бы она не раскрывала некоторой закулисной стороны во взаимоотношениях американской и английской разведок. Так вот, в Париже американские разведчики, видимо, решили «наставить рога» своим

английским партнерам и организовали втайне от них свидание с Пеньковским.

Во время этой встречи, как вы помните из показаний Пеньковского, американцы «Александр» и «Ослаф» выразили сожаление, что приходится «делить» Пеньковского с англичанами, и обещали ему золотые горы, как только Пеньковский вступит на американский континент.

Во время пребывания в Париже Пеньковскому был назван подобранный американцами тайник в подъезде дома № 5/6 на Пушкинской улице в Москве и объяснены правила пользования им: перед закладкой шпионских материалов в тайник Пеньковский должен был поставить черную метку на осветительном столбе № 35 по Кутузовскому проспекту, затем, заложив тайник, дважды позвонить по телефонам: ГЗ-26-87 и ГЗ-26-94 и, услышав отзыв абонентов, положить трубку. Это означало, что разведчики могут идти к тайнику. По одному из указанных телефонов должен был ответить «Джонс», а по второму — «Дэвисон». Позднее Пеньковский получил сообщение, что вместо «Джонса» ответит «Монтгомери».

Эти же номера телефонов Пеньковский должен был использовать и в том случае, если он окажется в затруднительном положении. Тогда на столбе № 35 ему следовало поставить черный крест и, позвонив по указанным телефонам, трижды сильно подуть в трубку.

Все эти условности Пеньковский записал на листе бумаги, который был изъят у него при аресте, приобщен к делу в качестве вещественного доказательства и вами осмотрен (том 8, л. д. 110).

Здесь оглашалась справка, и вы, товарищи судьи, знаете, что телефон ГЗ-26-94 находится в квартире помощника военно-воздушного атташе США Алексиса Дэвисона, а телефон ГЗ-26-87 — в квартире, где до февраля 1962 года проживал второй секретарь американского посольства Вильямс Джонс, а ныне — атташе посольства США Хью Монтгомери.

Нам могут сказать, что наличие у Пеньковского номеров телефонов дипломатических сотрудников вовсе не есть еще доказательство его преступной связи с этими лицами, ибо Пеньковский по роду своей официальной службы был связан с иностранцами, бывал

на дипломатических приемах, да и вообще узнать эти телефоны не столь уж хитрое дело.

Следствие предвидело возможность подобных рас-суждений и не просто приняло на веру объяснения Пеньковского, а подвергло их объективной проверке.

Как вы уже знаете, в этих целях в соответствии со ст. 183 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 2 ноября 1962 года был произведен следственный экс-перимент с соблюдением всех условий закладки и вы-зова разведчиков к тайнику, о которых показал Пень-ковский. Вы знаете также, что через 30 минут после телефонных звонков помощник военно-воздушного ат-таше США Дэвисон явился осматривать столб № 35 на Кутузовском проспекте, а спустя некоторое время, в тот же день, к тайнику прибыл сотрудник посоль-ства США Ричард Джэкоб, где он и был задержан с поличным.

После этого показания Пеньковского в совокуп-ности с обнаруженной у него запиской и результатами эксперимента приобретают силу убедительного дока-зательства, изобличающего как самого Пеньковского, так и американских дипломатических сотрудников Дэвисона и Джэкоба, и мы вправе говорить об уста-новлении истины, уйти от которой невозможно, какие бы попытки к этому ни предпринимались.

Более того, в соответствии с принципами советского доказательственного права мы имеем основания ве-рить показаниям Пеньковского о том, что кроме на-званных телефонов ему был дан еще номер К 4-89-73 для вызова разведчиков к тайнику, по которому сле-довало звонить в любой понедельник в 21 час 10 минут дважды с интервалом в одну минуту и после трех гуд-ков повесить трубку. Этот телефон находится в квар-тире, в которой до июня 1962 года проживал бывший помощник военно-морского атташе Великобритании в СССР Джон Варлей, а с июля 1962 года до марта 1963 года — сотрудник посольства той же страны Айвор Рауселл.

По возвращении из Парижа 17 октября 1961 года Пеньковский, как это было обусловлено, позвонил по телефону Г 3-13-58 и после трех гудков повесил трубку, что означало его благополучное возвращение в Москву. Указанный телефон находится в квартире,

в которой в октябре 1961 года проживала сотрудница посольства Великобритании Фелисита Стюарт.

Выполняя задание своих «хозяев», Пеньковский подбирал места для запасных тайников в различных районах Москвы и для этих весьма прозаических целей намерал использовать могилу поэта Сергея Есенина на Ваганьковском кладбище.

К делу в качестве вещественного доказательства приобщена изъятая при аресте Пеньковского инструкция об использовании тайников. Она осмотрена судом и участниками процесса. Я позволю себе огласить отдельные выдержки из этой инструкции.

«Тайники будут основным способом для посылки сообщений и материалов Вами,— читаем в этом документе.— Для оперативности этого способа нам необходимы описания тайников, обещанных Вами.

...При выборе тайников имейте в виду, что они должны находиться в местах, нормально доступных иностранцам...

...Мы предлагаем следующий основной план: Вы будете *заряжать* тайник не чаще чем раз в месяц...

...Для того чтобы быть готовыми ко всему, Вы должны нам переслать как можно скорее план использования тайников на *три-месячный период*».

Разведчики указывают, что их больше всего устраивал бы на случай перемены места жительства агента Ленинград. Вот соответствующее место из этой инструкции:

«По *столько по сколько* это может зависеть от Вас, мы считаем, что Ленинград наилучшее место после Москвы и предпочитаем европейскую часть СССР к восточной части».

Отмечу попутно, что уже сам стиль этого документа выдает иностранное происхождение его авторов.

В октябре 1961 года Пеньковский подготовил ряд материалов военного характера, в том числе данные об одной из военных академий, списки известных ему офицеров и генералов с краткими характеристиками на них, статьи из военных журналов, и 21 октября в 21 час все эти шпионские данные по паролю «Мистер Алекс, вам большой, большой привет от двух ваших друзей» передал связнику иностранной разведки при

встрече в районе гостиницы «Балчуг». Этот вид связи также был обусловлен во время пребывания Пеньковского в Париже.

Шпионскую информацию Пеньковский передавал через разведчицу Анну Чизхолм на состоявшихся в конце 1961 и начале 1962 года встречах на улицах Москвы. От нее же он получал инструктивные письма из разведцентра, фотоаппараты «Минокс», пленки к ним и шифровальные блокноты.

Во второй половине января Пеньковский решил, что во избежание провала будет лучше прекратить встречи с Анной на улицах, о чем он уведомил своих «хозяев» письмом, отправленным в условленный адрес: «Лабориджи SW — I, Лондон, Великобритания». Это письмо он переслал через англичанина Кондона, приезжавшего в СССР с англо-американской делегацией специалистов бумажной и целлюлозной промышленности. Сообщение дошло по назначению, о чем Пеньковский был поставлен в известность шифрованной радиограммой.

В дальнейшем шпионские встречи с Анной Чизхолм, а также с другими лицами Пеньковский имел на официальных дипломатических приемах, куда он приглашался по роду службы, в частности на приеме у английского торгового советника Сениора, а также на приеме в английском посольстве 31 мая 1962 года по случаю дня рождения королевы Великобритании. О том, что Пеньковский приглашался на эти приемы, свидетельствуют осмотренные вами билеты (том 8, л. д. 112).

В июле 1962 года в Москву с заданиями английской разведки прибыл Винн, он получил в английском посольстве и передал Пеньковскому очередные инструкции, сигнальные почтовые открытки, 3 тысячи рублей денег и подготовленную разведчиками статью, которую Пеньковский с целью популяризации своего имени хотел опубликовать в советской печати.

Пеньковский осмотрел показанные ему Винном фотографии новых лиц, с которыми он должен был поддерживать шпионские связи, — это были атташе посольства США в СССР Родней Карлсон, а также супруга второго секретаря английского посольства в Москве Гервейса Кауэлла — Помелла Кауэлл. Узнать

Карлсона Пеньковский должен был по зацепке на галстук, инкрустированной красными камешками.

Передача шпионских материалов Помелле Кауэлл должна была осуществляться путем закладки их в контейнер, вмонтированный в банку из-под порошка «Харпик».

Вы помните, товарищи судьи, историю с этой банкой «Харпик». Вначале ее изучал Винн у Чизхолма — там состоялась очередная немая сцена: Чизхолм открывал, вынимал и показывал контейнер, а Винн внимательно смотрел. Потом, в гостинице «Украина», роли переменялись: показывал Винн — усваивал Пеньковский.

Во время этого приезда Винна в Москву Пеньковский передал ему ряд шпионских донесений.

Сигнальные открытки, полученные от Винна, представляли собой обычные советские почтовые открытки с видами Москвы, заполненные английским текстом и адресами. Посылкой этих открыток Пеньковский должен был дать знать о тех или иных изменениях в его деятельности.

Так, например, в случае изменения места работы следовало послать открытку с видом на Котельническую набережную, адресованную в Беркс, Англия, миссис Н. Никсон, с текстом: «Прекрасно провожу время и даже обнаружил, что мне нравится водка. Москва в самом деле выглядит так, и вам следовало бы увидеть размеры улиц. Все новости расскажу по приезде. С любовью Дик».

В случае предстоящего выезда за границу следовало опустить открытку с видом на Выставку достижений народного хозяйства, адресованную в Лондон мисс Р. Хаук, с текстом: «Очень интересно провожу время и наслаждаюсь. Здесь так много интересного, что даже трудно решить, с чего начать. Скоро увидимся. Джон».

Пеньковский успел отправить только одну открытку, остальные изъяты из тайника и лежат перед вами. В этот период он уже не проводил прекрасно время и не наслаждался, а трусливо озирался по сторонам и обливался потом от страха. Он чувствовал, что сколько веревочке ни виться, а конец будет.

4 июля 1962 года, на приеме у американского посла

в Москве по случаю национального праздника США Дня независимости, Пеньковский познакомился с Карлсоном, а в августе, на приеме у Хорбели, передал Карлсону 7 экспонированных фотопленок с секретными материалами и донесение с данными об одной из советских ракет. При этой встрече Пеньковский получил от Карлсона пакет с фиктивным советским паспортом на случай перехода на нелегальное положение и инструктивное письмо, в котором иностранные разведки требовали данных о состоянии обороны столицы нашей Родины и войск Московского военного округа.

5 сентября 1962 года на приеме в посольстве США в Москве Пеньковский снова встретился с Карлсоном и имел при себе 4 экспонированные фотопленки и донесение, но передать их не смог. Также не смог он этого сделать и на следующий день, на приеме у английского торгового советника Сениора. Все эти шпионские документы были обнаружены в тайнике на квартире Пеньковского.

В судебном заседании уже оглашалась выдержка из донесения, подготовленного Пеньковским, и я хочу лишь напомнить вам о стиле этого характерного документа, который начинается словами: «Мои дорогие друзья!..» и заканчивается: «Крепко жму ваши руки, большое спасибо за заботы обо мне, я всегда чувствую вас рядом с собой. Ваш друг». Теперь уже Пеньковский не стучит кулаком по столу, он лебезит и пресмыкается перед своими «хозяевами».

Забота «дорогих друзей» не помогла, и 22 октября 1962 года советские чекисты положили конец всей этой тонко задуманной и тщательно разработанной шпионской операции.

Однако за время сотрудничества с английской и американской разведками Пеньковский нанес большой вред нашему государству, передав устно, в письменных донесениях и на фотопленках обширную информацию экономического, политического и военного характера, часть которой составляет государственную и военную тайну СССР.

Для характеристики масштабов преступной деятельности Пеньковского достаточно сказать, что он передал 106 экспонированных фотопленок по 50 кадров

каждая, то есть более 5 тысяч фотоснимков с различными данными, представляющими интерес для империалистических разведок.

II. ПУТЬ ПЕНЬКОВСКОГО ОТ КАРЬЕРИЗМА И МОРАЛЬНОГО РАЗЛОЖЕНИЯ ДО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Товарищи судьи! Наш уголовно-процессуальный закон обязывает всесторонне исследовать в каждом уголовном деле не только все обстоятельства самого преступления, но также причины и условия, способствовавшие его совершению.

При рассмотрении настоящего дела неизбежно возникает вопрос: как могло случиться, что Пеньковский, родившийся, получивший воспитание и образование в годы Советской власти, в нашем обществе, мог полностью утратить облик советского человека, потерять стыд, совесть, элементарное чувство долга и докатиться до тяжчайших преступлений?

Частично ответ на этот вопрос дал сам Пеньковский, когда он показал в суде, что на скамью подсудимых его привели низменные качества: зависть, тщеславие, любовь к легкой жизни, связи со многими женщинами, моральный распад, вызванный частым употреблением спиртных напитков,— все эти родимые пятна, как их назвал Пеньковский, подтачивали его, он стал перерожденцем, а затем и предателем.

«Я скатился в пропасть и стал негодяем,— заявил Пеньковский в суде,— под влиянием причин перерожденческого характера».

Этот автопортрет в известной степени верен, но он должен быть дорисован более яркими красками, чтобы приблизиться к оригиналу.

Анализ жизненного пути Пеньковского, его поведение до начала преступной деятельности и в ее период, показания самого подсудимого, свидетелей, документы и характеристики, имеющиеся в деле и исследованные как в открытой, так и в закрытой части судебного процесса, всесторонне рисуют подлинный облик этого предателя.

Исключительный карьеризм, эгоизм и честолюбие Пеньковского проявились давно. Он постоянно стре-

мился вращаться вокруг и около людей, имеющих власть и влияние, угождать и лебезить перед ними, бахвалился своей близостью к ним.

Внешне Пеньковский выглядел неплохим работником, он быстро продвигался по ступенькам служебной лестницы, но по мере развития его подлых наклонностей, его все больше и больше занимали уже не интересы государства и общества, а личная карьера и благополучие, его постоянно мучила зависть по отношению к сослуживцам и товарищам.

Как ни умел маскировать Пеньковский свои мысли и истинные цели, полностью скрыть их ему не всегда удавалось. И в одной из характеристик, относящейся еще к 1955—1956 годам, о нем говорилось, что это «мстительный и злобный человек, беспримерный карьерист, способный из-за карьеры на любую подлость». Как метко и как правильно это было сказано! Но, к сожалению, угодничество и подхалимство сделали свое дело, и эта убийственная аттестация была положена под сукно.

С высокомерием и пренебрежением относится Пеньковский к людям, которые не могли быть ему полезны. Но и тем своим приятелям, сослуживцам и начальникам, которые делали для него добро, он платил черной неблагодарностью и мог за глаза поносить их, а затем, став агентом империалистических разведок, передавал выуженные у них сведения, украденные из их столов фотокарточки и рисовал их характеристики.

Я не хотел бы представлять этих людей жертвами коварства Пеньковского. Во многом они виноваты сами, они расплачиваются теперь за свою снисходительность к порокам Пеньковского, за ротозейство и болтливость, за потерю политической бдительности. Я говорю об этом, чтобы показать отношение Пеньковского к людям, ибо он никого, кроме себя, не любил и предавал всех.

Как старался Пеньковский казаться хорошим работником, так старался выглядеть и хорошим семьянином, клялся и божился в своей любви к жене и детям, делал это и на следствии, и в суде. Между тем он был предателем и здесь.

Он пролез в семью ответственного и уважаемого военного работника, у которого одно время состоял в

порученцах. Женился на его дочери, изменял ей, легко вступал в связи с женщинами, был завсегдаем большинства московских ресторанов, приходя же домой поздно вечером после кутежей, объяснял, что выполнял ответственные служебные задания, а однажды, сообщив, что отбывает в заграничную командировку, уехал со знакомой на курорт.

В ресторанах прожигал жизнь, пил вино из туфли своей любовницы, видимо, переняв эти нравы из лондонских и парижских кабаре, с которыми его знакомил Винн в порядке освоения «прелестей» западной культуры.

Он был корыстолюбив, и хотя хорошо оплачивался государством, был полностью обеспечен, имел сбережения, но аппетиты его росли непомерно. Особенно его прельщали заграничные поездки. Собственно говоря, его неудовлетворенность служебным положением и злободневность как раз и были порождены тем, что ему не предоставили службы за границей.

Этот карьерист и эгоист опускался все ниже и ниже, у него не было ничего святого и дорогого ни в семье, ни в обществе, ни в государстве, он постепенно созрел для предательства, оставалось лишь его подобрать, что и было сделано.

Превратившись в агента иностранных разведок, он получил возможность торговать государственными секретами. Конечно, он не был рядовым агентом, удовлетворяющимся подачками с барского стола, хотя и не гнушался всякими безделушками и барахлом, полученным от своих «дорогих друзей».

«30 сребреников» Иуды Пеньковского должны были составлять, по его разумению, солидную сумму, и, конечно, не в рублях, а в долларах и фунтах стерлингов, и во всех переговорах с иностранными разведчиками, и в Лондоне, и в Париже, эти доллары и фунты стерлингов фигурировали неизменно, они рисовались перед жадными глазами предателя.

В судебном заседании, как вы знаете, Пеньковский пытался затушевать эту сторону дела и утверждал, что, собственно говоря, причитающееся ему вознаграждение точно обусловлено не было. Однако в конечном счете он подтвердил, что представители английской и американской разведок неоднократно заверяли

его в том, что по окончании работы на территории СССР он будет зачислен на руководящую должность в Центральном разведывательном органе в США или Англии с окладом в 2 тысячи долларов в месяц или равнозначным окладом в фунтах стерлингов, а за прошлую шпионскую деятельность ему будет выплачен крупный куш в виде единовременного вознаграждения из расчета не менее тысячи долларов за каждый месяц.

Получив в июле 1962 года через Винна 3 тысячи рублей, Пеньковский остался недоволен, ибо он ожидал иностранную валюту.

В августе 1962 года в письме, переданном Карлсону для отправки в разведцентр, Пеньковский жалуется, что его положение становится тревожным, но и в этот момент его прежде всего волнует материальная сторона дела, и он снова просит дать подробные данные о том, какое вознаграждение он получит за свою работу и как конкретно будет обеспечен на Западе, когда сможет туда выехать (том 1, л. д. 160). Я обращаю внимание на слово «обеспечен», которое имеет значение именно в смысле постоянного жительства, а не временного выезда в командировку.

О том, что Пеньковский вынашивал планы побега на Запад, где он мог бы реально воспользоваться обещанным вознаграждением, свидетельствуют его переговоры по этим вопросам с иностранными разведчиками, обсуждение с Винном вариантов побега при помощи подводной лодки или другим путем, настойчивые попытки Пеньковского выехать в заграничную командировку в течение 1962 года, получение фиктивного советского паспорта на случай перехода на нелегальное положение.

Отрицая свое намерение бежать на Запад, Пеньковский сослался в суде на то, что он в 1961 году трижды выезжал за границу, но не стал невозвращенцем. В его устах это звучало даже как некая заслуга. Он сослался также на показания Винна по поводу того, что «Интеллидженс сервис» якобы делала предложение Пеньковскому остаться в Англии, но он его отклонил.

В связи с этим позволю себе высказать мнение, что в этот период необходимость в побеге Пеньковского

еще не назрела. Иностранцам разведкам Пеньковский нужен был именно здесь, в СССР, как источник шпионской информации, и, откровенно говоря, я не знаю, какова была бы для них польза от Пеньковского в Англии, даже если его одеть в мундир английского полковника. К тому же и не набежало еще солидное вознаграждение за труды...

Но в 1962 году обстановка стала меняться, Пеньковскому уже было опасно находиться на родной земле, которую он предал, она горела под его ногами.

Я не верю объяснениям Пеньковского о том, что у него зрело желание явиться с повинной. До самого последнего времени он лез из кожи вон, чтобы угодить своим иностранным «хозяевам», в этом убеждает все его поведение и содержание тех сведений, которые он подготовил и не успел передать.

Это утверждение Пеньковского расходится с объективными обстоятельствами, оно противоречит им, поэтому я его отбрасываю как доказательственный факт и надеюсь, что суд согласится со мною в этом.

Он здесь распинался в своей любви к Родине, рассыпался в чувствах благодарности за ее дары, которые его опьяняли. Но все эти слова на мрачном фоне его предательства — сплошное лицемерие и ханжество.

Нельзя совместить несовместимое: любовь и вероломство!

Конечно, такие выродки и отщепенцы, как Пеньковский, вызывающие чувства негодования и омерзения у всего советского народа, — из ряда вон выходящее явление в нашем обществе. Но этот пример ярко показывает, какую опасность таят в себе пережитки прошлого, оживляемые враждебной нам идеологией, и во что они могут развиваться, если их вовремя не замечать и решительно не пресекать.

Мы не можем отвлекаться от того, что обреченный историей на гибель империализм в своей звериной ненависти к идущему ему на смену новому, коммунистическому строю возлагает большие надежды на проникновение в сознание отдельных неустойчивых людей его растленной морали. Вот почему нам нужна постоянная бдительность, сосредоточенность и наступательность в борьбе за утверждение нравственных принципов морального кодекса строителя коммунизма!

III. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ АНГЛИЙСКИМ ПОДДАННЫМ ВИННОМ

Товарищи судьи! Рядом с Пеньковским на скамье подсудимых находится подданный Великобритании Гревилл Винн.

В ноябре 1962 года Винн, находившийся в тот период в Будапеште, был задержан венгерскими властями на основании обращения Генерального прокурора СССР и, в соответствии со ст. 54 Договора между СССР и Венгерской Народной Республикой «Об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам», передан советским властям, как совершивший тяжкое преступление против СССР.

После ареста Винна печать и некоторые официальные английские органы стали в позу оскорбленной невинности. Министерством иностранных дел Англии был заявлен протест правительству Венгерской Народной Республики по поводу задержания этого скромного британского бизнесмена.

Такую же позицию первоначально занял и сам Винн, и когда ему объявили, что он арестован за шпионскую деятельность против СССР, то он заявил:

«Я не понимаю, что вы подразумеваете под шпионской деятельностью. Что касается меня, то я к шпионажу не имею никакого отношения» (том 4, л. д. 73).

Правда, к концу этого допроса Винн заявил:

«Действительно, я кое-что сделал против Советского Союза, чего не должен был делать. Но если я расскажу правду, то этим нанесу вред своей семье и некоторым советским гражданам. Кроме того, я покажу, что я человек слабохарактерный. Прошу также учесть, что я не желаю проводить свою жизнь в тюрьме. Прошу дать мне время подумать» (том 4, л. д. 84).

Подумав и убедившись в наличии у следствия серьезных улик, Винн стал рассказывать.

Излагая обстоятельства преступной деятельности Пеньковского, я уже частично касался и роли Винна.

Приезжая в нашу страну как представитель деловых кругов Англии, Винн злоупотребил оказанным ему гостеприимством и вступил в конспиративную

связь с Пеньковским по вопросам, столь же далеким от бизнеса, как небо от земли.

О состоявшейся в апреле 1961 года конспиративной беседе с Пеньковским Винн информировал посольство Великобритании в Москве. Нам достоверно неизвестно, какой разговор происходил по этому поводу в апартаментах дипломатического особняка на Софийской набережной, однако после него Винн взял у Пеньковского письменный документ, о котором уже говорилось.

По прибытии в Лондон Винн при помощи некоего Хартли, о котором речь впереди, встретился в ресторане «Айви» с сотрудником английской разведки, назвавшим себя Аккройдом, передал ему документы, исполненные Пеньковским, и посвятил его в характер своих бесед. От Аккройда Винн получил задание представить программу пребывания в Англии делегации советских технических специалистов, возглавляемой Пеньковским, подготовить отдельные и по возможности несмежные номера для этой делегации в гостинице «Маунт ройял», принять от Пеньковского материалы, которые он привезет, и указать ему номер в гостинице, где его будут ожидать разведчики. Все это Винн пунктуально выполнил. Полученные от Пеньковского пакеты со шпионскими материалами он доставил Аккройду.

Как сказал Винн в суде, он всегда проявляет усердие в тех делах, которыми занимается, и мы имели с вами возможность убедиться в том, что и свои шпионские функции Винн выполнял старательно и усердно, хотя и пытался уверить нас в том, что они были ему совсем не по душе.

В мае 1961 года Винн имел встречи с Аккройдом, с другим разведчиком — Роджером Кингом, а затем и с их начальником, которого на некоторых допросах Винн именовал начальником русской секции английской разведки. Правда, в суде Винн заявил, что он точно не знает должности этого человека, но поскольку его на следствии просили называть все своими именами, то считает, что это, видимо, так и есть. Эти лица предложили Винну использовать намечавшуюся поездку в Москву на открытие английской выставки для передачи пакетов от сотрудников английского посольства Пеньковскому и обратно.

Винн согласился и во время пребывания в Москве, с 27 мая по 6 июня 1961 года, выполнил эти задания. В день приезда он получил пакет со шпионскими материалами от Пеньковского и в тот же вечер посетил квартиру второго секретаря посольства Великобритании в Москве Родерика Чизхолма по адресу: Садовая-Самотечная улица, дом 12/24, квартира 48. Во время этой встречи, в обстановке строжайшей конспирации, Винн передал Чизхолму пакет, полученный от Пеньковского, и в свою очередь получил для Пеньковского другой пакет, с инструктивным письмом английской разведки и фотопленками.

Во время второй поездки Пеньковского в Лондон в июле — августе 1961 года Винн по поручению Кинга занимался встречей Пеньковского, размещением его, получил от него и передал разведчикам пакеты со шпионскими материалами, а также возил Пеньковского на конспиративные встречи.

В августе 1961 года Винн снова выехал в Москву, снова выполнил роль связника, передал шпионские материалы от Пеньковского Чизхолму, а также инструкции и шпионское снаряжение от Чизхолма Пеньковскому. Винн показал Пеньковскому несколько фотографий Анны Чизхолм с детьми и передал ему коробку из-под конфет как контейнер.

В силу своего положения представителя английских деловых кругов, встречающегося с Пеньковским как с сотрудником советского учреждения, Винн являлся весьма подходящей фигурой для осуществления указанных заданий. С каждым новым приездом Винна в Москву официальная сторона дела играла все меньшую роль, а конспиративные шпионские функции — все большую.

Вылетев из Москвы в Амстердам, Винн сообщил по телефону Кингу, что Пеньковский намеревается прибыть в Париж. Кинг настолько заинтересовался этим известием, что тотчас же специально приехал в Амстердам, и в гостинице «Шиллер» между ними состоялась встреча, на которой Винну было поручено встретить Пеньковского в Париже. Как признал Винн, его пребывание в Париже не вызывалось интересами представляемых им фирм и ему уже на ходу пришлось менять свои деловые планы.

Поскольку не была известна дата прибытия Пеньковского в Париж, то Винн в течение 12 дней встречал на аэродроме «Ле Бурже» прилетающие советские самолеты, пока 20 сентября не прибыл Пеньковский.

Винн обеспечил Пеньковского гостиницей, сопровождал его к местам встреч с разведчиками, посещал вместе с ним рестораны и ночные клубы, оплачивая все расходы, связанные с пребыванием Пеньковского в Париже. В суде на вопрос, кто возместил ему эти средства, Винн дал лаконичный ответ: «Интеллидженс сервис». В Париже Винн также встретился с супругами Чизхолм и имел с ними беседу по вопросам шпионской деятельности.

В последующем, находясь в Англии, Винн неоднократно встречался с английскими разведчиками и в связи с поступившими данными о возможной поездке Пеньковского в США получил задание находиться в пасхальные каникулы дома и ожидать телефонного звонка Пеньковского с тем, чтобы передать ему номера телефонов в Нью-Йорке и Сиэтле для связи с американской разведкой.

В июне 1962 года в Лондоне состоялась новая встреча Винна с разведчиками, где его познакомили с будущим вторым секретарем посольства Великобритании в Москве Гервейсом Кауэллом, который должен был сменить на этом посту Чизхолма, а заодно и принять на себя функции шпионских связей с Пеньковским через Винна и свою супругу Помеллу Кауэлл.

2 июля 1962 года Винн снова прибыл в Москву, это было последнее посещение им нашей столицы, если не считать его вынужденной поездки для присутствия на настоящем процессе.

Это пребывание Винна в Москве было всего четырехдневным, но он успел получить от Пеньковского очередной пакет с фотопленками и письменным донесением, передать его Чизхолму, получить от последнего пакет со шпионскими инструкциями, сигнальными открытками и 3 тысячами рублей для Пеньковского, банку из-под порошка «Харпик», а также фотографии супругов Кауэллов и Карлсонов, которые он показал Пеньковскому.

В связи с тем, что Пеньковский обнаружил за собой наблюдение и был взволнован, Винн сообщил об

этом Чизхолму на встрече в туалетной комнате американского клуба в Москве, а также доложил об этом по приезде в Лондон и показывал на карте Москвы маршруты своего движения с Пеньковским. В Москве же Винн успокаивал Пеньковского и обсуждал с ним возможные варианты побега на Запад.

Все обстоятельства не оставляют ни малейшего сомнения в том, что Винн являлся активным участником шпионской деятельности против Советского Союза, главным связником между Пеньковским с одной стороны, английской и американской разведками — с другой.

Будучи изболочен и не имея возможности отрицать это обвинение, Винн как на предварительном следствии, так и в суде утверждал, что об истинном характере связей Пеньковского с разведками он длительное время, вплоть до встречи с Кингом в Амстердаме в августе 1961 года, не знал и узнал об этом только тогда, когда он, Винн, уже был вовлечен в водоворот событий.

В суде Винн показал:

«Да, к этому времени, когда состоялась моя встреча с Кингом в Амстердаме, я действительно понял, что занимаюсь шпионажем. Все ту же затягивались тиски, в которые я попал. Круг замкнулся».

На ваш вопрос, товарищ председательствующий: «Кто сжимал эти тиски?» — последовал ответ: «Британская разведка».

До встречи в Амстердаме, как утверждает Винн, он считал, что между Пеньковским и сотрудниками Форейн-оффис — британского министерства иностранных дел — ведутся какие-то неофициальные переговоры. Так ему говорили, а он привык верить джентльменам на слово, но его обманули, и поэтому он здесь, на скамье подсудимых.

В процессе судебного следствия уделялось много времени анализу этих объяснений Винна, и я полагаю, что мы имеем основания отвергнуть их, как несостоятельные и неправдоподобные. Да и сам Винн, продуманно и изворотливо защищавшийся в суде, в конечном счете вынужден был отступить и признать многое из того, чего ему очень не хотелось признавать.

Мы имеем категорические утверждения подсудимого Пеньковского о том, что содержание первых доверительных бесед между ним и Винном в апреле 1961 года не оставляло сомнений в том, что речь идет об установлении разведывательных связей. Но я оставляю пока в стороне эти показания Пеньковского и буду оперировать объяснениями самого Винна и объективно установленными фактами.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что тем человеком, которому Винн сразу же после приезда в Англию сообщил о переговорах с Пеньковским, был некто Хартли, который, по словам Винна, являлся сотрудником безопасности одной из крупных английских фирм.

Именно с этим Хартли по возвращении в Лондон связался Винн, а вернее, с Винном связался Хартли, которому неизвестными нам путями уже стали известны происшедшие в Москве события, и Хартли пришел не один, а с английским разведчиком Аккройдом.

Правда, как объясняет Винн, Аккройд представлялся сотрудником министерства иностранных дел. Но, как мы с вами хорошо знаем, да и Винн об этом вскоре же узнал, «дипломатическая» деятельность Аккройда очень схожа с той, которой занимались Чизхолмы, Кауэллы и прочие.

Прошу заметить, что документ, привезенный из Москвы от Пеньковского, был передан не Хартли, а Аккройду и в последующем фигура Хартли уже не появляется на нашем горизонте.

Случайна ли во всем деле фигура Хартли? Нет, не случайна! Хартли — сотрудник английских органов безопасности, он ведет работу с лицами, выезжающими в социалистические страны, инструктирует этих лиц, указывает, на что обращать внимание, что запоминать, о чем писать в отчетах, какими сведениями их насыщать, чтобы они были полезны не только для дела, но и для «Интеллидженс сервис».

Поэтому Винн знал, к кому надо обратиться в Англии насчет Пеньковского, и не ошибся.

Весь характер встреч Винна с представителями английской разведки, с английскими дипломатами в Москве, с самим Пеньковским в Москве, Лондоне и Париже, строго продуманные меры по конспирации,

обстановке передачи пакетов со шпионскими материалами и снаряжением не оставляли никакого сомнения в том, что речь идет о шпионаже, хотя, как утверждает Винн, слова «шпион», «агент», «разведчик» при этом не употреблялись.

В мае 1961 года Аккройд и Кинг категорически запретили Винну в телефонных разговорах в Англии называть подлинную фамилию Пеньковского и предложили именовать его «Янгом». Этому обстоятельству Винн также пытался дать невинное объяснение, заявив в суде:

«Мне было указано Аккройдом, что «Пеньковский» — это имя иностранное, называть его так неудобно и лучше именовать «Янгом».

Правда, это объяснение, как вы помните, вызвало смех в зале и улыбку у самого Винна.

Напомню, что показал Винн в суде об обстоятельствах его встречи с Чизхолмом в Москве 27 мая 1961 года:

«Я прошел в эту квартиру, меня встретил этот человек среднего роста, в очках, мы обменялись рукопожатием, затем он сделал такой жест, чтобы я не говорил, приложив палец к губам, и написал на листке бумаги: «Передайте это Пеньковскому».

Вопрос: «Все происходило молча?»

Ответ: «Да, это была немая сцена», и добавим от себя, что таких немых сцен между Винном и Чизхолмом было немало.

Напомню, что, показывая Пеньковскому фотографии Анны Чизхолм в августе 1961 года, Винн был очень взволнован и испуган тем, что в опасные дела вовлекается женщина, имеющая детей.

Напомню беседы Винна с Пеньковским в туалетных комнатах при открытых кранах, чтобы шум текущей воды заглушал голоса. В туалете американского клуба вел свой разговор с Чизхолмом Винн 5 июля 1962 года. Странно, почему такой уважаемый англичанин, как Винн, предпочитал вести деловые беседы в туалетах?

И когда вы, товарищи судьи, сопоставите все эти и другие факты, взвесите и проанализируете их, то согласитесь со мной в том, что Винн очень хорошо

знал, чем он занимается, и не с августа 1961 года, а значительно раньше.

Позволю себе высказать мнение, основанное на анализе материалов дела и показаниях самого Винна, что он не был столь несведущ и наивен в вопросах разведки, как пытался нас в этом убедить.

В суде Винну был задан вопрос по поводу его роли в организации конспиративных встреч между Пеньковским и иностранными разведчиками в Лондоне и Париже: «Вам приходилось ранее организовывать аналогичные встречи другим лицам, скажем в области коммерции?»

Последовал ответ: «Да, конечно, я занимался этим в течение последних десяти лет, это было мне необходимо, я веду довольно крупные дела на этот счет».

Вопрос: «Можно ли из этого заключить, что у вас имеется опыт в области экономической разведки?»

Ответ: «Мне не нравится термин «экономическая разведка», но, конечно, я занимался и тем, чтобы столкнуть конкурентов, выяснить сумму контрактов. Моей специальностью были деловые интриги. Я думаю, что британская разведка поэтому и обратилась ко мне с таким предложением».

Так вырисовывается облик Винна — посредника в коммерции и в шпионаже.

Адвокат Боровик усиленно подчеркивал при допросе, что Винн ни разу не присутствовал на самих конспиративных встречах. Действительно это так, но ведь Винн и предан суду как шпион-связник. При этом я должен уточнить, что Винн не присутствовал на конспиративных встречах вместе с Пеньковским и другими разведчиками, но встречи самого Винна с Чизхолмом, с Кингом, с Пеньковским носили в ряде случаев ярко выраженный конспиративный характер.

Винн настойчиво утверждал в суде, что конкретного характера шпионских сведений и содержимого пакетов, циркулировавших через него, он не знал, хотя, как он показал, английские разведчики говорили ему о важности сведений, получаемых от Пеньковского.

В суде было также доказано, что Винн знал о фотографиях дипломатов Чизхолм, Кауэллов и Карл-

сонов, передававшихся Пеньковскому для ознакомления.

Пеньковский утверждал в суде, что Винн знал о фотоаппаратах и фотопленках. Вот что он показал по этому поводу:

«Я сказал, что передаю поломанный фотоаппарат, который уронил, и экспонированные фотопленки. Я попросил Винна побыстрее заменить фотоаппарат. Винн еще интересовался у меня причиной поломки и не нуждаюсь ли я в каком-либо дополнительном инструктаже, я отказался от этого».

Напомню, что из 106 экспонированных фотопленок, попавших от Пеньковского к иностранным разведкам, около 80 передано через Винна.

Винн утверждает, что, почувствовав опасность всей этой преступной деятельности, он неоднократно высказывал свои опасения английским разведчикам и делал попытки выйти из игры. Однако он подвергался нажиму, при этом использовались и обещания содействовать развитию его бизнеса, и угрозы.

«На встрече в Амстердаме, — показал Винн в суде, — Кинг грозил, если я откажусь сотрудничать с ними, неприятными последствиями. Ведь достаточно телефонного звонка должностного лица в Англии директору какой-либо фирмы — и моя репутация как делового человека понесла бы значительный урон, а я никак не хотел, чтобы моему делу был нанесен урон».

С одной стороны, Винна преследовал страх за свой бизнес, а с другой — страх перед перспективой оказаться в тюрьме. Я полагаю, что на сей раз можно поверить подсудимому Винну в том, что сочетание шпионажа и бизнеса — малопривлекательное занятие.

IV. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНОВНОСТИ ПОДСУДИМЫХ

Советский закон требует, чтобы в процессе уголовного судопроизводства каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и в то же время ни один невиновный не оказался бы осужден, чтобы по каждому судебному делу была установ-

лена материальная истина, а обвинительный приговор основывался на убедительных и бесспорных доказательствах.

В ходе судебного следствия суд уделил большое внимание доказательственной стороне дела, он заслушал объяснения подсудимых, заключения экспертов, показания свидетелей, исследовал вещественные доказательства, огласил ряд документов, протоколов следственных экспериментов. Я уже касался в своей речи многих из этих доказательств, теперь же позволю себе оценить их в совокупности.

Мы имеем в этом деле признание Пеньковского в совершенных им преступлениях. Я имел уже повод высказать свое отношение к достоверности его показаний. Он пойман с поличным, и у него не оставалось иного пути, как признание. Из материалов дела вы видите, что он пришел к этому признанию не сразу, а через неправду и полуправду, и это понятно, ибо слишком тяжелой была вся правда, чтобы открыть ее без колебаний и внутренней борьбы.

Признался также и Винн, ибо и он был уличен и понимал, что неразумно отрицать очевидные факты. Но, признавая свою вину, Винн делает все, чтобы уменьшить ее объем. Пользуясь английской судебной терминологией, отмечу, что Винн сказал правду, но далеко не всю правду.

Показания Пеньковского и Винна по основным, существенным моментам совпадают. Правда, имеются между ними отдельные противоречия. Речь идет о количестве переданных Винну пакетов, о том, сколько раз Винн провожал Пеньковского на конспиративные квартиры в Лондоне, о судьбе 3 тысяч рублей, присланных Пеньковскому разведкой, которые в суде Пеньковский и Винн никак не могли поделить. Но эти детали не столь уж важны, они не влияют на существо обвинения.

Признания обвиняемых являются важным доказательством, однако в силу ст. 77 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР они могут быть положены в основу обвинения лишь при подтверждении их совокупностью других доказательств. Это требование закона полностью соблюдено в настоящем деле.

При обыске на квартире у Пеньковского 22 октября 1962 года в письменном столе был обнаружен тайник и в нем целая коллекция шпионских документов и снаряжения: 3 малогабаритных узкоплечных фотоаппарата «Минокс» с 19 кассетами к ним, 5 экспонированных и 14 неэкспонированных фотопленок, 6 шифровальных блокнотов, 2 листа копировальной бумаги для тайнописи, 6 почтовых сигнальных открыток с инструкцией к ним, инструкции по процедуре радиовещания, по использованию шифровальных блокнотов, о подборе и пользовании тайниками.

В этом же тайнике находились: неотправленное донесение Пеньковского в разведцентр, отпечатанное на машинке, рукописный проект другого донесения, две записки с памятливыми пометками Пеньковского шпионского характера, в том числе номера телефонов для вызова к тайникам, номера телефонов для связи в Вашингтоне, лондонский адрес «Лабориджи» для письменных сообщений, имя и фамилия английской разведчицы Помеллы Кауэлл, частоты, на которых велись шифрованные радиопередачи — 4770, 5440, 6315, 6920, 7980 и 10135 кгц, а также фиктивный паспорт на имя гражданина Б. с фотографией Пеньковского.

Кроме того, на квартире у Пеньковского были обнаружены два полупроводниковых транзисторных радиоприемника: один — японского производства марки «Сония» с ушным телефоном к нему, второй — американского, марки «Зенит» — и пишущая машинка марки «Континенталь».

Все это лежит теперь перед вами, товарищи судьи.

Радиотехническая экспертиза дала заключение о том, что обнаруженные у Пеньковского радиоприемники «Сония» и «Зенит» годны для приема радиogramм на частотах, указанных Пеньковским, что инструкции по шифрованию соответствуют назначению шифровальных блокнотов, изъятых у Пеньковского, и что инструкция по обучению агента приему шифрованных радиogramм дает возможность обучиться на слух приему сигналов азбуки Морзе.

Напомню, что в ночь с 15 на 16 ноября 1962 года был произведен следственный эксперимент, во время которого Пеньковский принимал шифрованную радиogramму на частоте 5440 кгц (том 2, л. д. 26—28).

В деле имеются справки соответствующих советских учреждений, в которых говорится, что в течение 1961 и 1962 годов американский агентурный центр во Франкфурте-на-Майне вел односторонние передачи шифрованных радиотелеграмм азбукой Морзе на двух частотах коротковолнового диапазона — 5440 и 6315 в зимнее время и на частотах 7980 и 10135 в летнее время. К делу приложены материалы радиоперехвата этих передач (том 9, л. д. 1—4).

Таким образом, показания подсудимого Пеньковского о поддержании с ним шпионской связи по радио объективно подтверждаются. Эта радиосвязь осуществлялась американской и английской разведками с территории Западной Германии, где давно уже свили свои гнезда шпионские центры, где разместились десятки радиостанций, занимающихся обольваниванием людей и передачей шпионских «болванов».

Техническая экспертиза, исследовавшая фотоаппараты «Минокс» и пленки к ним, указала, что эти фотоаппараты изготовлены в ФРГ с удаленными из них светофильтрами пригодны для производства репродукционных работ, что 5 экспонированных пленок, обнаруженных у Пеньковского, экспонировались именно на этих фотоаппаратах и что на них был сфотографирован ряд совершенно секретных материалов.

Криминалистическая экспертиза по документам, обнаруженным у Пеньковского, установила, что рукописные тексты двух записок со шпионскими заметками исполнены рукой Пеньковского, а письмо, адресованное в разведцентр, начинающееся словами: «Мои дорогие друзья», и ряд других машинописных документов, изъятых у Пеньковского, отпечатаны на его портативной пишущей машинке «Континенталь» № 213956.

Криминалистическая экспертиза, проведенная по паспорту на имя гражданина Б. с фотографией Пеньковского, дала заключение, что бланк этого паспорта является фиктивным, и привела ряд признаков, характеризующих его отличие от подлинных советских внутренних паспортов.

Химическая экспертиза установила, что два чистых листа бумаги, изъятых у Пеньковского, являются тайнописной копировальной бумагой, в состав которой

входит поверхностно нанесенное соединение одного химического вещества.

Показания Пеньковского о секретных документах, которые он фотографировал и передавал затем иностранным разведкам, объективно подтверждаются имеющимися в деле данными о полученных в этот период Пеньковским в специальных библиотеках ряда закрытых изданий, в которых содержались статьи и другие материалы, представляющие интерес для иностранных разведок.

Эксперты Министерства обороны СССР, изучившие материалы дела, в том числе показания Пеньковского о содержании выданных им сведений военного характера, а также рассмотревшие подготовленные им данные, которые он не успел передать, дали заключение, что некоторые из этих сведений составляют государственную и военную тайну СССР, а другие хотя и не отнесены к ней, но являются секретными и представляют интерес для иностранных разведок.

Экспертиза по определению степени секретности сведений о деятельности Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР, переданных Пеньковским иностранным разведкам, также пришла к выводу, что эти сведения являются секретными.

В ходе судебного следствия подсудимый Пеньковский предпринял попытку с целью уменьшения объема и степени своей вины оспорить выводы этой экспертизы ссылкой на то, что на отчетах ГК по КНИР отсутствовали грифы «секретно».

Однако экспертиза убедительно аргументировала свои выводы и указала, что в совокупности большое количество документов, сфотографированных Пеньковским и переданных иностранным разведкам, содержит важные сводные данные экономического характера. Да и сам Пеньковский показал, что разведчики проявили повышенный интерес к этим материалам.

Аксиомой является то, что разведки интересуются тем, что можно использовать с выгодой для себя и в ущерб государству, против которого ведется шпионаж.

При аресте Винна у него были обнаружены два дневника за 1961 и 1962 годы и записная книжка. Некоторые из имеющихся там записей изобличают Винна

в конспиративных связях с Пеньковским. Так, за 20 сентября 1961 года имеется запись: «Янг прибыл», а также расписание прибытия в Париж советских самолетов с 8 по 24 сентября. За 5 июля 1962 года запись гласит: «4 часа дня. Янг. Гостиница», что соответствует показаниям подсудимых о встрече в гостинице «Украина».

Свидетельские показания в данном деле хотя и не играют решающей роли, но они подтвердили показания Пеньковского в части возможностей, которыми он располагал для сбора сведений, полезных иностранным разведкам, а также дополнили характеристику Пеньковского.

Таким образом, есть все основания сделать вывод, что имеющиеся в деле многочисленные и неопровержимые доказательства составляют прочное кольцо улик, изобличающих подсудимых Пеньковского и Винна, и не только их, а и тех, кто стоял за их спиной, кто руководил ими и направлял их преступную деятельность.

V. АМЕРИКАНСКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ РАЗВЕДЧИКИ ПОД МАСКОЙ ДИПЛОМАТОВ

Я уже говорил, товарищи судьи, о недопустимом поведении некоторых дипломатических сотрудников ряда капиталистических государств в Советском Союзе, несовместимом с нормами международного права.

В книге известного американского журналиста Гарри Рэнсома «Центральная разведка и безопасность государства» указывается, что «по своей природе и по своим функциям государственный департамент США всегда был связан с разведкой в иностранных государствах, однако стремился проявлять осторожность и отделять дипломатию США от шпионажа по крайней мере на поверхности».

Но выполнить эту задачу не так легко, и время от времени всплывают на поверхность грязные дела некоторых американских дипломатов и их коллег по агрессивным блокам и союзам.

Напомню, что только за последние годы из Советского Союза был выдворен целый ряд дипломатов,

преимущественно американских, которые злоупотребляли гостеприимством и занимались деятельностью, несовместимой с их положением, а попросту говоря, шпионажем.

Атташе посольства США Рассел Ланджели поддерживал преступную связь с агентом американской разведки и был застигнут на одной из встреч. Этим же занимался другой сотрудник американского посольства — Джорж Уинтерс. Кстати сказать, по возвращении его в США мать Уинтерса заявила корреспонденту агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл, что ее сын *в промежутке* между работой в посольстве в Москве работал в Центральном разведывательном управлении. Военно-воздушный атташе США Керстен и его помощник Макдональд пытались проникнуть в расположение военных объектов и вели визуальную разведку с помощью специальной аппаратуры.

Первый секретарь посольства США Кермиг Мидтун склонял советского гражданина к передаче ему секретных сведений. С поличным был пойман во время занятия шпионажем помощник военно-морского атташе США Реймонд Смит. Подобными же неблагоприятными делами занимались дипломатические сотрудники посольства США в СССР Гексей, Стоккел, Уффелман, Луис, Бейкер.

Опубликование в советской прессе сообщений об аресте Пеньковского и Винна, о причастности к шпионажу ряда дипломатических сотрудников Англии и США вызвало целую серию официальных и неофициальных заявлений, представляющих собой помесь наглости с лицемерием, в которых начисто отрицались выдвинутые обвинения.

Через два дня после задержания сотрудника посольства США Джэкоба с поличным в тайнике при изъятии шпионского донесения Пеньковского государственный департамент США, как сообщало агентство Ассошиэйтед Прес, заявил, что обвинения против Джэкоба полностью сфабрикованы.

15 декабря 1962 года представитель госдепартамента по вопросам печати Рип заявил, что утверждения Советов о том, что три сотрудника американского посольства в Москве имеют отношение к какой-то шпионской группе, совершенно необоснованны.

В газете «Нью-Йорк геральд трибюн» (европейское издание от 27 декабря 1962 года) сообщалось, что американский посол в Москве Фой Колер моментально (так и написано — моментально) отверг обвинение в шпионаже по адресу сотрудников американского посольства, как безосновательное.

Спустя некоторое время после выдворения из Советского Союза обрел голос и сам Джэкоб, продолжающий службу в госдепартаменте, и заявил: «Выдвинутые против меня обвинения — это абсурд, нелепость, я никогда не слышал о Пеньковском» (цитирую по той же газете «Нью-Йорк геральд трибюн» от 12 декабря 1962 года).

Единственно, о чем скромно умолчал этот развязный молодой человек: что же он все-таки делал в подъезде дома № 5/6 по Пушкинской улице, изымая из-под отопительной батареи спичечную коробку?

Перед судом лежат фотодокументы, на которых Джэкоб запечатлен в различных позах у тайника, и другие, где Дэвисон внимательно обозревает столб на Кутузовском проспекте.

По сообщению корреспондента агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл из Москвы, посланному в день начала настоящего судебного процесса, 7 мая 1963 года один из сотрудников английского посольства в Москве, фамилия которого предусмотрительно не упоминается, подобно Джэкобу, назвал «абсурдными и совершенно неосновательными» обвинения в шпионаже, выдвинутые против некоторых английских дипломатов.

За день до начала процесса, 6 мая, капитан Алексис Дэвисон убыл из Москвы в Стокгольм и заявил корреспонденту газеты «Экспрессен»: «Меня непреднамеренно вмешали в сообщения вокруг дела Винна, к шпионажу я никакого отношения не имел. Но я еще в ноябре — декабре прошлого года думал, что меня вышлют».

Подумайте, какая интуиция!

Отвергать можно все, на это, как говорится, большого ума не нужно, но уйти от фактов нельзя: факты — упрямая вещь. А факты, установленные в процессе настоящего судебного разбирательства, доказывают участие в шпионаже ряда американских и английских дипломатов, аккредитованных в СССР.

Активно руководили шпионской деятельностью Пеньковского и Винна, или осуществляли конспиративную связь с Пеньковским, или были причастны к этим действиям в другой форме английские дипломатические сотрудники Родерик Чизхолм и его жена Анна Чизхолм, Гервейс Кауэлл и его жена Помелла Кауэлл, Айвор Рауселл, Джон Варлей и Фелиcita Стюарт и американские дипломатические сотрудники Родней Карлсон, Ричард Джэкоб, Вильямс Джонс, Хью Монтгомери и Алексис Дэвисон.

В соответствии со ст. 321 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР я ходатайствую перед судом о вынесении частного определения с указанием на то, что деятельность перечисленных мною бывших и настоящих дипломатических сотрудников США и Великобритании в Советском Союзе является незаконной и несовместимой с нормами поведения иностранных дипломатов.

(Аплодисменты.)

В связи с делом Пеньковского и Винна на Западе шумят о развязывании в Москве кампании антиамериканской и антианглийской шпиономании. Представитель государственного департамента США Линкольн Уайт заявил, что выдвинутые Советским Союзом обвинения в шпионаже идут вразрез с заявлениями высокопоставленных советских официальных лиц о необходимости улучшения американо-советских отношений.

Следовало бы понять господам уайтам, что улучшению этих отношений в числе прочего мешает не выдуманная ими мифическая шпиономания, а непрекращающаяся засылка к нам вполне реальных шпионов, во плоти и крови, как с дипломатическими паспортами, так и без оных.

Удивительные способности у некоторых господ на Западе жонглировать фактами, ставя их с ног на голову. Аналогичный трюк они проделывали в свое время и по поводу шпионского полета Пауэрса, пытаясь возложить ответственность за этот провокационный акт на русских, которые, мол, подняли слишком большой шум об этом инциденте.

Никто в нашей стране не раздувает шпиономанию, никто не сеет подозрительность. Но любителям

подглядывать в чужие квартиры, охотникам до чужих секретов мы не будем давать спуска.

Мы будем бдительны, ибо, как говорил товарищ Н. С. Хрущев, «...иностранная разведка не дремлет, и если мы будем похрапывать, то это будет самое хорошее время для ее подрывной работы внутри нашего государства».

VI. ЮРИДИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мне остается теперь, товарищи судьи, обосновать юридическую квалификацию преступлений, инкриминируемых подсудимым, и высказать мнение о мерах наказания.

Пеньковскому предъявлено обвинение по п. «а» ст. 64 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей ответственность за особо опасное государственное преступление — измену Родине, то есть умышленные действия, совершенные гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР. Эти действия могут быть совершены в различных формах, одной из них является шпионаж. Диспозиция ст. 64 не раскрывает понятия шпионажа, и для этой цели следует обратиться к следующей за ней ст. 65 Уголовного кодекса РСФСР.

Под шпионажем, согласно статье 65, подразумевается передача, а равно похищение или собирание с целью передачи иностранному государству, иностранной организации или их агентуре сведений, составляющих государственную или военную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб интересам СССР.

Большая часть сведений, переданных Пеньковским американской и английской разведкам, составляет государственную и военную тайну, а остальные безусловно представляли интерес для иностранных разведок и могли быть использованы в ущерб экономическим, политическим и военным интересам СССР. Таким образом, преступные действия Пеньковского

полностью охватываются диспозицией ст. 65, но, как совершенные гражданином СССР, они подлежат квалификации по п. «а» ст. 64 УК РСФСР.

Подсудимому Винну предъявлено обвинение по ст. 65 Уголовного кодекса РСФСР. Действия Винна, выразившиеся в передаче шпионских материалов от Пеньковского английской разведке, а также в организационной деятельности по устройству встреч Пеньковского с разведчиками и передаче ему их указаний и шпионского снаряжения, полностью подпадают под эту статью.

То обстоятельство, что Винн не был в полной мере осведомлен о конкретном содержании переданных через него сведений, не имеет значения для квалификации. Достаточно, чтобы лицо, выступающее в роли связника, знало о шпионском характере этих сведений в целом.

На основании ст. 4 Уголовного кодекса РСФСР за преступление, совершенное против Советского Союза на его территории, Винн должен нести ответственность по советским законам.

Но я хотел бы отметить, что законы страны, поданным которой является Винн, сурово карают подобные действия, как шпионаж, и трактуют их в весьма широком смысле.

Английскими законами о государственной тайне от 22 августа 1911 года и 23 декабря 1920 года установлено понятие «запретного места», к которому относятся оборонительные сооружения, арсеналы, принадлежащие военному ведомству, предприятия военного значения, любое место, использованное для помещения или добычи материалов, имеющих военное значение, всякие пути сообщения и места, используемые для предприятий, имеющих государственное значение, и, наконец, все места, признанные запретными министром внутренних дел. Как видите, даже самые невинные сведения могут подпасть под этот всеобъемлющий перечень.

Эти законы предусматривают, что если какой-нибудь снимок, план, образец, материал, заметка, документ или сведения, имеющие отношение к месту запретному, будут сделаны, добыты или переданы лицом, не имеющим на то законных полномочий, то до

тех пор, пока противное не будет доказано, считается, что эти действия совершены с целью шпионажа.

Тот факт, гласят английские законы, что то или иное лицо было в сношениях или сделало попытку установить сношения с иностранными агентами в пределах или за пределами Соединенного Королевства, служит доказательством того, что это лицо пыталось получить информацию, рассчитанную на то, что и она прямо или косвенно полезна неприятелю или может быть ему полезна.

Таким образом, по английскому праву уже самый факт наличия запретных данных у лица, не имеющего к ним законного доступа, или факт попытки к сношению с иностранным агентом, хотя бы и без передачи ему сведений, расценивается как шпионаж.

Я совершил этот небольшой экскурс в область английского законодательства, чтобы подчеркнуть, как охраняет оно безопасность государства, и показать, насколько очевиден был для Винна преступный характер его деятельности с позиций права его собственной страны.

На основании изложенных мною соображений о доказательствах и юридической квалификации преступлений я поддерживаю в полном объеме обвинение, предъявленное по обвинительному заключению подсудимым Пеньковскому и Винну.

Учитывая степень участия подсудимого Гревилла Винна в совершенных тяжких преступлениях против Советского Союза, я не считаю возможным требовать применения максимальных мер наказания, предусмотренных ст. 65 Уголовного кодекса РСФСР, и прошу приговорить Винна к 10 годам лишения свободы.

(Продолжительные аплодисменты.)

Что касается подсудимого Пеньковского, то где найти меру тяжести и подлости совершенных им деяний?

Конечно, защита будет искать смягчающие его вину обстоятельства, будет ссылаться на его участие в войне, на его признание и раскаяние, но я не смогу с ней согласиться. Есть такие преступления, которые уже нельзя ничем искупить. Я не вижу в этом вопросе никакой альтернативы, никакого выбора. Предателю и шпиону, продавшему свое Отечество, нет места на

земле, и я требую приговорить Пеньковского к смертной казни.

(Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Своим приговором, товарищи судьи, вы пригвоздите к позорному столбу американских и английских организаторов подрывной деятельности и шпионажа и воздадите по заслугам их агентам, сидящим на скамье подсудимых.

(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)

(Объявляется перерыв на 20 минут.)

(После перерыва.)

18 ч. 20 м.

Комендант суда: Суд идет. Прошу встать!

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста.

Слово для защитительной речи предоставляется адвокату Апраксину — защитнику подсудимого Пеньковского.

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА А. К. АПРАКСИНА

Товарищ председатель Военной коллегии Верховного Суда Советского Союза!

Товарищи народные заседатели Верховного Суда!

Судебное рассмотрение дела, материалы которого вы исследовали в течение нескольких дней, подходит к концу.

Оно глубоко взволновало нашу советскую общественность, взволновало каждого советского человека, которому дороги интересы Родины, ее экономическая и военная мощь.

Волнует и вызывает негодование широкой общественности нашей страны в настоящем деле то, что на скамье подсудимых сидит гражданин Советского Союза, изменивший Родине, выдавший ряд государственных и военных секретов, представляющих значительный интерес для англо-американской разведки.

Сидит человек, занимавшийся шпионажем против того государства, в котором он родился, жил, работал, в котором и сегодня проживают его родные и близкие.

Мне нет надобности говорить вам о серьезности совершенного Пеньковским преступления.

В связи с тяжестью последствий, которые может повлечь это преступление, оно в нашем уголовном законодательстве стоит на первом месте.

Вы люди военные и прекрасно понимаете, что нарушение сыновней верности матери-Родине, измена Родине, шпионаж, согласно ст. 133 нашей Конституции, были, есть и будут самым тяжким преступлением перед нашим советским народом.

Поэтому вы должны понять, что в обстановке всеобщего возмущения и негодования осуществлять поставленную передо мной задачу особенно сложно, так как мои соотечественники не видят совершенно никаких оснований для его защиты и смягчения его ответственности перед законом, не видят оснований для просьбы о снисхождении к человеку, который неплохо начал свою жизнь, неплохо бы ее продолжил, если бы не ряд обстоятельств, которые вывели его из этого состояния.

Но в этой тяжелой защите мне помогает гуманность нашего законодательства, обеспечивающего защитой любого гражданина, находящегося на скамье подсудимых; мне помогает объективность суда и всестороннее исследование материалов дела, справедливый учет всех обстоятельств, даже незначительных, говорящих в пользу подсудимого, независимо от тяжести совершенного им преступления.

При доказанности предъявленного Пеньковскому обвинения — его признанием, показаниями Винна, вещественными доказательствами, заключением судебно-технических экспертиз, а также рядом других доказательств, — казалось бы, мне нужно переходить непосредственно к изложению обстоятельств, которые в той или иной степени смягчают ответственность Пеньковского за совершенное им преступление.

Но защита не выполнила бы своей роли и этим в какой-то мере лишила вас возможности дать правильную оценку всему совершенному, если бы не остановилась на причинах, которые привели Пеньковского на скамью подсудимых.

Точнее сказать, не на причинах, а на мотивах. Это вернее, так как если говорить о причинах, то это будет

признание наличия какой-то постоянно действующей движущей силы, которая если и не создает, то поощряет подобного рода действия.

Я уверен, что причин для измены Родине у нас нет, и оправдать этот поступок невозможно. Да защита и не ставит перед собой такой задачи, но правильное определение мотивов совершенного преступления, его механизмов дадут вам возможность на основании ст. 20 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик правильно определить наказание.

Правильное определение мотивов преступления и мне даст возможность с учетом чистосердечного раскаяния и признания Пеньковским своей вины ставить перед вами вопрос о снисхождении при определении ему меры наказания.

Если говорить о мотивах, которые привели Винна на скамью подсудимых, то можно смело сказать, что они большинству понятны: им руководила корысть, желание заработать даже ценой собственного благополучия и благополучия своей семьи. Он представитель другого мира, там господствует власть денег, и вот он в борьбе за текущий счет в банке, который все время нужно пополнять, в борьбе за свою фирму стал разведчиком и связным, но об этом подробно, я думаю, скажет мой коллега по защите.

А что же привело Пеньковского в лагерь агентов англо-американской разведки?

Различие взглядов на пути развития нашего общества? Наличие каких-то своих политических постулатов? Несогласие с проводимой нашей партией и государством политикой построения коммунистического общества? Или ненависть к народу, сыном которого он является?

Нет, думаю, что не это. У нас уже давно нет преступлений по политическим мотивам, и Пеньковский на поставленный ему по этому поводу вопрос на предварительном следствии, так же как и в судебном заседании, ответил: «Никаких политических противоречий с Советской властью у меня не было» (том 3, л. д. 251).

Если допустить, что мотивы эти были, то в какой-то мере еще и можно было бы понять совершенное Пеньковским деяние.

Но этого нет, и, при всей тщательности проведен-

ного предварительного и судебного следствия, ничего подобного или похожего не было обнаружено.

Значит, мотивы совершенного Пеньковским лежат не в этом, да их у него и быть не могло, потому что в жизни Пеньковского поводов и оснований к такого рода выводам не было.

Родился он в 1919 году, воспитывался матерью в трудовой семье, учился в школе, которую окончил в 1937 году. Получив среднее образование, он, так же как и его сверстники, продолжал дальше свое образование, но уже в военном училище, которое успешно закончил.

После окончания училища началась жизнь строевого офицера. Он принимает участие в освобождении Западной Украины, потом в частях действующей армии принимает участие в финской кампании 1940 года, а когда началась Великая Отечественная война, он, так же как и многие другие, находился на фронте.

За короткий срок он прошел большой путь — от курсанта-артиллериста до полковника — командира истребительно-противотанкового полка.

За участие в боях он отмечен многими наградами.

Закончилась война, Пеньковский садится за парту и вновь учится.

Благодаря способностям, трудолюбию и упорству — а этого отнять у него нельзя — он в послевоенный период окончил два высших учебных заведения, а затем, вне армии, нашел свое место в жизни и значительно преуспел на гражданском поприще. Последняя занимаемая им должность в Государственном комитете по координации научно-исследовательских работ была высока и достаточно авторитетна.

И за все это время, с детских лет и до настоящего дня, да и сейчас, в заседании Военной коллегии, уверяю вас, у него никогда не возникало недовольства Советской властью, которая его выучила и воспитала. Ведь в нашей стране все пути и дороги открыты каждому гражданину нашей страны.

Всеим этим благополучием он обязан только Советской власти. Он всегда понимал, что всем обязан своей Родине, но, к сожалению, не всегда об этом помнил.

Таким образом, говорить и считать, что Пеньковский по каким-то политическим мотивам стал преступ-

ником, ни у вас, ни у меня, ни у представителя государственного обвинения оснований нет.

Бывают весьма редкие случаи — и мы о них узнаем из нашей печати, — что тот или иной гражданин в результате своей недалёковидности, а иногда из-за отсутствия должного жизненного опыта или в силу той или иной провокации или специально созданной обстановки оказывается в сетях иностранной разведки.

Недавно писали об одном военном служащем, который изменил Родине, стал шпионом, познакомившись с женщиной, сотрудничавшей с американской разведкой.

Об этой истории писали в газете «Известия», и я не буду вам ее излагать, а если и напомнил о ней, то только для того, чтобы сказать, что материалы дела исключают подобную ситуацию. В деле Пеньковского ничего похожего не было, и мне в этой части говорить больше нечего.

Я также исключаю подобные — похожие или непохожие на приведенные, известные из литературы и судебных дел или неизвестные, а предполагаемые — способы вербовки и сотрудничества с разведками капиталистических государств потому, что, как это установлено следствием и подтверждено здесь, в судебном заседании, подсудимым, он сам искал встречи с разведчиками, предложил сотрудничать с английской разведкой и через Винна установил связь и сам, без какого-либо вознаграждения, передал первые сведения, составляющие государственную и военную тайну.

Почему же это так произошло? Чем он руководствовался?

И прежде, чем ответить на этот вопрос, я должен обратить ваше внимание на показания, данные Пеньковским на предварительном следствии, где он говорит о своих жизненных успехах:

«Был на Карельском перешейке, дошел до Выборга, участвовал в Великой Отечественной войне. Я в какой-то степени удовлетворил свое большое желание быть на передовых участках. В 25 лет мне был доверен полк. В 30 лет мне присвоили звание «полковник». Мне Родина дала два высших образования. Меня опьянили дары Родины, я хотел все больше и больше» (том 3, л. д. 250).

Вот видите, как легко и блестяще складывалась его карьера: в 25 лет командир полка, в 30 лет полковник.

Особенно обращает на себя внимание легкость, с которой он блестяще прошел службу. Пеньковский сам был ослеплен своей карьерой, он стал себя переоценивать, ему хотелось иметь больше, чем в действительности он имел, он научился быть почтительным и услужливым с теми, от кого зависела его карьера, его продвижение по службе. У него от успехов закружилась голова.

Как это ни печально, но он возлагал большие надежды на привезенные из-за границы сувениры, безделушки, шариковые ручки, французский коньяк, а также на телефонные звонки, чем на добросовестную работу и беззаветное служение Родине. Он к этому привык и этим пользовался.

Он был вхож на правах близкого друга в некоторые дома ответственных работников, а те, в свою очередь, уподоблялись грибоедовскому Фамусову и для Пеньковского делали все по принципу: «Ну как не порадовать родному человеку!».

Хотя в родственных отношениях они и не состояли, но это для них не играло никакой роли.

Услуга одному, помощь в устройстве сына в институт другому, ордер на квартиру третьему, удачно и вовремя рассказанный анекдот четвертому — все это медленно, но верно превращало Пеньковского в обывателя, но обывателя с большими возможностями, для которого личная карьера, веселое времяпрепровождение, личные блага стали выше интересов общества, выше благополучия своих близких и родных.

Менялись его взгляды на жизнь, менялись товарищи, менялись его общественные интересы.

Привычка достигать успеха любым путем стала неотъемлемой чертой его характера. У Пеньковского в последнее время родилась уверенность в своей непогрешимости, и это увело его в сторону от общественных интересов.

Из боевого, смелого командира истребительно-противотанкового полка в период Великой Отечественной войны, который не раз смотрел смерти в глаза и дрался с врагами своего народа, в результате мелкой, неприципальной обиды на действия своих непосредствен-

ных руководителей, которые, по его мнению, препятствовали дальнейшему развитию его служебной карьеры — а карьера для него была всем,— он, забыв об интересах Родины, которые руководили его поступками в годы Великой Отечественной войны, стал предателем.

Вы слушали объяснение Пеньковского и, думаю, согласитесь со мной, что среди мотивов, руководивших его поступками, не было мотивов, родившихся из нелюбви к Родине, к советскому народу.

А происходил этот нравственный процесс перерождения на глазах честных людей — друзей, близких и знакомых, которые за внешней эрудицией и инициативой, добросовестностью и общительностью, галантностью и почтительностью, блеском ресторанных обедов и тихих бесед в домашней обстановке не сумели заметить червоточину обывателя, разъедавшую в общем-то неплохого человека.

Когда же один из сослуживцев в грубой, но достаточно прямолинейной форме заявил, что Пеньковский заражен обывательщиной, что он ради своей личной карьеры и благополучия готов на низкие, недостойные советского человека дела, что с ним трудно из-за этого работать, то этот голос потонул в восторженных характеристиках и трелях телефонных звонков о добродетелях подсудимого.

Правда, это заявление проверяли, но больше для формы, так как заранее не верили ему, а истинными мотивами сделанного заявления никто так и не заинтересовался.

Объективности ради я должен сказать, что такому «благополучному» для подсудимого решению этого вопроса способствовало и то, что и сам заявитель не во всем был прав.

Я далек от мысли, что свидетель Савченко уже в 1956 году предвидел то, что произойдет спустя 5 лет, но, если бы к его заявлению отнеслись более внимательно, если бы было меньше заступников, я уверен, что сегодня мы не занимались бы рассмотрением настоящего уголовного дела.

Был, правда, еще один человек, который видел, что с Пеньковским происходит что-то неладное,— это жена, которая, будучи допрошенной на предварительном следствии, показала:

«Вообще за последний год он стал нервным, подозрительным. Пеньковский по своему характеру был тщеславен, самолюбив и склонен к авантюрам. Эти отрицательные черты его характера складывались на протяжении всей его жизни. Этому способствовало восхваление его достоинств среди родственников, товарищей и друзей. Служба у него протекала довольно легко. В жизни он больших трудностей не испытывал» (том 4, л. д. 152—158).

Вот видите, какая прямолинейность, но любовь к мужу, уважение к человеку — отцу ее детей, к его боевому прошлому исключили для нее возможность каких-либо подозрений.

В таком же положении оказались и многие друзья, приятели, с которыми встречался подсудимый до дня своего ареста.

Произошло все это потому, что еще некоторые люди считают, что обыватель и обывательщина в то время, когда наша страна идет к коммунизму, явления безобидные, что они касаются сугубо личных взаимоотношений, что обыватель сам по себе человек безвредный и беды в том нет, что он в стороне от коллектива, живет своим внутренним мирком и отличается узостью кругозора, консерватизмом в быту, а иногда и пошлостью.

К сожалению, бытует мнение, что обыватель — это не пережиток давно уничтоженного в нашей стране капиталистического мира, что это проходящее явление, или, как говорил подсудимый, родимое пятно, которое только мешает, а боли не делает. Это — неправильное мнение. Обыватель — пережиток очень опасный и вредный, время от времени в поведении отдельных лиц дающий себя чувствовать и причиняющий боль нашему народу.

Должен сказать, что, к сожалению, эти истины забыли многие близкие, друзья, товарищи и бывшие начальники и руководители Пеньковского.

С обывательщиной и обывателями нужно бороться потому что это — источник многих заблуждений и преступлений, вплоть до такого, которое мы с вами рассматриваем.

Обыватель предает забвению основной принцип нашей коммунистической морали — преданность нашей социалистической Родине.

Жить в нашем обществе, не руководствуясь этим основным положением, определяющим все человеческие поступки,— значит прозябать, быть обывателем.

Самовлюбленность, нежелание считаться с коллективом, товарищами и нормами нашей морали, игнорирование этих норм, карьеризм, перешедший в авантюру,— все перечисленное и привело Пеньковского на эту скамью.

Но ослепление прошло, пелена спала с глаз, и сейчас на скамье подсудимых сидит человек, глубоко осознавший всю неприглядную картину своего падения, понявший неправильность сделанного им шага и глубоко раскаивающийся в совершенных им деяниях.

Вся сознательная жизнь и деятельность Пеньковского до дня его падения заставляет считать, что он для нашего общества человек не потерянный, но оступившийся, что он не враг обществу, которое его воспитало, а далеко зашедший в своих заблуждениях обыватель, дошедший в своих действиях до логического конца обывательщины — преступления.

Привлеченный к ответственности, он понял свои заблуждения, понял тяжесть совершенного им преступления и своим чистосердечным раскаянием и рассказом о совершенном активно помогал следственным органам вскрыть ряд обстоятельств, до того им неизвестных.

Есть ли основание считать, что Пеньковский чистосердечно раскаялся и рассказал обо всем, что он совершил? Защита считает, что у нее есть основания говорить о его чистосердечном и полном раскаянии, так как это не только слова, но и дела, свидетельствующие о желании Пеньковского рассказывать только правду.

Вспомните материалы дела и показания Пеньковского о его связях с американской разведкой.

Ему первоначально не поверили, сомневались в правдивости его объяснений, но проведенный следственный эксперимент, о котором свидетельствует протокол на листе дела 208, том 1, подтвердил искренность и правдивость рассказа Пеньковского. Я мог бы привести еще много других деталей из его показаний, но, так как они вам известны, я остановлюсь только на некоторых.

Достаточно сказать, что, поверив Пеньковскому, органы нашей разведки выявили и обезвредили шпионов с паспортами дипломатов из американского и английского посольств.

Показания Пеньковского о связи англо-американской разведки и ее представителей, совместно действовавших на территории нашего государства, нашли свое полное подтверждение в материалах дела.

Выдворение с нашей территории работника американского посольства Джэкоба, обнародование истинных намерений и целей работников английского посольства Чизхолм, Помеллы Кауэлл и других, занимавшихся сбором сведений о нашей стране,— все это является следствием правдивых показаний подсудимого.

Разоблачение связи Пеньковского с Карлсоном, одним из сотрудников посольства США, является также следствием его чистосердечного раскаяния.

И наконец, арест Винна, спокойно разъезжавшего по дорогам стран народной демократии с определенными целями, менее всего имевшими отношение к коммерческой деятельности, также является следствием правдивых показаний раскаявшегося человека.

Представитель государственного обвинения, говоря о моральном облике подсудимого, остановился на кутежах в ресторанах и на связи его с Галиной.

Факты эти достоверны, и, казалось бы, они говорят не в пользу защиты, но единственно, на что я обращаю ваше внимание, так это на то, что все это было после того, как Пеньковский, грубо говоря, душу черту продал, после того, как он стал агентом разведки.

Его раздражительность и подозрительность, о которой говорили его близкие, кутежи и пьянки, случайные кратковременные связи с женщинами — все это есть следствие его преступления.

Да и как не быть таким: ведь он был один, он знал, на что шел, и этим он изолировал себя от всех.

Это — результат его внутренних терзаний, свидетельство того, что для него его падение не прошло бесследно. Он на все махнул рукой, и это нельзя рассматривать как отягчающее его вину обстоятельство.

Он был в кругу товарищей, друзей, сослуживцев, в кругу семьи, но он везде был один. Он знал, что

потерял право на дружбу, любовь, уважение и доверие, и искал несвойственные ему развлечения.

Товарищи судьи!

Через некоторое время вами будет вынесен приговор по настоящему делу. Все мы, участники процесса и присутствующая в зале публика, будем с нетерпением ждать приговора. Он подведет итог многодневному разбору дела.

Но с еще большим нетерпением, волнением и надеждой его будет ждать подсудимый.

От того, как вы решите, какой вы вынесете приговор в отношении Пеньковского, зависит его жизнь, а она дается один раз. И чтобы вам легче было решить этот вопрос, я прошу еще раз обратить ваше внимание на раскаяние, подчеркиваю, *чистосердечное* раскаяние Пеньковского.

Наш закон гуманен, и это нашло свое отражение в ст. 33 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которая говорит об обстоятельствах, смягчающих ответственность за совершенное правонарушение. А в п. 8 как раз говорится о чистосердечном раскаянии как основании для смягчения наказания.

Заканчивая свою речь, я хочу еще раз выразить уверенность в том, что за многочисленными листами протоколов допросов вы в совещательной комнате будете видеть живого человека со всеми его недостатками и положительными чертами.

За плечами подсудимого много хорошего, того, что дает ему право рассчитывать на снисхождение.

Я, прежде всего, позволю себе сослаться на обзор личного дела за период его службы в армии, там написано: «В деле имеются многочисленные служебные боевые характеристики, представления и аттестации, в которых он характеризуется положительно» (том 9, л. д. 16).

А вот еще один документ, справка-характеристика, имеющаяся на листе дела 24 этого же тома: «За весь период службы в армии характеризуется в основном положительно. Проявлял активность как в служебной, так и в общественной работе».

Я привел вам сведения о его службе в армии.

А вот как его характеризуют по последней работе

в Государственном комитете по координации научно-исследовательских работ «Административным взысканиям не подвергался... По выполнению служебных обязанностей характеризуется положительно» (том 9, л. д. 157).

Начав самостоятельную трудовую деятельность в 1937 году, он неоднократно поощрялся за хорошую учебу и службу, сведения о поощрениях имеются в материалах дела.

За время службы в армии он имел 16 поощрений, а в период Великой Отечественной войны, находясь на фронте, за выполнение боевых приказов командования и воинское умение он последовательно награждается: двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, орденом Александра Невского, орденом Красной Звезды.

Находясь на фронте, он дважды был ранен, одно из ранений было тяжелым (справки об этом имеются в томе 9, л. д. 22—23).

На иждивении Пеньковского двое детей и мать, которые очень нуждаются в его поддержке и заботе, Товарищи судьи!

В жизни человека бывают ошибки и падения. Они бывают разные, но искреннее раскаяние в совершенном, желание искупить вину, безупречное прошлое и много хорошего, сделанного Пеньковским ранее, при всей глубине его падения дают основание просить о снисхождении

Я прошу вас сохранить Пеньковскому жизнь.

Председательствующий: Слово для защитительной речи предоставляется адвокату Боровику — защитнику подсудимого Винна.

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА Н. К. БОРОВИКА

Товарищи судьи! Не скрою от вас того волнения, с которым я приступаю к своей защитительной речи в пользу моего подзащитного Гревилла Винна

Оно вызвано тем, насколько я сумею донести до вас, до вашего сознания, товарищи судьи, все то, что в значительной степени смягчает вину Гревилла Винна, может облегчить его участь.

Гревилл Винн за это тяжелое для него время,

время пребывания в тюрьме, пребывания в суде, много пережил, много передумал и на суде здесь дал правильную оценку своим поступкам, своему преступлению.

Часто встречаясь за последнее время с Винном, беседуя с ним, изучая его, я пришел к убеждению, что Винн по-настоящему раскаивается в том, что он совершил, и своими правдивыми показаниями перед судом и следствием хочет помочь правосудию и тем самым в какой-то степени искупить свою вину.

Мне нет необходимости говорить вам, товарищи судьи, что наш советский закон откликается на подобное поведение подсудимого, указывает, что чистосердечное признание обвиняемого является смягчающим вину обстоятельством.

Вот почему свою защитительную речь я начинаю именно с этого.

Товарищи судьи! Обычно защитительная речь адвоката заканчивается, как правило, характеристикой личности подсудимого.

Я позволю себе несколько отступить от этой схемы и начать свою речь с биографии и характеристики Гревилла Винна.

Гревилл Винн — подданный Великобритании, он иностранец, а это создает для вас, товарищи судьи, дополнительную трудность, так как вы должны разобраться и понять психологию и поведение человека, формирование которого проходило в совершенно иных социальных условиях.

Кто он такой?

Вы, товарищи судьи, и представитель государственного обвинения уже выяснили биографические данные Винна.

Я же позволю себе несколько больше, несколько шире на этом остановиться.

Как известно, Гревилл Мейнерд Винн родился в 1919 году в Англии. Отец его работал инженером-конструктором на шахтах Среднего Уэльса, мать была учительницей.

Таким образом, Винн родился в семье среднего служащего, в трудовой семье.

Когда Винну исполнилось 12 лет, судьба ему нанесла первый тяжелый удар: он лишился матери.

Винн окончил школу, стал учиться в высшем учебном заведении, окончил его.

Наступил 1939 год. Началась вторая мировая война. С первых же дней войны Винн был мобилизован и почти всю войну прослужил в британской союзной армии, то есть был в одном лагере с нами в борьбе с немецким фашизмом, что уже следует рассматривать как обстоятельство, говорящее в пользу Винна.

В конце 1944 года под Брюсселем Винн был тяжело контужен, пролежал более пяти месяцев в госпитале, а затем, уже к концу войны, был демобилизован.

По излечении Винн вначале устроился на работу в качестве коммивояжера в одной из фирм, но, обладая коммерческими способностями, он обратил на себя внимание ряда фирм, и Винну стали доверять все более и более серьезные и ответственные поручения.

Вскоре Винн женился. Жена его — дочь состоятельных родителей. К этому времени Винн уже неплохо зарабатывал, появился достаток в доме.

В 1953 году родился сын Эндрью. Жизнь стала по-настоящему улыбаться Винну и его семье.

Коммерческие дела Винна шли все лучше и лучше. Винн умело представлял интересы ряда фирм, разъезжая по различным странам, добивался хороших и выгодных заказов.

Это все способствовало росту его авторитета в деловых кругах, и Винн успешно делал карьеру коммерсанта.

Надлежит отметить, что Винн всегда был глубоко аполитичным человеком: его никогда не интересовала политика, он не состоял ни в каких партиях и весь смысл жизни для него заключался в благополучии его семьи и его коммерческих дел.

Товарищи судьи! Я позволил занять ваше внимание биографией Винна для того, чтобы вы отчетливо видели, что на скамье подсудимых хотя и сидит человек из чуждого нам, капиталистического мира, но человек, в прошлом которого нет ничего такого, что можно было бы ему поставить в упрек.

В его прошлом также нет ничего, что давало бы право смотреть на него как на сознательного врага нашего Советского государства.

Теперь позвольте мне перейти к анализу событий, составляющих предмет настоящего дела.

Винн много раз приезжал в Советский Союз, в Москву, и никогда не мог думать, что его шестая по счету поездка — поездка 6 апреля 1961 года — сгнет для него столь роковой.

Впервые Винн был в Москве в 1957 году, затем в 1959 году, трижды в 1960 году. Это были поездки чисто коммерческого плана. Каждый раз Москва гостеприимно встречала Винна. После работы он посещал театры, рестораны, гулял по улицам, любовался Москвой. И никаких претензий к нему за этот период мы не имеем. И вот очередная поездка Винна — 6 апреля 1961 года.

Как известно, когда Винн приезжал в составе делегации специалистов в декабре 1960 года, ему было заявлено об ответном визите такой же делегации советских специалистов в Лондон. Шли месяцы — декабрь, январь, февраль, март, советская делегация не приезжала. Наступил апрель. Приближалось время отпусков, это волновало ряд фирм, и они откомандировали Винна для ускорения приезда советской делегации в Лондон.

На суде Винн объяснил, что директора ряда компаний, которые были заинтересованы в прибытии советской делегации, торопили его. Они требовали от него ускорить визит, так как был уже апрель и приближалось время отпусков. Чтобы ускорить разрешение этого вопроса, Винн и приехал в апреле 1961 года в Москву.

Во время этой поездки, которая длилась всего 6 дней, состоялись известные беседы Пеньковского с Винном, закончившиеся просьбой Пеньковского перевезти нелегально в Лондон его личный пакет.

Винн к этой просьбе Пеньковского отнесся очень настороженно. С одной стороны, Винн не хотел портить отношений с Пеньковским, поскольку тот являлся представителем деловых кругов Советского Союза. Винну казалось, что порча отношений с Пеньковским могла плохо отразиться на его коммерческих делах и сорвать подготавливаемую закупку Советским Союзом продукции английских фирм на полтора миллиона фунтов стерлингов. С другой стороны, Винн просто

растерялся и испугался. Что делать? С кем посоветоваться? Естественно, что, будучи подданным Великобритании, он решил пойти за советом в свое посольство, и в этом нет ничего предосудительного.

Так Винн и поступил. Он там встретился с ответственным работником посольства, который, по существу, рекомендовал Винну не выполнять просьбы Пеньковского.

Винн последовал его совету и пакета от Пеньковского не принял.

Этот поступок Винна был правильным, и если бы он был так же тверд и в дальнейшем, то сегодня мы не видели бы его на скамье подсудимых.

Наступило 12 апреля 1961 года — день отъезда Винна. Это был необычный день. Утром радио пронесло по всему миру радостную весть: впервые за многовековую мировую историю человек проник в космос. Все прогрессивное человечество земного шара рукоплескало первому космонавту мира — нашему соотечественнику, радовалось победе разума, науки, прогресса и цивилизации.

А для Винна этот день оказался самым черным днем в его жизни, днем, принесшим ему и его семье несчастья и страдания. Просьба Пеньковского в аэропорту показалась ему невинной: был открытый конверт и половина листа напечатанного текста на русском языке.

Как известно, Винн русским языком не владеет.

Винн посмотрел и счел неудобным отказать Пеньковскому. Он взял это письмо.

И Винн, я в этом глубоко убежден, не думал в ту минуту о том, что он сделал первый шаг на пути к преступлению.

Так началось грехопадение Винна.

Я не думаю, что суд сомневается, что все это было именно так. Правда, Пеньковский здесь на суде заявил, что он якобы не одно, а два письма передал в Москве Винну, что сам он не один, а два пакета привез в Лондон.

Я уже говорил, что дело не в том, одно письмо или два передал Пеньковский, один пакет или два.

А это обстоятельство важно для выяснения, насколько правдивы и чистосердечны показания Винна,

и вот у защиты Винна есть все основания утверждать, что и в этом случае Винн показывает правду.

Следует иметь в виду, что Пеньковский уже после 20 ноября 1962 года, как он сам заявил, много переделав, преодолев страх, боязнь ответственности, решил говорить правду от начала до конца (том 2, л. д. 38).

Пеньковский показал, и я это уже цитировал в стадии судебного разбирательства.

«...20 апреля 1961 года мы приехали в Лондон.

Нас встретил Винн... В гостинице «Маунт ройял» Винну я передал пакет с материалом...»

Повторяю, пакет, один пакет, а не два.

И далее Пеньковский, рассказывая о своей встрече с английскими разведчиками «Грилье» и «Майлом» и американскими — «Александром» и «Ослафом», заявил, что они ему сообщили, что его два письма — одно, направленное в ноябре 1960 года в американское посольство, и другое, переданное через Винна, — они получили (том 2, л. д. 57).

Таким образом, речь идет об одном письме, переданном Винну 12 апреля 1961 года, а не о двух письмах, как говорил здесь Пеньковский.

11 января 1963 года Пеньковский показал:

«После 20 ноября 1962 года я давал правдивые показания и прошу им верить» (том 3, л. д. 15).

Вот и я прошу вас верить этим показаниям.

Товарищи судьбы! Когда вы изучали материалы дела, вы, очевидно, обратили внимание, что в одних из своих первых показаний, а именно в показаниях от 5 ноября, Винн заявил:

«Мне хотелось бы только сказать, что единственным моим желанием сейчас является рассказать всю правду» (том 4, л. д. 148).

И я считаю, что Винн придерживался этого своего желания.

Мне представляется, что события в эту поездку Винна в Москву 6—12 апреля 1961 года разворачивались именно так, как это говорит Винн: он действительно в день отъезда из Москвы, 12 апреля, получил от Пеньковского одно письмо и 20 апреля в Лондоне — от Пеньковского также один пакет.

Здесь очень подробно представителем государ-

ственного обвинения, судом и защитой выяснялись все обстоятельства, связанные со взаимоотношениями Винна и Пеньковского в период с апреля 1961 года по июль 1962 года, очень подробно уточнялось количество пакетов, переданных Винном Пеньковскому и наоборот, во время четырехкратного пребывания Винна в Москве, двукратного пребывания Пеньковского в Лондоне и пребывания его в Париже.

Выяснились также обстоятельства встреч Винна с Чизхолмом и передач пакетов и прочего от Чизхолма Пеньковскому и наоборот.

Так как эти вопросы исследованы более чем достаточно и Винн признал себя виновным в этом, оспаривая лишь отдельные детали, о чем я уже говорил, мне представляется ненужным вновь возвращаться к подробному анализу всех этих обстоятельств.

Но вместе с тем ряд существенных замечаний, относящихся к установлению мотивов преступления, роли Винна в этом деле, я позволю себе сделать.

Товарищи судьи! Вам не впервые приходится рассматривать дела о шпионаже.

Вы видели на скамье подсудимых различных шпионов.

Говоря сегодня о Винне, следует отметить, что Винн не профессиональный разведчик. Он не обучался в шпионских школах, не проходил специальную подготовку. Он не был на содержании разведок и от них не получил ни одного пенса.

Винн — это прежде всего коммерсант, аполитичный коммерсант, попавший в ловко расставленные сети английской и американской разведок, использовавших его в своих интересах.

Проследим, товарищи судьи, как был втянут Винн в шпионскую деятельность этих разведок.

Вначале сотрудник одной из фирм Хартли познакомил Винна с Аккройдом, а тот в свою очередь с Кингом. У Винна сложилось впечатление, что это представители министерства иностранных дел. Они стали давать ему различные поручения, Винн стал выяснять, что это за поручения, проявлять беспокойство. Они всячески его успокаивали. Наконец Винн, встревожившись, начал протестовать. И очень характерно, что, чувствуя нежелание Винна работать на разведки, их

сотрудники ему неполностью доверяли. Они неоднократно предупреждали Пеньковского, чтобы он не откровенничал с Винном.

Здесь, в суде, уже цитировались показания Пеньковского, позволю еще раз их напомнить.

На предварительном следствии Пеньковский говорил:

«...Представители иностранных разведок мне сказали, что Винну можно говорить все, что угодно, но только не о деталях и фактах сущности моей работы с ними» (том 3, л. д. 106), а в другом месте Пеньковский показал: «...Подробностей моего сотрудничества с англо-американской разведкой я Винну также не рассказывал, так как был предупрежден об этом иностранными разведчиками...» (том 2, л. д. 81).

И далее: «Склонен полагать, что Винн о характере моих встреч с ними осведомлен не был... и, как я понял из разговора с Винном, иностранные разведчики во все детали работы со мной его не посвящали...» (том 2, л. д. 81).

Известно, что все передаваемые Винном пакеты Пеньковскому и наоборот были в запечатанном виде. Пеньковский говорит:

«...Пакеты в присутствии Винна я никогда не распечатывал и не читал, это я делал всегда дома...» (том 2, л. д. 81).

Полностью о содержании пакетов Винн узнал только на предварительном следствии.

Когда мы с Винном при окончании предварительного следствия изучали материалы дела, скрупулезно перечитывали каждую страницу этого многотомного дела, и когда нам с Винном следователь показал все эти вещественные доказательства — фото пленки, донесения, шифры и тому подобные шпионские принадлежности, находящиеся здесь, на столе, для обозрения, то Винн буквально схватился за голову. Он был настолько поражен, что мог только вымолвить: «Что я наделал? Какой ужас!» Это было так искренне, что вновь подтвердилась правдивость показаний Пеньковского, что от Винна всячески скрывалось содержание работы Пеньковского с разведками.

И действительно, как показал здесь Пеньковский,

Винна иностранные разведчики к конспиративным квартирам вместе с Пеньковским не подпускали.

Установлено, что не было ни одного случая, когда Пеньковский находился бы вместе с Винном при беседах с иностранными разведчиками.

Но, несмотря на все это, Винн своими действиями нанес серьезный ущерб безопасности нашего государства. Это прекрасно понимает Винн, хотя на первых порах он, несомненно, не знал и не понимал всей тяжести того, на что он дал согласие.

Не будучи профессиональным разведчиком, Гревилл Винн был втянут в шпионаж английскими разведчиками и оказался в роли связника между ними и Пеньковским.

Я прошу вас, товарищи судьи, это иметь в виду, когда вы в совещательной комнате будете определять Винну меру наказания.

Я должен обратить внимание еще и на то, что Винн тяготился своей ролью, вследствие чего ему не доверяли не только тайн работы Пеньковского с разведками, но и не полностью доверяли ему даже как связному.

Помните, что по этому поводу говорил Пеньковский? «...Иностранные разведки предупреждали меня, чтобы, для контроля Винна, сообщать им обо всех переданных через него материалах» (том 3, л. д. 125).

Позвольте привести еще один штрих, свидетельствующий о стремлении Винна уйти от сотрудничества с разведками.

Здесь об этом очень много говорили, поэтому я буду краток.

Когда Винн был в Москве в конце августа 1961 года и принес от Чизхолма Пеньковскому фотографии жены Чизхолма и коробку конфет, то он спросил, для чего Пеньковскому нужны эти фотографии и конфеты. Последний ответил: чтобы он мог узнать ее в общественных местах и иметь возможность передавать ей шпионские сведения, помещенные в этой коробке из-под конфет.

Это испугало Винна. Об этом на следствии он заявлял: «Это явилось поворотным пунктом, когда я понял, что действительно оказался замешанным в очень серьезные дела...» (том 6, л. д. 44).

То же он сказал об этом и здесь, в зале суда.

Винн буквально на следующий день покинул Москву, вылетел в Амстердам и из амстердамской гостиницы позвонил в Лондон Кингу, решительно заявив, что больше не хочет участвовать в этих делах.

Это Кинга крайне встревожило, так как через несколько дней предстоял приезд Пеньковского в Париж. Винн был крайне необходим для связи, а решимость Винна порвать свои отношения с разведкой была настолько реальной и очевидной, что Кинг бросил все свои дела и немедленно на самолете вылетел в Амстердам. В тот же вечер в Амстердаме он укрощал строптивого Винна.

Отношения Винна с разведками складывались таким образом, что для того, чтобы его удержать, заставить работать на себя, ему стали угрожать, шантажировать.

Для этой цели Кинг дважды устраивал свидания Винну со своим шефом, и дело доходило до того, что этот шеф, возмущенный поведением Винна, рассвирепев, стучал кулаком по столу.

Перед Винном недвусмысленно была поставлена альтернатива: или ты работаешь с нами и твой бизнес не пострадает, или пеняй на себя.

А что такое «пеняй на себя» — Винн прекрасно понимал.

Винн показывает:

«Я страшно боялся того, что английская разведка поднимет трубку телефона и что-нибудь скажет обо мне в соответствующих местах. Я очень боялся, что весь мой бизнес рухнет» (том 6, л. д. 46).

И далее Винн показывает, что шеф и другие разведчики, не стесняясь его, говорили, что, если он откажется выполнять их поручения, это пагубно скажется на его бизнесе (том 6, л. д. 46).

Винн очень образно сказал здесь, на суде, что английские разведчики втянули его в эту грязную работу, заставили буквально силой, путем угроз выполнять эту грязную работу, круг для него окончательно замкнулся, он попал в тиски, и тиски были завернуты до предела.

Такова история трагического падения Гревилла Винна.

Товарищи судьи! У защиты нет спора о квалификации преступления. Да, совершенное Гревиллом Винном преступление подпадает под действия ст. 65 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Но я категорически не могу согласиться с требованием прокурора о мере наказания Винну.

Я не буду повторять те доводы, смягчающие вину Гревилла Винна, которые я уже привел. Одних их было бы недостаточно, чтобы обратиться к вам с просьбой о более мягком наказании для Винна.

Но я прошу вас, товарищи судьи, при решении судьбы Винна учесть и еще ряд соображений.

Известно, что встречи Винна с Пеньковским были во время пребывания Винна в Москве, поездок Пеньковского в Лондон и Париж.

Встреч же Пеньковского помимо Винна, во время которых передавались шпионские сведения, было значительно больше. Только с одной Анной Чизхолм Пеньковский, как он заявил на суде, встречался девять раз.

Таким образом, нельзя говорить о том, что Винн был единственным связующим звеном между Пеньковским и иностранными разведками.

Прошу обратить внимание еще на одно обстоятельство.

Здесь, товарищи судьи, по этому делу на скамье подсудимых только двое из всех участников этого преступления. Поэтому может сложиться неправильное впечатление, что Винн — одно из главных действующих лиц всей этой неприглядной истории.

Я представляю, если бы скамью подсудимых по праву заняли все участники этого дела, если бы рядом с Пеньковским и Винном оказались Аккройд и Кинг и их шеф в придачу, «Грилье» и «Майл», «Александр», «Ослаф», если бы эти места разделила бы «достойная» чета супругов Чизхолмов и другие, то тогда, товарищи судьи, мой подзащитный Винн далеко бы отодвинулся на задние места.

Он перестал бы быть одной из центральных фигур, и тогда прокурор вряд ли потребовал бы для Винна столь суровую меру наказания.

Товарищи судьи! Заканчивая свою речь, я позволю, говоря о Винне, еще раз подчеркнуть, что Винн в теч-

ние длительного времени много делал для установления деловых контактов между Великобританией и Советским Союзом; Винн, как я уже говорил, выходец из трудовой английской семьи. Его отец, 86-летний старик, живет и поныне, являясь пенсионером.

Винн сражался на фронтах второй мировой войны против нашего общего врага — немецкого фашизма. Он глубоко аполитичен. Весь смысл его жизни, все его помыслы были направлены на то, чтобы быть хорошим коммерсантом, заслужить похвалу своих фирм и отдать все свое свободное время семье — жене, 11-летнему сыну и старику отцу.

Да, споткнулся на своем жизненном пути коммерсант Винн, и споткнулся очень сильно, но я верю, что Винн в будущем, когда отбудет наказание, никогда больше не допустит к себе разведчиков, что он снова вернется к честной жизни.

Товарищи судьи! Я уже говорил, что никак не могу согласиться с мерой наказания, которую потребовал прокурор для моего подзащитного.

Я прошу вас, товарищи судьи, снисхождения к Винну и применения к нему меры наказания значительно меньшей, чем потребовал представитель государственного обвинения.

Я не сомневаюсь, товарищи судьи, что вы в совещательной комнате тщательно проанализируете все содеянное Винном, еще и еще раз взвесите и оцените все смягчающие его вину обстоятельства и вынесете Гревиллу Винну справедливый, гуманный приговор.

К этому я вас призываю, товарищи судьи.

Председательствующий: Выслушивание судебных прений окончено. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР Военная коллегия должна выслушать последние слова подсудимых Пеньковского и Винна.

Какие предложения участников судебного процесса будут на этот счет?

Прокурор: Товарищ председательствующий, перед последними словами подсудимых я хотел бы заявить ходатайство.

Настоящий судебный процесс состоял из открытых заседаний и одного закрытого заседания. В закрытом заседании исследовались вопросы, составляющие

государственную тайну Союза Советских Социалистических Республик. В последних словах подсудимые имеют право и могут касаться как обстоятельств, исследованных в открытых судебных заседаниях, так и обстоятельств, исследованных в закрытых судебных заседаниях.

В силу этого, а также в силу ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в целях сохранения государственной тайны Союза ССР я ходатайствую о том, чтобы последние слова подсудимых были заслушаны в закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда Советского Союза.

Председательствующий: Адвокат Апраксин, какие у вас будут соображения на этот счет?

Адвокат Апраксин: В данном случае я полностью соглашаюсь с предложением прокурора.

Председательствующий: Адвокат Боровик, ваше мнение?

Адвокат Боровик: Я возражений не имею.

Председательствующий: Подсудимый Пеньковский?

Пеньковский: Я прошу мое последнее слово выслушать в закрытом судебном заседании.

Председательствующий: Подсудимый Винн?

Винн: Я хотел бы посоветоваться с моим адвокатом.

Председательствующий: Пожалуйста, посоветуйтесь.

Винн: Я понял, каково положение дела, и возражений не имею.

Председательствующий: Военная коллегия, совещаясь на месте, определила: «Последние слова подсудимого Пеньковского и подсудимого Винна заслушать в закрытом судебном заседании».

Следующее, закрытое заседание Военной коллегии состоится завтра, 11 мая, в 10 часов утра.

**Заседание Военной коллегии
Верховного Суда СССР
11 мая**

(Информационное сообщение)

11 мая в Москве в зале судебных заседаний Верховного Суда СССР продолжался судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок гражданина СССР Пеньковского О. В. и подданного Великобритании шпиона-связника Гревилла Винна.

На утреннем, закрытом заседании суд заслушал последнее слово подсудимых и удалился в совещательную комнату для вынесения приговора.

На вечернем, открытом заседании председательствующий — генерал-лейтенант юстиции Борисоглебский В. В. огласил приговор. Суд признал Пеньковского виновным в измене Родине и на основании п. «а» ст. 64 Уголовного кодекса РСФСР приговорил к смертной казни — расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества и лишением воинского звания «полковник запаса».

Подсудимый Винн, признанный виновным в шпионаже, на основании ст. 65 Уголовного кодекса РСФСР приговорен к 8 годам лишения свободы с отбыванием первых трех лет в тюрьме и конфискацией ценностей и имущества, изъятых у него при аресте.

Приговор кассационному обжалованию не подлежит.

Суд вынес также частное определение, в котором указал, что сотрудники английского посольства А. Рауселл, Г. Кауэлл, его жена П. Кауэлл, Р. Чизхолм, его жена А. Чизхолм, Д. Варлей, Ф. Стюарт и американского посольства — А. Дэвисон, Х. Монто-

мери, Р. Карлсон, Р. Джэкоб и В. Джонс, используя официальное положение дипломатов, содействовали осужденным в шпионаже и занимались враждебной Советскому Союзу деятельностью, несовместимой с нормами международного права и статусом работников дипломатических представительств.

Присутствующие в зале суда представители общественности Москвы встретили приговор и частное определение с большим одобрением.

После оглашения приговора и частного определения председательствующий объявил судебное заседание закрытым.

Handwritten notes in the right margin, including the number 1 and several lines of illegible text.

Вечернее заседание

16 ч. 05 м.

Комендант суда: Суд идет! Прошу встать.

Председательствующий: Оглашается приговор.

П Р И Г О В О Р

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

11 мая 1963 года

ГОРОД МОСКВА

Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе: председательствующего — председателя Военной коллегии генерал-лейтенанта юстиции Борисоглебского В. В. и народных заседателей — генерал-майора Марасанова С. К., генерал-майора Цыганкова И. С., с секретарем судебного заседания майором Афанасьевым М. В., с участием государственного обвинителя — Главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции Горного А. Г. и защитников — членов Московской городской коллегии адвокатов Апраксина К. Н. и Боровика Н. К. — в открытом судебном заседании с 7 по 11 мая 1963 года рассмотрела уголовное дело по обвинению: гражданина СССР Пеньковского Олега Владимировича, родившегося 23 апреля 1919 года в г. Орджоникидзе, жителя г. Москвы, русского, с высшим образованием, семейного, имеющего на иждивении жену и двух дочерей, до ареста работавшего заместителем начальника иностранного отдела Управления внешних сношений

Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР, имеющего воинское звание «полковник запаса», — в совершении преступления, предусмотренного ст. 64 п. «а» УК РСФСР, и подданного Великобритании Винна Гревилла Мейнерда, родившегося 19 марта 1919 года в дер. Сент-Джордж графства Шропшир, Англия, жителя города Лондона, англичанина, с высшим образованием, семейного, имеющего на иждивении жену и сына, коммерсанта, — в совершении преступления, предусмотренного ст. 65 УК РСФСР.

Судебным следствием установлено: подсудимый Пеньковский в апреле 1961 года установил связь с английской и американской разведками и до разоблачения в октябре 1962 года собирал и передавал представителям этих разведок совершенно секретные сведения, составляющие государственную и военную тайну Советского Союза.

В апреле 1961 года Пеньковский посетил в гостинице «Националь» прибывшего в Москву в командировку подсудимого Винна, с которым состоял в доверительных отношениях с конца 1960 года, и заявил ему о своем согласии сотрудничать с английской разведкой. На очередной встрече с Пеньковским Винн, действуя по указанию ответственного дипломата посольства Великобритании в Москве, предложил Пеньковскому написать автобиографию и изложить свои возможности собирать секретную информацию о Советском Союзе. Письмо Пеньковского о согласии сотрудничать с английской разведкой и его автобиографию Винн в Лондоне передал английскому разведчику Аккройду.

20 апреля 1961 года Пеньковский в составе советской делегации вылетел в Лондон и взял с собой собранные им совершенно секретные сведения. Эти сведения Пеньковский передал встретившему его в аэропорту Винну, а Винн — разведчику Аккройду.

В Лондоне Винн организовал встречу Пеньковского с представителями английской и американской разведок «Грилье», «Майлом», «Александром» и «Ослафом», и Пеньковский дал письменное обязательство сотрудничать с английской и американской разведками.

После этого Пеньковский был представлен высокопоставленному чиновнику английской разведывательной службы, который дал ему задание фотографировать секретные советские документы. Для выполнения шпионских заданий разведчики передали Пеньковскому два фотоаппарата «Минокс», фотопленки к ним, транзисторный радиоприемник «Сония», два шифровальных блокнота, записную книжку с тайнописной копировальной бумагой и обучили его пользоваться этими техническими средствами.

Имея доступ по роду своей службы к секретным материалам, Пеньковский, возвратившись в Москву, сфотографировал секретные научно-технические материалы и в экспонированных фотопленках вместе с письмом, исполненным тайнописью, 27 мая 1961 года передал Винну, прибывшему из Лондона в Москву якобы по делам своей фирмы.

По заданию английской разведки Винн в тот же день встретился со вторым секретарем посольства Великобритании в Москве Р. Чизхолмом и вручил ему шпионские материалы, полученные от Пеньковского. Р. Чизхолм передал Винну для Пеньковского инструктивное письмо английской разведки и фотопленки к фотоаппарату «Минокс».

Находясь с 18 июля по 8 августа 1961 года вторично в служебной командировке в Лондоне, Пеньковский через Винна передал английской разведке шпионские сведения научно-технического характера, пять раз встречался с английскими и американскими разведчиками и выдал им секретные сведения.

Встречи с разведчиками происходили на конспиративных квартирах английской разведки, куда Пеньковского привозил Винн. Пеньковского познакомили с разведчицей Анной Чизхолм, женой второго секретаря посольства Великобритании в Москве Р. Чизхолма, и договорились, что Пеньковский будет поддерживать с ней шпионскую связь в Москве: получать от нее инструкции и фотопленки, а ей передавать шпионские донесения. Кроме того, Пеньковский получил указания использовать тайник американской разведки, устроенный в Москве, в подъезде дома № 5/6 на Пушкинской улице.

Возвратившись в Москву, Пеньковский сфотогра-

фиrowал секретные материалы и вместе с письмом передал их английской разведке через Винна, прибывшего в августе 1961 года в Москву. От Винна Пеньковский получил новый фотоаппарат «Минокс», фото- пленки, инструкции разведки и коробку из-под кон- фет, приспособленную для передачи шпионских доне- сений Анне Чизхолм.

В начале сентября 1961 года Пеньковский на Цвет- ном бульваре в Москве передал Анне Чизхолм в этой коробке через ее малолетнего ребенка 4 экспо- нированные фотопленки с секретными данными и письмо.

20 сентября 1961 года Пеньковский в составе со- ветской делегации вылетел в Париж. В аэропорту «Ле Бурже» его встретил прибывший туда по зада- нию английской разведки Винн, которому Пеньков- ский передал собранные им шпионские сведения. Эти сведения Винн доставил прилетевшему в Париж ан- глийскому разведчику Кингу, непосредственно руково- дившему шпионской деятельностью Пеньковского и Винна.

Во время пребывания Пеньковского в Париже Винн на своей автомашине несколько раз отвозил его на конспиративные квартиры для встречи с англий- скими и американскими разведчиками, водил Пень- ковского в рестораны и ночные клубы Парижа и опла- тил все расходы Пеньковского, связанные с таким времяпрепровождением. Английская разведка возме- стила Винну его расходы.

В июне 1962 года Винн в Лондоне встретился с Кингом, который познакомил его с Г. Кауэллом, буду- щим вторым секретарем посольства Великобритании в Москве, для осуществления шпионской связи.

2 июля 1962 года Винн по заданию разведки, мас- кируясь делами своей фирмы, прибыл в Москву, по- лучил от Пеньковского шпионское донесение и пере- дал его Р. Чизхолму. Р. Чизхолм послал через Винна Пеньковскому дополнительные инструкции, сигналь- ные открытки с условным текстом и 3 тысячи руб- лей — вознаграждение за шпионаж.

Между Пеньковским и представителями англий- ской и американской разведок была договоренность о возможном переходе Пеньковского на нелегальное

положение. Для этой цели разведка снабдила Пеньковского фиктивным советским паспортом. В дальнейшем планировалось бегство Пеньковского из Советского Союза. В связи с этим Пеньковскому были обещаны: высокое денежное вознаграждение за период шпионской деятельности начиная с апреля 1961 года, должность в американском или английском военном ведомстве с окладом 2 тысячи долларов в месяц и чин полковника.

Во время пребывания Пеньковского в Лондоне английские разведчики сфотографировали его в мундирах полковника английской и американской армий.

За время работы на английскую и американскую разведки Пеньковский получил от разведчиков 3 фотоаппарата «Минокс» и фото пленки к ним. Экспонированные фото пленки с секретными материалами Пеньковский передавал разведчикам: Винну, Анне Чизхолм и сотруднику посольства США в Москве Карлсону.

Изменив Родине, Пеньковский с большим усердием и преданностью служил английской и американской разведкам. Одно из последних донесений своим хозяевам, от 5 сентября 1962 года, изъятое во время обыска у Пеньковского, он начинает словами: «Мои дорогие друзья...» и заканчивает: «Крепко жму ваши руки... Я всегда чувствую вас рядом с собой. Ваш друг».

В судебном заседании Пеньковский признал себя виновным в измене Родине и показал, что преступление он совершил в результате морального разложения, тщеславия, карьеристских побуждений.

В суде установлено, что Пеньковский вел аморальный образ жизни, пьянствовал, не имел никаких духовных интересов и запросов. Безыдейность, моральное разложение, нравственная опустошенность привели Пеньковского к измене Родине.

Подсудимый Винн выполнял роль главного связующего звена между английской и американской разведками и Пеньковским и прикрывал свою преступную деятельность разведчика и шпиона деловыми встречами английского бизнесмена. Винн связал английских разведчиков в Лондоне с Пеньковским и на протяжении полутора лет, по планам разведки, осу-

ществлял контакты Пеньковского с английскими и американскими разведчиками в Москве, Лондоне и Париже: передавал Пеньковскому инструкции, задания, технические средства, принимал от Пеньковского шпионские донесения и материалы и переправлял их разведчикам, имел в своем распоряжении полученные от британского разведчика Кинга номера телефонов американских разведчиков в Нью-Йорке и Сиэтле для передачи Пеньковскому в случае его служебной командировки в США, готовил Пеньковского к побегу из Советского Союза.

В судебном заседании Винн признал себя виновным в шпионаже и показал, что первоначально не понимал подлинного значения и характера своих действий по поддержанию связи между английской разведкой и Пеньковским, а когда понял, что занимается шпионажем, то отказаться от выполнения заданий не смог вследствие того, что «попал в тиски английской разведки».

Совершенные Пеньковским и Винном преступления подтверждаются также заключениями экспертов и вещественными доказательствами. В квартире Пеньковского, в специально оборудованном тайнике, изъяты: фиктивный советский паспорт на имя другого лица, но с фотографией Пеньковского, 3 фотоаппарата «Минокс», 4 экспонированные фотопленки с секретными сведениями, 15 запасных фотопленок, радиоприемники «Соня» и «Зенит», записка с частотами радиоволн, 6 шифровальных блокнотов, 2 листа копировальной бумаги для тайнописи, 6 сигнальных открыток с условным текстом и инструкция к ним, донесение Пеньковского разведкам, которое, согласно заключению экспертов-криминалистов, было отпечатано на пишущей машинке «Континенталь» № 213956, изъятой в квартире Пеньковского.

Часть перечисленных вещественных доказательств — технических средств шпионажа — передал Пеньковскому Винн по заданию английской и американской разведок.

Согласно данному в судебном заседании заключению экспертов, многие сведения, переданные Пеньковским английской и американской разведкам и подготовленные им для передачи, являются секретными и

совершенно секретными, а часть из них составляет государственную и военную тайну Советского Союза.

В соответствии с изложенным, руководствуясь ст. 301—303 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда СССР

ПРИГОВОРИЛА:

Пеньковского Олега Владимировича признать виновным в измене Родине и на основании ст. 64 п. «а» УК РСФСР подвергнуть смертной казни — расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

На основании ст. 36 УК РСФСР лишить осужденного Пеньковского воинского звания «полковник запаса» и внести в Президиум Верховного Совета СССР представление о лишении его орденов и медалей.

Винна Гревилла Мейнерда признать виновным в шпионаже и на основании ст. 65 УК РСФСР лишить свободы на 8 лет, с отбыванием первых 3 лет в тюрьме, а последующих — в ИТК строгого режима.

Имущество и ценности, изъятые у Винна при задержании, конфисковать.

Срок наказания осужденному Винну с зачетом предварительного заключения исчислять со 2 ноября 1962 года.

Вещественные доказательства, служившие орудиями преступления: 3 фотоаппарата «Минокс», радиоприемники «Соня» и «Зенит», пишущую машинку «Континенталь» № 213956 — конфисковать.

Приговор кассационному обжалованию и опротестованию не подлежит.

Председательствующий
В. БОРИСОГЛЕБСКИЙ

Народные заседатели
С. МАРАСАНОВ,
И. ЦЫГАНКОВ

(Приговор был встречен присутствующими должительными аплодисментами.)

Председательствующий: Осужденный Пеньковский, в соответствии с Конституцией Союза ССР вам предоставляется право обратиться в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством о помиловании.

Осужденный Винн, вы можете обратиться в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о смягчении вам наказания.

Военная коллегия Верховного Суда Советского Союза вынесла частное определение в отношении дипломатических сотрудников посольства Великобритании и США.

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

11 мая 1963 года

ГОРОД МОСКВА

Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе: председательствующего — председателя Военной коллегии генерал-лейтенанта юстиции Борисоглебского В. В. и народных заседателей — генерал-майора Марасанова С. К., генерал-майора Цыганкова И. С., рассмотрев в открытом судебном заседании с 7 по 11 мая 1963 года уголовное дело по обвинению гражданина СССР Пеньковского О. В. по ст. 64 п. «а» УК РСФСР и подданного Великобритании Винна Г. М. по ст. 65 УК РСФСР,

УСТАНОВИЛА:

Сотрудники посольства Великобритании в Москве А. Рауселл, Г. Кауэлл, его жена П. Кауэлл, Р. Чизхолм, его жена А. Чизхолм, Д. Варлей, Ф. Стюарт и сотрудники посольства США в Москве А. Дэвисон, Х. Монтгомери, Р. Карлсон, Р. Джэкоб, В. Джонс, используя свое официальное положение, содействовали осужденным Пеньковскому О. В. и Винну Г. М. в проведении шпионажа и таким образом занимались враждебной Советскому Союзу деятельностью, несовместимой с нормами международного права и статусом сотрудников дипломатического представительства.

На основании ст. 321 УПК РСФСР Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР

ОПРЕДЕЛИЛА:

Изложенное довести до сведения министра иностранных дел Союза ССР для принятия надлежащих мер.

Председательствующий
В. БОРИСОГЛЕБСКИЙ

Народные заседатели
**С. МАРАСАНОВ,
И ЦЫГАНКОВ**

(Частное определение было встречено присутствующими бурными аплодисментами.)

В 16 ч. 40 м. судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР объявляется закрытым.

В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

13 мая с. г. Министерство иностранных дел СССР направило посольствам США и Великобритании в Москве следующие ноты:

НОТА ПОСОЛЬСТВУ США

Министерство иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик считает необходимым заявить посольству Соединенных Штатов Америки следующее.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев в ходе открытого судебного процесса, проходившего с 7 по 11 мая с. г. в г. Москве, дело гражданина СССР Пеньковского О. В. и подданного Великобритании Г. Винна, привлеченных к уголовной ответственности за шпионскую деятельность против Советского Союза, вынесла частное определение. В этом определении указывается, что работники посольства Соединенных Штатов Америки в СССР: второй секретарь У. Джонс, атташе Х. Монтгомери, помощник военно-воздушного атташе А. Дэвисон, атташе Р. Карлсон и секретарь-архивист Р. Джэкоб, выехавший из Советского Союза в ноябре 1962 года в связи с объявлением его персоной нон грата, используя свое официальное положение, содействовали осужденным

Пеньковскому и Винну в проведении шпионажа и таким образом занимались деятельностью, несовместимой со статусом сотрудников дипломатического представительства.

В связи с этим Министерство иностранных дел СССР заявляет посольству США протест по поводу незаконной деятельности указанных сотрудников посольства, являющейся грубым нарушением норм поведения дипломатического персонала, и объявляет У. Джонса, Х. Монтгомери, А. Дэвисона и Р. Карлсона персонами нон грата.

Министерство ожидает, что посольством будут приняты строгие меры к недопущению впредь подобной недозволенной деятельности его сотрудников.

НОТА ПОСОЛЬСТВУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Министерство иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик считает необходимым заявить посольству Великобритании следующее.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев в ходе открытого судебного процесса, проходившего с 7 по 11 мая с. г. в г. Москве, дело гражданина СССР Пеньковского О. В. и подданного Великобритании Г. Винна, привлеченных к уголовной ответственности за шпионскую деятельность против Советского Союза, вынесла частное определение. В этом определении указывается, что работники посольства Великобритании в СССР: второй секретарь Р. В. Чизхолм и его супруга Дж. А. Чизхолм, второй секретарь Г. Кауэлл и его супруга П. Е. Кауэлл, помощник военно-морского атташе Дж. Л. Варлей, атташе Ф. Стюарт и служащий посольства А. Рауселл, используя свое официальное положение, содействовали осужденным Пеньковскому и Винну в проведении шпионажа и таким образом занимались деятельностью, несовместимой со статусом сотрудников дипломатического представительства.

В связи с этим Министерство иностранных дел СССР заявляет посольству Великобритании протест по поводу незаконной деятельности названных работников посольства, являющейся грубым нарушением

норм поведения сотрудников дипломатического представительства, и объявляет указанных выше лиц персонами нон грата.

Находящиеся в настоящее время в Москве второй секретарь посольства Г. Кауэлл и его супруга П. Е. Кауэлл должны незамедлительно покинуть пределы Советского Союза.

Министерство ожидает, что посольством будут приняты строгие меры к недопущению впредь подобной недозволенной деятельности его сотрудников.

«Правда», 14 мая 1963 года

ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ

Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство о помиловании Пеньковского О. В., приговоренного Военной коллегией Верховного Суда СССР за измену Родине к смертной казни — расстрелу.

Приговор приведен в исполнение.

«Правда», 17 мая 1963 года

ХВОСТ СТАРОЙ ЛИСЫ

*Интервью Главного военного прокурора
генерал-лейтенанта юстиции А. Г. Горного
корреспондентам «Известий»*

Процесс над шпионом Пеньковским и его сообщником Винном привлек внимание мировой общественности. На страницах иностранных газет появилось огромное количество откликов. Во многих из них объективно излагался ход судебного разбирательства, признавалась справедливость приговора, вынесенного советским судом. Но нашлись и такие органы печати, в комментариях которых содержалось немало злобных измышлений.

Советские люди единодушно одобрили приговор, вынесенный шпионам. В своих письмах в редакцию читатели клеймят позором организаторов подрывной деятельности — американских и английских империалистов. Читатели также просили редакцию ответить на некоторые вопросы, связанные с делом Пеньковского и Винна.

Выполняя просьбу читателей, редакция «Известий» обратилась к Главному военному прокурору генерал-лейтенанту юсти-

ции А. Г. Горному, выступавшему на процессе Пеньковского и Винна в качестве государственного обвинителя.

«Известия» печатают сегодня ответы А. Г. Горного на вопросы наших корреспондентов В. Гольцева и В. Кассиса.

Корреспонденты: В связи с делом Пеньковского и Винна редакция «Известий» получила ряд писем, в которых читатели просят ответить, как велик ущерб, нанесенный нашей обороноспособности шпионской деятельностью Пеньковского?

А. Горный: После процесса у некоторых советских граждан создалось впечатление, что Пеньковский передал врагу чуть ли не все секреты, связанные с военной техникой, с обороноспособностью Советского государства. Такие утверждения лишены оснований. Пеньковский по занимаемой должности был далек от материалов, связанных с вооружением наших войск, с их дислокацией, с освоением новых видов оружия. Он передал иностранным разведкам сведения о некоторых технических отчетах советских специалистов, влезавших за границу, выдал разрозненные данные военного характера, которые ему удалось выудить от приятелей-болтунов и заполучить из закрытых изданий, а также переслал отдельные материалы внутриполитического характера.

Следует отметить, что на первом периоде шпионской деятельности Пеньковского американская и английская разведки присматривались к нему, проверяли, чтобы впоследствии поставить перед ним задачи по сбору материалов, особо их интересующих. Но уже к началу 1962 года Пеньковский был поставлен в условия, затруднявшие его связи с иностранными разведками. Об этом свидетельствует то, что большое количество собранных им важных секретных материалов было обнаружено у него при аресте, а затем эти материалы фигурировали на судебном заседании в качестве вещественных доказательств. Пеньковский их передать не сумел не по своей воле. Шпиону мешали бдительность советских людей и наших чекистов.

Пеньковский, став шпионом, передал американской и английской разведкам некоторые важные сведения, часть из которых связана с государственной тайной СССР. Он совершил тягчайшее преступление

перед Родиной, за что и приговорен к расстрелу. Однако можно с полной ответственностью утверждать, что переданные им материалы не могли нанести сколько-нибудь серьезного ущерба обороноспособности Советского Союза.

Корреспонденты: Читатели в своих письмах в редакцию спрашивают: что привело Пеньковского на путь измены Родине и шпионажа?

А. Горный: Материалы судебного разбирательства убедительно свидетельствуют, что Пеньковский стал наймитом иностранных разведок вследствие своей аморальности, карьеризма и эгоизма. Позер и карьерист, Пеньковский стремился к личной славе, личным корыстным успехам. Озлобленный на всех и на все за то, что был отчислен из кадров Советской Армии, что ему не предоставляют постоянной работы за границей, Пеньковский продался иностранным разведкам.

Корреспонденты: Некоторые читатели «Известий» спрашивают, почему Пеньковский не был арестован сразу после того, как попал в поле зрения органов государственной безопасности?

А. Горный: Я уже говорил, что после того, как органы государственной безопасности заметили подозрительные связи Пеньковского с иностранцами, он был поставлен в затруднительные условия. Несмотря на его настойчивые стремления выехать за границу, ему такой возможности не было предоставлено. Были поставлены определенные препятствия и на пути сбора им информации, его встреч с лицами, не внушающими доверия. Однако для ареста Пеньковского достаточно оснований еще не было, к тому же не были выявлены все его преступные связи с иностранцами, как за рубежом, так и находящимися в нашей стране. Я имею в виду дипломатических сотрудников посольств США и Великобритании в Москве. Надо было не только собрать неопровержимые доказательства шпионской деятельности Пеньковского, но и установить его преступные связи с империалистическими разведками, задокументировать их, собрать неопровержимые доказательства подрывной работы иностранных разведок и дипломатов. Шпион был обложен, как медведь в берлоге. В результате органам

государственной безопасности удалось собрать важные доказательства, которые изобличили не только Пеньковского и Винна как шпионов, но и большую группу сотрудников дипломатических представительств США и Англии в СССР в их подрывной работе против Советского государства.

Корреспонденты: наших читателей интересует, понесут ли какое-либо наказание лица, близко общавшиеся с Пеньковским и знавшие о его аморальном и подозрительном поведении?

А. Горный: Пеньковский был связан со многими людьми по службе и в быту. Некоторые из них оказались ротозеями и болтунами, другие, пьянствуя с Пеньковским, способствовали его разложению. Однако большинство советских людей, с которыми встречался Пеньковский, были честными, преданными нашей Родине. Они оказали большую помощь органам госбезопасности в изобличении Пеньковского как шпиона. Их сигналы легли в основу активной работы наших чекистов по разоблачению Пеньковского и Винна. Кстати, должен сказать, что группа советских граждан за помощь чекистам в разоблачении шпионов отмечена благодарностями и награждена ценными подарками Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

Что касается друзей и собутыльников Пеньковского, то они, как это было установлено на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, не знали о шпионской деятельности Пеньковского, а потому и не могут нести ответственности в уголовном порядке. Но их поведение заслуживает самого сурового общественного осуждения. Должен сказать, что все они подвергнуты строгим административным и партийным взысканиям. Так, например, бывший Главный маршал артиллерии С. Варенцов понижен в звании и должности за то, что, зная Пеньковского по фронту, доверился его «жалобам» на якобы незаконное отчисление из кадров Советской Армии. С. Варенцов добился пересмотра отрицательной служебной аттестации Пеньковского и в конечном итоге содействовал его устройству на службу в Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ СССР.

Близкие знакомые Пеньковского: генерал-майор А. Позовный, полковник В. Бузинов, бывший сотрудник Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР В. Петроченко, которые делились с Пеньковским в нарушение существующих положений служебными материалами, понесли строгие дисциплинарные наказания.

Его собутыльники — В. Финкельштейн и И. Рудовский также осуждены коллективами, в которых они работают.

Хочется надеяться, что эти люди исправятся, извлекут необходимые уроки и станут на правильный путь.

Корреспонденты: В западной буржуазной печати проскальзывали различные «сомнения» насчет откровенности признаний на суде Пеньковского и Винна. Что вы можете сказать по этому поводу?

А. Горный: Должен сказать, что солидные органы буржуазной печати, а также телеграфные агентства, корреспонденты которых присутствовали на судебном процессе Пеньковского и Винна, были вынуждены признать неопровержимость улик, предъявленных государственным обвинением шпионам, сидящим на скамье подсудимых. Так, например, комментируя судебный процесс, американские газеты «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн» писали, что никто не пытается поставить под сомнение виновность подсудимых. Корреспондент шведской газеты «Свенска дагбладет» из Лондона в дни процесса сообщал: «Из неофициальных английских комментариев нельзя не видеть, что суд над Винном поставил английское правительство и английскую службу безопасности в затруднительное положение, ибо не было предъявлено ничего такого, что позволило бы отклонить признание Винна в шпионаже».

Аналогичные заявления содержались и в других газетах. Но, как всегда, не обошлось и без попыток посеять недоверие к советскому правосудию. Злостные измышления, фантастические домыслы — излюбленные приемы буржуазной бульварной печати. Турецкая газета «Ени Истанбул» утверждала, что Винну в тюрьме была произведена «операция промывки мозгов». Думаю, что такое измышление газеты

не могло не вызвать смех даже у лишенных объективной информации читателей.

Признание своей вины Пеньковским и Винном в тяжчайших преступлениях объясняется просто: неопровержимостью улик, кропотливо собранных предварительным следствием и предъявленных на суде обвиняемым. В руках государственного обвинения находились и были представлены суду многочисленные доказательства виновности подсудимых. Эти доказательства абсолютно объективного порядка, не зависящие от показаний и признаний подсудимых. Это прекрасно понимали Пеньковский и Винн. Они еще в ходе следствия убедились, что изобличены и пойманы с поличным. Поэтому-то шпионы и пошли на признание своей вины и в известной мере на раскаяние.

Беспорные объективные доказательства — это обнаруженная и изъятая при аресте Пеньковского и Винна шпионская техника: миниатюрные фотоаппараты «Минокс», шифроблокноты, дневники, инструкции шпионских центров, радиоприемники, многочисленные письменные документы, а также проведенные следственные эксперименты. В этих условиях Пеньковскому и Винну ничего не оставалось, как признать виновность, сознаться в своих преступлениях.

Корреспонденты: Молва связывает Пеньковского с семьей покойного Главного маршала артиллерии М. И. Неделина.

А. Горный: Это вздорные слухи. К семье Маршала М. И. Неделина Пеньковский не имел никакого отношения. Он был женат на дочери генерала Г., бывшего политработника, умершего несколько лет назад. Генерал Г. не служил в ракетных войсках, и поэтому Пеньковский не мог через семейные каналы получить какие-либо сведения о нашем ракетном оружии. Предварительным и судебным следствиями установлено, что жена и родные Пеньковского не знали о его преступной деятельности. Они были глубоко потрясены и возмущены, узнав его подлинное лицо. Пеньковскому удалось передать иностранным разведчикам обрывочные сведения о старых образцах ракет, которые он получил еще в период службы в армии.

Корреспонденты: Что можно сказать о деятельности империалистических разведок против СССР на основе дел по шпионажу, которые слушала Военная коллегия Верховного Суда СССР за последние годы?

А. Горный: Шпионаж и диверсии против СССР возведены в ряде империалистических государств на уровень государственной политики. Ведущая роль в шпионаже против Советского Союза принадлежит Центральному разведывательному управлению США. На службу шпионажу поставлена самая совершенная современная техника: от миниатюрных фотоаппаратов «Мипокс» до космических спутников — «шпионов в небе».

Процесс над Пеньковским и Винном прищемил и хвост старой лисице — английской разведке «Сикрет интеллидженс сервис». Она существует вот уже около трехсот лет и действует все более коварными и изощренными методами. Однако при этом пытается оставаться в тени. Но это ей плохо удастся, о чем наглядно свидетельствует процесс над шпионами Пеньковским и Зинном.

Империалистическим разведкам все труднее и труднее становится вести свою подрывную работу в Советском Союзе и в странах социалистического содружества. В нашей стране нет социальной базы для вербовки агентов иностранных разведок. Поэтому английская и американская разведки делают ставку на профессиональных шпионов, которые готовятся в специальных школах, а потом различными средствами засылаются в нашу страну. Но все они неизбежно оказываются перед лицом советского правосудия.

Попирая нормы международного права, американская и английская разведки используют для шпионской деятельности членов различных делегаций, ученых, промышленников, деятелей культуры, студентов и туристов, которые приезжают в нашу страну. Об этом, в частности, свидетельствует разоблачение шпионов-туристов Каминского и Макинена, Зоннтага и Науманна, супругов Вернер, Яхер Лоу и Рейдона и других.

Во время суда над Пеньковским и Винном была доказана причастность к шпионской деятельности

7 английских и 5 американских дипломатов. Все они с позором были изгнаны из Советского Союза — одни во время следствия, а другие после суда. Эти факты позволяют сделать вывод, что империалистические разведки не стыдятся превращать дипломатические миссии, находящиеся в Советском Союзе, в центры шпионажа. Стоит ли говорить, что такие грязные действия американской и английской разведок наносят огромный вред делу укрепления доверия между народами, государствами, мешают развитию научного и культурного сотрудничества, международной торговли?

В то же время, как показал процесс над Пеньковским, разведки буржуазных государств стремятся и среди советских людей найти отдельных отщепенцев, которые могли бы пойти к ним на службу и предать интересы Родины и народа. Это, как правило, люди морально разложившиеся, идейно опустошенные, карьеристы и себялюбцы, готовые за нудины серебряники продать врагу. Но отщепенцы не имеют корней в нашей советской жизни, потому они неизбежно и быстро проваливаются, своевременно разоблачаются органами государственной безопасности при активной помощи трудящихся.

Корреспонденты: Кое-кто на Западе подвергает сомнению даже сам факт приведения в исполнение приговора над шпионом Пеньковским. Что вы можете сказать по этому поводу?

А. Горный: Стремясь дискредитировать процесс над Пеньковским и Винном, пригвоздивший к позорному столбу разведки США и Англии, бульварные газеты Запада идут на чудовищную ложь и фантастические измышления. Английская реакционная газета «Санди телеграф» 19 мая, уже после приведения приговора Пеньковскому в исполнение, писала: «Западные официальные лица в Москве считают, что смертный приговор Олегу Пеньковскому — чистейшая липа. Как выразился один дипломат, казнь Пеньковского «состояла в том, что его паспорт уничтожили, а взамен ему выдали другой»».

Это сообщение — бесстыдная газетная липа. Пеньковский мертв. Приговор приведен в исполнение во второй половине дня 16 мая. Накануне Пеньковскому

было предоставлено свидание с матерью. В течение ночи он написал несколько писем. Когда ему было объявлено, что Президиум Верховного Совета СССР отклонил его ходатайство о помиловании, и сообщено о том, что приговор будет приведен в исполнение, от позерства, с которым он держался на суде, не осталось и следа. Он встретил смерть как презренный трус.

Корреспонденты: Каков урок, который должна извлечь наша общественность из дела Пеньковского?

А. Горный: Процесс над Пеньковским и Винном напоминает всем советским людям о необходимости высоко держать революционную бдительность, быть непримиримыми к ротозейству, болтливости, беспечности, в обстановке которых могут творить свою черную работу шпионы иностранных разведок. Я думаю, что материалы процесса убедительно свидетельствуют и о необходимости усиления борьбы с обывательщиной, мещанством, безыдейностью, пережитками прошлого, которые разъедают сознание отдельных морально неустойчивых людей. От обывательщины один шаг до морального разложения, а моральное разложение, идейная опустошенность могут привести человека в сети империалистических разведок.

В связи с делом Пеньковского на Западе поднята шумная пропагандистская кампания о якобы начавшейся у нас шпиономании. Это, конечно, пропагандистский трюк. Советские люди не склонны видеть в каждом иностранце шпиона. Они гостеприимно открывают свои двери всем, кто приезжает в нашу страну с добрыми намерениями. Мы против шпиономании, против ненужной подозрительности, которая лишь вносит нервозность и на деле вредит борьбе с действительными врагами социалистического государства. Но мы за революционную бдительность, которая должна быть нормой поведения каждого советского человека.

«Известия», 29 мая 1963 года

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ВЫШЕ РЕВОЛЮЦИОННУЮ БДИТЕЛЬНОСТЬ! . . .	3
СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕР- ХОВНОГО СУДА СССР ПО ДЕЛУ ПЕНЬКОВ- СКОГО О. В. и ВИННА Г. М. 7—11 МАЯ 1963 ГОДА	7
ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР 7 МАЯ	—
Утреннее заседание	9
Обвинительное заключение	18
Дневное заседание	43
Вечернее заседание	75
ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР 8 МАЯ	115
Утреннее заседание	116
Вечернее заседание	161
ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР 9 МАЯ	199
ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР 10 МАЯ	200
Утреннее заседание	201
Вечернее заседание	235
Речь государственного обвинителя А. Г. Горного	—
Речь защитника А. К. Апраксина	275
Речь защитника Н. К. Боровика	286
ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР 11 МАЯ	299
Вечернее заседание	301
Приговор	—
Частное определение	308
В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР	309
ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ	311
ХВОСТ СТАРОЙ ЛИСЫ	—